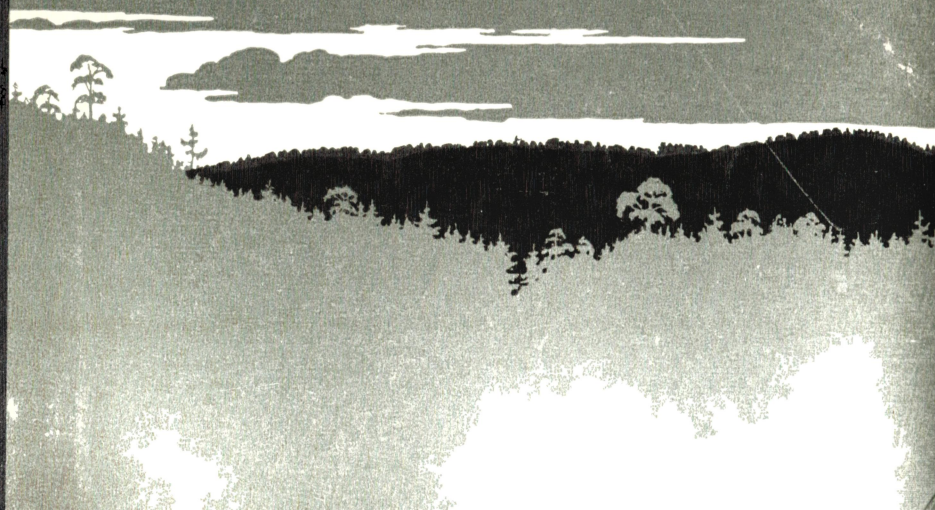

И. Я. С Т Р О Д

В ЯКУТСКОЙ
ТАЙГЕ

Иван Яковлевич
СТРОД

В О Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

И. Я. СТРОД

В

**ЯКУТСКОЙ
ТАЙГЕ**

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1961

Кровавые события в далекой Якутии, о которых повествуется в этой книге, разыгрались в то время, когда на Курилах и Сахалине еще хозяйничали японские интервенты. Под защитой их штыков на Дальнем Востоке, в Приморье властвовал со своей «земской ратью» царский генерал Дитерихс. На Камчатке, на Охотском побережье и на крайнем севере Якутии рыскали белые банды бочкаревцев, артемьевцев, а в верховьях Лены и по всей обширной таежной Иркутской губернии, от Байкала до Енисея, зверствовали отряды, отставшие от разгромленной колчаковской армии. Не добит был и барон Унгерн, прорвавшийся из Монголии в Советское Забайкалье. Все эти многочисленные враги Советской власти отвлекали на себя, а также для охраны Забайкальской железной дороги значительные силы действовавшей там нашей 5-й армии.

Мучившие Россию голод и разруха ощущались самым острым образом и в Якутии. Летом 1921 года остаткам контрреволюционных партий удалось, спекулируя на продовольственных трудностях, поднять там белогвардейский мятеж.

Думается, что штаб 5-й армии допустил ошибку, сразу же не выслал в Якутск регулярные войска для подавления мятежа в зародыше. Только через семь месяцев, в марте 1922 года, туда пришел отряд Каландарашвили. Но к тому времени мятежники успели уже связаться с белогвардейщиной, выброшенной из Советской России и осевшей в Маньчжурии. На помощь им спешил колчаковский генерал Пепеляев.

Из бывших своих сослуживцев и подчиненных по колчаковской армии Пепеляев сформировал наполовину состоявшую из офицеров так называемую «Сибирскую добровольческую дружину» и высадился с ней на берегу Охотского моря. Он рассчитывал, опираясь на мятежников, с помощью белогвардейских отрядов и просто уголовных банд триумфальным маршем двинуться на Якутск, по пути поднимая на борьбу с Советской властью местное население.

Начиная поход, Пепеляев строил честолюбивые планы. После завоевания Якутии он намеревался захватить Сибирь, а затем пойти на Москву. Конечно, расчеты уже битого Красной Армией генерала были явно авантюрны. Но для ЯАССР его поход представлял существенную угрозу.

Якутия не могла сразу выставить против Пепеляева необходимые силы. Некоторые подразделения красных войск после подавления антисоветского мятежа были расформированы. Другие, как мы уже

говорили, завершали разгром белогвардейских отрядов вдали от столицы республики. Чтобы поднять против белогвардейцев якутский народ, а также собрать свои разрозненные силы в единый кулак, командованию красных войск в Якутии требовалось время.

Надо было во что бы то ни стало задержать Пепеляева на побережье Охотского моря, не позволить ему сразу идти на Якутск. Это и осуществил наш небольшой отряд в 282 человека под командованием автора книги Ивана Яковлевича Строда.

Вообще борьба с белогвардейщиной в Якутии, полная революционной романтики, в значительной своей части связана с именем Строда, одного из героев гражданской войны, пламенного патриота, верного сына Коммунистической партии. В разное время он возглавлял отряды Красной Армии, участвовавшие в боях против колчаковцев, семеновцев, против белогвардейских банд Артемьева, Галибарова и других врагов республики.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили подвиги И. Я. Строда в гражданской войне. Он был награжден тремя орденами Красного Знамени и золотым нагрудным знаком Президиума ЦИК Якутской АССР. Командование 12-го лехотного корпуса Красной Армии вручило И. Я. Строду серебряное оружие с надписью «Герою Якутии».

Иван Яковлевич пользовался большой любовью и уважением якутского народа. После разгрома пепеляевцев в знак заслуг его перед революцией митинг войск гарнизона и жителей г. Якутска постановил ходатайствовать о присвоении ему почетного имени Строд Якутский.

Предлагаемые вниманию читателя воспоминания И. Я. Строда «В Якутской тайге» представляют собой несколько сокращенный вариант его книги, выпущенной под тем же названием Якутским издательством в 1959 году. Они воскрешают в памяти события давно минувших дней, имена славных героев гражданской войны.

Книга в живой форме повествует о борьбе отрядов Красной Армии против «дружины» генерала Пепеляева. Центральное место в ней занимает героическая эпопея многодневной неравной борьбы в глубоком тылу противника небольшого красноармейского отряда, сковавшего главные силы пепеляевцев. 18 суток длилась беспримерная по стойкости «ледовая осада», в которой высокая политическая сознательность и преданность Советской власти позволили бойцам перенести выпавшие на их долю трудности.

Когда читаешь книгу И. Я. Строда, невольно вспоминаешь слова великого Ленина о причинах нашей победы в гражданской войне. «Мы победили потому, — говорил Владимир Ильич, — что лучшие люди всего рабочего класса и всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершали чудеса храбрости, переносили неслыханные лишения, жертвовали собой, изгоняли беспощадно шкурников и трусов».

Это полностью относится к героям «ледовой осады» и их легендарному командиру.

*Бывший военком сводного красноармейского
Петропавловского отряда М. КРОПАЧЕВ*

В ЧЕРНОМ ГНЕЗДЕ ХАРБИНСКОЙ БЕЛОЭМИГРАЦИИ

астоящие воспоминания относятся к концу 1922 — началу 1923 года, когда мне пришлось участвовать в боях по ликвидации авантюры колчаковского генерала Пепеляева. Этой белогвардейской аванюре предшествовали события в стане врага, ознакомление с которыми, как мне кажется, облегчит читателю понимание всего происходившего тогда в Якутии.

Узнавать о них нам помогали сообщения наших товарищей из Харбина и Владивостока, признания раскаявшихся перебежчиков-белогвардейцев или просто слухи, доходившие из тайги. Много полезного и интересного сообщили, например, перебежчики подпоручик Наха и чиновник Вычужанин. Во всяком случае, данные, поступавшие к нам различными каналами, позволяли представить себе картину происходившего у Пепеляева. И должен сказать, что много позже, знакомясь с различными материалами, относившимися к тому времени, я убедился, что данные наши в целом соответствовали истине.

Как после бури морские волны выбрасывают на берег остатки разбитого корабля, так и грозные волны Октябрьской революции, растрепав колчаковскую армию, выбросили ее жалкие остатки в далекую Маньчжу-

рию. Теснимые со всех сторон крестьянскими партизанскими отрядами, колчаковцы в панике бежали на восток, бросая обозы, оружие, раненых, оставляя на своем пути разрушенные и зараженные страшной тифозной вошью деревни и села.

Центром вынужденного переселения белогвардейцев стал Харбин — город бешеной спекуляции и наживы, чудовищной эксплуатации беззащитного, нищего китайского населения, огромный притон с бесчисленными домами терпимости.

В этот «злачный» уголок Северной Маньчжурии под общим лозунгом «спасения от большевиков» было загнано не мало запуганных и обманутых рабочих уральских заводов, крестьян восточных губерний и рядового казачества. Здесь же нашли приют князя Кропоткины, Голицыны, Ухтомские, аристократическая верхушка омского правительства Колчака и прочие ярые извечные враги рабоче-крестьянского люда. Под кличкой «беженцы» собралось нелепое объединение людей с абсолютно разными классовыми интересами. Обиженные большевиками господа старались политически спекулировать на создавшихся при этом трудностях, но сама жизнь быстро разделила весь этот конгломерат беженцев по их классовой принадлежности, поставила всех на свои места.

Одни из них обрели здесь сытую, обеспеченную жизнь благодаря вывезенным с собой ценностям и золотым запасам, находившимся в распоряжении бывшего российского консула в Харбине Попова. Это была аристократическая верхушка эмиграции, для которой оказались доступными все жизненные блага. Другие, люди «черной кости», превратились в отверженных, брошенных на чужбину париев. Впрочем, трудовой люд довольно быстро рассосался по заводам и фабрикам города, большую его часть поглотили громадные главные харбинские мастерские Китайско-Восточной железной дороги.

Пролетарская часть эмиграции уже вскоре стала в оппозицию к привилегированным беженцам. Она не принимала никакого участия в подготовке враждебных акций против Советской России, которую усиленно вела аристократическая верхушка белоэмиграции. В условиях безотрадной жизни, на далекой чужбине их классовый

инстинкт быстро развеял тот дурман, под влиянием которого они вначале позволили увлечь себя на путь борьбы со своими кровными братьями по классу.

Хуже всего, конечно, пришлось различным маменькиным сынкам, которые не были приняты у «избранных» и не пристали к трудящимся. Разнообразные соблазны большого развратного города сыграли свою роль в судьбе многих из них. Вскоре за счет этих неудачников эмиграции стали пополняться воровские шайки. Часть таких людей уходила к разбойникам хунхузам в качестве инструкторов военного дела или вкрапливалась в компании различных темных аферистов, главным образом фальшивомонетчиков, которыми Харбин кишмя кишел. Некоторым «счастливым» удалось устроиться на содержание к престарелым матронам харбинской буржуазии. Таков был общий фон харбинской белоэмиграции, на котором несколько обособленно маячила фигура генерала Пепеляева.

В Модягоу, на окраине города, частенько можно было встретить грузного, небрежно одетого человека средних лет, в потасканных шароварах защитного цвета, в толстовке, в серой, надетой по-военному, немного набок, шляпе. Он проходил медленной развалистой походкой, на лице его как бы застыла тяжелая, мучительная, неразрешенная дума.

Это и был Пепеляев, участвовавший в колчаковском походе, мечтавший через Вятку первым победоносно войти в златоглавую Москву под ликующий звон церковных колоколов. Но судьба играет человеком. Вместо Москвы он на правах беженца оказался в Харбине. Вместо бывшей армии у него осталась горстка приверженцев-офицеров, с которыми этот некогда бравый генерал занялся теперь тяжелым промыслом ломового извоза.

Среди харбинской эмиграции Пепеляев с группой своих единомышленников занял традиционную для областничества¹ «среднюю линию».

¹ Областничество — реакционное движение сибирской буржуазной интеллигенции, видевшей будущее Сибири в отделении ее от России. После Октябрьской революции флагом областничества воспользовалась контрреволюция для борьбы с Советской властью. Областническое движение не получило никакой поддержки со стороны трудящихся Сибири и перестало существовать после разгрома колчаковщины и изгнания интервентов.

Привилегированная верхушка белоэмиграции чуждалась его как «мужичьего генерала», окруженного кучкой довольно простоватых офицеров. Она ставила в вину Пепеляеву его «слишком левый демократизм», в результате чего, дескать, вся его 1-я Сибармия в 1919 году и перешла на сторону красных войск.

Трудящаяся часть эмигрантов, хотя и продолжала держать связь с пепеляевцами, совсем недвусмысленно давала понять, что больше ее не заманят ни на какие выступления против Советской власти. Среди этих бывших соратников Пепеляева по уральскому фронту зрело желание повиниться власти рабочих и крестьян за свои невольные ошибки и поскорее вернуться в Советскую Россию к насиженным родным местам.

Колоссальное поражение, которое на полях Сибири потерпела колчаковщина, не явилось для пепеляевцев должным уроком и не помогло им основательно разобраться в событиях, развернувшихся в России после Октябрьской революции. Поэтому-то и поражение контрреволюции они расценивали как физическое, а не политическое.

Причиной своего падения они считали слишком реакционную политику диктатуры Колчака, оттолкнувшую от него широкие народные массы, главным образом крестьянство, озлобленное диким разгулом карательных отрядов.

Пепеляев и раньше высказывал мнение, что, завоевав Сибирь, не следует сразу двигаться дальше в Россию. Он предлагал укрепиться на западных границах Сибири, сформировать мощную армию и выжидать дальнейших событий. Причем законной властью для Сибири он считал власть, установленную через «земский собор».

Этим и объясняются его постоянно натянутые отношения со ставкой верховного правителя, завершившиеся арестом Колчака на станции Тайга самим же генералом Пепеляевым. Правда, арест этот был бутафорным, не имевшим никаких серьезных последствий для Колчака, отделавшегося обещанием созвать «земский собор» в Красноярске или Иркутске.

Теперь, когда поражение Сибармии было совершившимся фактом, Пепеляев еще больше укрепился в сознании своей правоты. Он даже мечтал о том, что Сибирь и теперь останется сильной под своим бело-зеленым

стягом и сможет так или иначе договориться с Советской Россией, чтобы сохранить свою автономную крестьянскую обособленность, вне зависимости от «большевистской метрополии».

Так пепеляевцы тешили себя бесплодными мечтами. Они по-прежнему слепо верили своему генералу и ждали от него призыва на борьбу с большевиками во имя спасения «страны снега и льдов».

Пепеляев и его приверженцы вынашивали новое, или, вернее, подновленное, идеологическое обоснование для будущей борьбы с Советской властью. Сквозь призму областнически-эсеровских идей им стало мерещиться возможным установить «всероссийское крестьянское царство», с крепким мужичьим укладом. Они считали обязательным сохранение всех старых семейных устоев как связующего и облагораживающего начала государства. Сытую жизнь старожилого сибирского крестьянства Пепеляев ставил в основу своего политического идеала.

О промышленном пролетариате пепеляевцы думали мало. Да и вообще они были далеки от понимания классовой борьбы, предполагая, что «крестьянское царство» само по себе установит справедливую жизнь для «всего народа».

Конкретного представления о политической форме проектируемой ими власти у пепеляевцев не было. Этот вопрос они оставляли открытым до учредительного собрания, которое должно было установить форму правления, приемлемую для «большинства народа».

Вера в крестьянскую иллюзию окончательно ослепила пепеляевцев. Не считаясь с реальной действительностью, они, как фанатики, стали поджидать, когда российское и сибирское крестьянство самостоятельно выступит на арене политической жизни страны и свергнет большевиков. Выступать самостоятельно пепеляевцы не желали, рассчитывая, что «народ» в свое время сам призвет их на борьбу с «большевистским засильем».

В далекую Маньчжурию доносились слухи о вспышках в некоторых местах Сибири кулацких восстаниях. Слухи эти подхватывались продажной зарубежной прессой и раздувались до событий колоссальной важности, якобы сигнализирующих о скорой гибели Советской власти.

Все это еще больше укрепляло у пепеляевцев веру в правоту своих взглядов. Именно поэтому Пепеляев упорно отказывался от приглашений, исходивших как от генералов, еще продолжавших борьбу с большевиками, так и от амурского ревкома, который предлагал Пепеляеву с группой приверженцев перейти на сторону Советской власти.

История, словно сжалившись над пепеляевцами, откликнулась на их ожидание «крестьянского бунта» восстанием в Якутии. На этой глухой и далекой окраине северо-восточной Сибири жили темные, задушенные царизмом и придавленные суровой природой севера, якуты. Они находились в полной экономической зависимости от зажиточного слоя кулаков, различного рода тойонов (начальников, богатеев) и хищных купцов, глубоко запустивших свои кровожадные щупальца в таежные ста- новища.

Жестоким и наглым эксплуататорам якутского народа пришлось не по нраву новая власть, стремившаяся вырвать из их цепких лап бедноту. Это они начали вооруженную борьбу с целью свергнуть ненавистные им Советы.

В конце 1921 года несколько белогвардейских офицеров во главе с корнетом Коробейниковым бежали из Якутска. На реке Мае они захватили пароходы «Соболь» и «Киренск», буксировавшие в Якутск баржи с товарами Якутского областного союза кооперативов «Холбос». Белогвардейцы повернули караван обратно и добрались до поселка Нелькан, расположенного в 800 км к юго-востоку от Якутска. Здесь Коробейников встретился с купцом Юсупом Галибаровым и уполномоченным «Холбоса» эсером П. А. Куликовским. Три авантюриста установили в Нелькане свою власть.

Самозванные правители приступили к формированию белогвардейского отряда. Несколько аршин мануфактуры и кирпич чаю действовали на отсталых тунгусов и якут сильнее всякой агитации. Так было создано ядро антисоветского восстания в Якутии, поддержанное приморским белогвардейским правительством и иностранными интервентами.

Коробейников повел наступление в глубь области, стремясь завладеть ее административным центром Якутском. Немногочисленные советские войска, защищавшие

подступы к городу, не имели опыта борьбы и терпели поражения. В результате в марте 1922 года Якутск оказался в кольце окружения.

В это время по инициативе реакционной зажиточной верхушки области в селе Чурапче, в 160 верстах северовосточнее Якутска, состоялся съезд «представителей» нескольких волостей, на котором было создано так называемое «Временное якутское областное народное управление». В его состав вошли купцы, кулаки, буржуазные интеллигенты. Корнета Коробейникова съезд назначил «командующим якутской народной армией».

Тем временем из Иркутска на помощь окруженным спешил экспедиционный отряд советских войск под командованием известного во всей Сибири партизана «дедушки» Каландарашвили. Я вел тогда авангард отряда. В 32 верстах от Якутска Каландарашвили со штабом попал в засаду и погиб.

Эта «победа» еще больше окрылила белогвардейцев, и Коробейников поторопился послать во Владивосток донесение о взятии Якутска.

После Каландарашвили командование экспедиционным отрядом принял я. К тому времени в Якутск прибыли два красных полка с артиллерией. И «военное счастье» сразу же изменило корнету, белые стали терпеть одно поражение за другим. Прошло несколько месяцев после начала восстания, и «армия» Коробейникова распалась как карточный домик. Обманутые повстанцы опомнились, стали сдаваться в плен целыми отрядами.

Авантюра Коробейникова стоила трудящимся Якутии очень дорого. Помимо человеческих жизней, она потребовала больших экономических жертв. Белогвардейцы сожгли в Чурапче лучшую в области больницу, школу и библиотеку, уничтожили на реке Лене дровяные склады, спилили до 2 тысяч телеграфных столбов, отобрали у населения до 80 процентов скота, разграбили при захвате пароходов «Киренск» и «Соболь» 40 тысяч пудов грузов, предназначенных для якутского населения.

В мирную полосу хозяйственного и культурного строительства Якутская автономная республика вступила разоренной, экономически надорванной. Продовольственное положение ее было чрезвычайно тяжелым. В Якутию обычно завозили 300—400 тысяч пудов хлеба, но в

1922 году сюда доставили всего лишь 140 тысяч пудов. Да и то большая часть грузов осталась в верховьях Лены. Население Ленского округа голодало.

Когда Коробейников начинал антисоветское восстание, идейным вдохновителем восстания стал правый эсер Куликовский, бывший политический ссыльный, видный деятель сибирской областнической контрреволюции. Но он уже вскоре понял, что собственными силами и средствами контрреволюционерам не справиться с Советской властью даже на территории Якутии. Поэтому он обратился за помощью к так называемому Временному приморскому правительству, возглавлявшемуся купцами Меркуловыми.

В конце апреля 1922 года Куликовский писал Меркулову о положении дел в Якутской области:

«27 февраля с. г. мною был представлен вам, господин председатель, доклад начальника Майского противосоветского отряда офицера Коробейникова. Доклады ваю вновь о положении дел в Якутской области.

В сентябре прошлого года под командой начальника отряда Коробейникова в Майском районе было 200 человек белоповстанцев. В это же время началась организация отрядов в районе сел Амга, Чурапча и в устье р. Алдана. Был разбит отряд красных, вернувшихся из Охотска, в количестве пятидесяти человек, под командой Пыжьянова и Вердеревского. Отряд этот разбит в конце октября у Охотского перевоза. Другой отряд красных, высланный из Якутска, был разбит в начале октября в тридцати верстах от устья Май по Аллану. В конце января на подкрепление Коробейникову пришел из Охотска отряд Сентяпова. Кроме того, часть отряда Сентяпова была направлена в гг. Верхоянск и Колымск.

Из Охотска также подошла часть отряда Бочкарева. Приблизительно в половине февраля в Вилуйском округе образовался отряд под руководством якута Ксенофонтова В. Г. Со всеми этими силами и была начата осада г. Якутска, которая затянулась вследствие слабого вооружения. Но после того как был разбит шедший из Иркутска на выручку красных в Якутск отряд Каландарашвили, а сам он убит, удалось подкрепиться оружием, и в конце марта был взят Якутск.

В данное время наступает опасный момент, когда из Иркутска ожидается приход красных войск, почему крайне необходимо снабдить якутские белые войска винтовками с патронами, хотя бы на тысячу бойцов, также нужны револьверы с патронами и обмундирование».

Не ограничившись письменным обращением к Меркулову, Куликовский, прихватив всю пушнину «Холбоса», сам выехал во Владивосток.

Здесь он установил связь с организацией сибирских областников, возглавляемой известным сибирским кооператором Сазоновым. Тесно связанный с Пепеляевым, знавший настроение его окружения, Сазонов посоветовал Куликовскому от имени якутского народа обратиться к генералу с просьбой оказать помощь в борьбе с Советской властью и принять на себя должность командующего вооруженными силами Якутии.

Куликовский, прихватив с собой «представителей якутской общественности», поспешил в Харбин. «Настоящие якуты», возглавляемые краснобайствующим «старым революционером», попали в уязвимое место генерала, получалось вроде все так, как он и рассчитывал.

Услышав «призывной сигнал народа», Пепеляев охотно дал согласие оказать военную помощь «якутскому народному восстанию». Втайне он надеялся, что в случае удачи выступления в Якутской области, волна народного восстания против большевиков покатится дальше, поднимет на своем гребне пепеляевцев и позволит им создать автономную Сибирь.

От «подлинных народных представителей» Пепеляев получил аванс в сумме 60 тысяч золотых рублей. А вскоре он заключил договор с приморским правительством на право формирования во Владивостоке особого сибирского отряда для борьбы с Советской властью в Якутии.

В Харбине началась спешная вербовка командного состава из представителей белогвардейской эмиграции. Предпочтение при этом отдавалось старым сослуживцам Пепеляева по 1-й сибирской армии.

Опять на далекой сибирской окраине всплывала знакомая мрачная фигура генерал-лейтенанта Пепеляева, который в 1918 и 1919 годах обогрел кровью рабочих и крестьян сибирские просторы от берегов Байкала до гор Урала.

О затаенном Пепеляевым походе в Якутию скоро узнали те, кто в нем были кровно заинтересованы. Миллионер П. Кушнарев, грабивший якутов еще при царизме и бежавший после революции за границу, стал одним из покровителей пепеляевской авантюры. Он был не прочь еще раз погреть свои руки на костре гражданской войны.

Финансируя организаторов военного пепеляевского похода, Кушнарев рассчитывал, что это ему зачтется после победы, во время дележа добычи. С этой целью он связался с Куликовским и заранее решил оговорить свою долю.

«Господин управляющий Якутской областью! — писал Кушнарев. — Сообщаю вам о том, что на призывы якутского населения и его общественности, которые я начал получать еще с осени прошлого года, я счел своим долгом откликнуться организацией экономической помощи краю, зная, что обеспечение населения необходимым влечет за собой восстановление разрушенного народного хозяйства, возрождение мощи и независимости края.

К счастью, географическое положение окраины, прилегающей к морю, обеспеченной независимыми морскими сообщениями, благоприятствовало осуществлению моей идеи.

Прошлой зимой я поехал в Америку и организовал там американское акционерное общество «Олаф-Свенсон и К°», задачи которого заключаются в снабжении Якутской и Камчатской областей необходимым населению импортом, в содействии развитию торговли и промышленности, установлению путей сообщения, кредитных учреждений и осуществлению других мероприятий хозяйственного характера.

В осуществление этих задач нашим обществом послано к берегам Камчатки и Якутской области несколько торговых экспедиций, в том числе к устью р. Колымы, к берегам Охотского моря, на Олу, Охотск и в Аян. Вероятно, уже прибыл корабль нашего общества «Мазатлан» с американскими товарами и продовольствием, необходимыми населению. На этом пароходе находится президент нашего общества Свенсон.

Как вам известно, делегаты якутской общественности и «Холбоса» Г. В. Никифоров и С. П. Попов, встре-

тив меня в Японии, обратились с просьбой оказать им финансовую поддержку для нужд якутской общественности. Такие же просьбы я получил от нельканских организаций и счел необходимым посильно помочь им. Просьбу делегатов Никифорова и Попова внес на разрешение общества, где не только поддержал мнение о выдаче 100 тысяч рублей аванса, а даже затратил для этого последние свои средства, финансируя общество, так как у последнего в тот момент не было свободной наличности.

Общество, выдав аванс Никифорову и Попову, заключило с ними как с делегатами якутской общественности договор о передаче всей якутской пушнины нашему обществу для комиссионной реализации ее на американских рынках, а также о снабжении и заготовке на комиссионных началах всех предметов импорта, необходимых населению Якутской области. (С этими договорами вас, наверно, уже ознакомили Никифоров и Попов. Таким образом, вы видите, что мною уже сделано то, о чем вы просите меня в своем письме.)

Мне остается в свою очередь просить вас, чтобы договора делегатов якутской общественности Никифорова и Попова с обществом «Олаф-Свенсон» были выполнены якутской общественностью. (Это весьма важно для будущего развития в Якутском крае деятельности нашего общества в американском масштабе.)

Я слышал, что во Владивостоке возбуждают вопросы о пушной и вообще торговой монополии в Якутской области. Надеюсь, что при решении вопроса о каких-либо монополиях наше общество будет привлечено к деятельности на предпочтительных началах, как организация, пошедшая навстречу необходимым нуждам населения.

П. Кушнарев.

11 июля 1922 года».

Проливая крокодиловы слезы о хозяйстве Якутии, помогая разорять это хозяйство, алчные дельцы торопились разделить шкуру неубитого медведя.

НАЧАЛО АВАНТЮРЫ

Все ближе к приморской дороге и к Владивостоку прорывались отважные красные партизаны. Они взрывали мосты и пускали под откос белогвардейские воинские эшелоны. Владивосток чувствовал приближение грозы и шумел, колыхался с утра до ночи в нервной горячке людских потоков.

Генерал Дитерихс, сменивший к тому времени братьев Меркуловых на посту марионеточного приморского правительства, приказал служить в церквях молебны о «даровании победы христолюбивому воинству». Владивостокские белогвардейцы искали забвения от надвигающейся грозы в кокаине, водке, в оргиях с проститутками.

В это тревожное для приморской белогвардейщины время во Владивосток из Харбина стали прибывать первые партии пепеляевцев. Из Маньчжурии они выезжали под видом рабочих артелей, направляющихся в Приморье на лесные разработки. Конечно, китайские власти отлично знали, что это за «лесорубы», но смотрели на все сквозь пальцы. На станции Пограничная китайские чиновники и офицеры, улыбаясь, говорили:

— Наша знай, куда и зачем ваша едет.

На Вторую Речку, в семи верстах от Владивостока, где в отведенных для них казармах размещались приезжавшие из Харбина пепеляевцы, стали стекаться прежние сослуживцы Пепеляева и из других мест, а также

белогвардейцы, бежавшие из рядов приморской армии. Уже скоро там собрался отряд в 750 человек, состоявший наполовину из офицеров. По замыслу генерала такое большое число офицеров нужно было для будущей «народной армии», которую он мечтал развернуть из восставшего против Советской власти кулачества. В целях конспирации отряд формировался под видом милиции Северной области.

Моральное состояние пепеляевцев было низким. В их лагере процветало беспробудное пьянство. Многие белогвардейцы, объясняя это, откровенно говорили:

— Контора Меркуловых развалилась, скоро это случится с Дитерихсом, а затем дело дойдет и до генерала Пепеляева.

Это заставляло некоторых будущих «командиров дивизий и корпусов» задумываться о положении дел. Кто находился поближе к Пепеляеву, указывал ему на низкую дисциплину и подавленное состояние части офицерства, сравнивали с тем, что было во времена Колчака.

Генерал только хмурился, чертыхался и неизменно заявлял:

— Тыловая болезнь... Уедем из Владивостока, начнется боевая жизнь — все подтянутся и выровняются.

Дитерихс отрицательно относился к поездке Пепеляева в Якутию. Во-первых, как отъявленный монархист, он не признавал «народоправских» взглядов генерала, а во-вторых, опасаясь приближения Красной Армии, хотел бы оставить его отряд для усиления фронта приморской армии.

Куликовский же проявлял завидную энергию, готовя якутскую экспедицию. После усиленных хлопот он добился, что «приморское правительство» разрешило израсходовать для этой цели 20 тысяч золотых рублей и на 100 тысяч рублей гербовых и других казначейских знаков (бандеролей, почтовых марок, вексельной и актовой бумаги). Но так как фрахт пароходов под якутскую экспедицию обошелся в 15 тысяч золотых рублей, то наличными у Куликовского осталось только 5 тысяч. Тогда он решил спекулировать шестью пудами полученных ценных бумаг и пустил их в распродажу на 50 процентов дешевле номинальной стоимости.

Этот своеобразный «государственный аукцион» вызвал страшную валютную свистопляску, которая не пре-

минула отразиться на денежном курсе приморского правительства. Дитерихс, обеспокоенный падением рубля, поспешил отобрать у Куликовского оставшиеся ценные бумаги. Все же «правитель области» успел заработать на этом деле 16 тысяч золотых рублей.

Лидер сибирских областников, народоволец Сазонов, «дедушка сибирской контрреволюции», который успел сблизиться с японским генералом Фукуда, попытался возглавить выступление Пепеляева, но генерал отверг эти поползновения.

Все же он сделал областникам уступку, разрешив организовать при якутской экспедиции осведомительный отдел для работы среди населения. В знак идейной солидарности символом сибирской автономии было признано бело-зеленое знамя. Пепеляев в свою очередь приказал своему отряду надеть вместо кокард бело-зеленые ленты. А перед отплытием в Якутию в наказе личному составу он определенно высказал свои областнические чаяния по отношению к Сибири.

Была еще одна сила, с которой пепеляевцам следовало бы считаться. Силой этой был народ, отрицательно относившийся к их затее. Еще в Харбине полпред Озорин предостерегал Пепеляева от новой антисоветской авантюры. Во Владивостоке об этом напомнили рабочие порта, взорвавшие машинное отделение парохода «Охотск», предназначенного под якутскую экспедицию. Пепеляевцы, продолжавшие заблуждаться, расценили этот акт лишь как враждебные происки большевиков. Взамен «Охотска» под экспедицию предоставили канонерскую лодку «Батарей» и пассажирский пароход «Защитник».

Несмотря ни на что, Пепеляев готовился к отплытию. Дитерихс в последний раз попытался задержать его. Он прислал на корабли «контрольную правительственную комиссию» для задержания дезертиров из приморской армии. Но те благополучно съехали с пароходов на противоположный берег, а когда комедия осмотра закончилась, с шутками и смехом возвратились обратно.

Ворчливо шумело море. Волны с тяжелыми вздохами набегали на прибрежный гранит и с рокотом откатывались назад — в безбрежный морской простор, как бы пытаясь догнать «Батарей» и «Защитника», увозивших

на дальский север «сибирскую добровольческую дружину» Пепеляева.

Во Владивостоке остались теперь только интендантский груз «сибирской дружины» и небольшая часть людей, которые должны были выехать в Якутию со следующим, третьим зафрахтованным пароходом «Томск», находившимся еще в плавании и не возвратившимся во Владивосток.

Перед отъездом из Харбина Пепеляев вел переговоры с эсером Калашниковым, который обещал в случае удачи белогвардейского похода в Якутии поднять восстание в Иркутском районе. Для этой цели Калашников получил от Пепеляева аванс в сумме 5 тысяч золотых рублей.

Все было предусмотрено, все было подготовлено, оставалось только заарканить свободный якутский народ, чтобы потом двинуться на Советскую Сибирь и Россию.

Через несколько дней после выхода из Владивостока «Батарея» и «Защитник» подходили к высокому скалистому мысу, освещенному алыми лучами угасающего солнца. Впереди, поднимая белоснежную пену, шла канонерская лодка, в кильватере за ней двигался черный пассажирский пароход. Осторожно лавируя, они медленно подошли к маленькой бухточке, окаймленной лесистыми сопками. На берегу виднелись немногочисленные постройки. Это и был порт Аян на Охотском море.

Еще несколько десятков лет назад на этом месте существовал небольшой, но довольно оживленный торговый городок. Значение его как пункта торгового обмена с иностранцами выходило за пределы Якутской области и распространялось на всю Восточную Сибирь. Но впоследствии, с созданием более удобных портов в Николаевске-на-Амуре и во Владивостоке, Аян постепенно пришел в упадок.

Из его древних построек на северном берегу бухты сохранились лишь шесть почерневших зданий — баня, три больших склада, кузница и маленькая ветхая церковь. Об остальных постройках печально напоминали лишь гниющие столбы и кучи битого кирпича.

На южном берегу расположилось маленькое поселение Аянка, насчитывавшее семь домов и несколько больших складов. Здесь проживало местное население, тут же находились русские и иностранные торговые фирмы.

Не заходя в бухту, пароходы остановились. Берег казался совершенно безлюдным. Но высланный для разведки небольшой десант скоро просигнализировал, что порт Аян занят белыми, и тогда пароходы вошли в самую бухту.

На «Защитник» в сопровождении представителей областного управления прибыл «командующий армией» корнет Коробейников. Из его доклада Пепеляеву стало ясно, что восстание белогвардейцев окончилось полной неудачей. Из войск мятежников только около трехсот человек отступили к Аяну и около двухсот — к г. Охотску. Внутри же области остались лишь разрозненные банды.

По последним оперативным сводкам было установлено, что передовые силы красных находятся в двухстах сорока верстах к западу от Аяна — в поселке Нелькан — и что они намерены через Джугджурский хребет проникнуть в Аянский район для окончательной ликвидации разбитых и деморализованных остатков белогвардейцев.

Таким образом, обстановка для Пепеляева оказалась не только печальной, но и совершенно неожиданной. Он ехал сюда поддержать «народное восстание», а теперь вышло, что нужно все начинать сначала.

Мрачным мыслям генерала соответствовала надвигавшаяся темная осенняя ночь. С последними лучами уходящего солнца в низины поползли седые облака холодного тумана. С моря потянуло пронизывающей сыростью, у берегов заллескались, зашумели ворчливые волны.

Пепеляев вел переговоры с Коробейниковым и «общественными деятелями» — купцами и промышленниками Д. Г. Борисовым, П. Д. Филипповым, Юсупом Галибаровым и С. П. Поповым — в ярко освещенной уютной кают-компании «Защитника». Обрисовав обстановку, генерал высказал соображение о необходимости возвратиться во Владивосток. Представители Аяна, наоборот, считали целесообразным начать поход. Они настаивали на немедленной высадке прибывших войск. Они руча-

лись чем угодно и даже «своими головами и жизнью своих семейств» за успех антисоветской борьбы в Якутии.

Всячески пытаясь удержать дружину, таежные дипломаты соблазняли Пепеляева наличием больших запасов оружия, огнеприпасов и продовольствия, уже купленного ими у иностранных торговых фирм. Они пытались создать у генерала впечатление, что якобы местное население настроено антисоветски, и приводили для этого «подлинные факты». В то же время они скрыли настоящее положение дел, во всяком случае, не сообщили о том, что отношение якутов и тунгусов к белым стало враждебным, особенно после зверств над мирным населением, учиненных Коробейниковым.

Чтобы еще больше убедить генерала в правоте своих слов, купцы представили ему специально подготовленных тунгусов-оленоводов. Бесхитростные большие дети тайги, обманутые своей знатью, заявили:

— Сказывают, большевик отберет всех оленей, все обчей делает. Так жить тайга нам нельзя — все пропадем. Однако худой человек большевик, надо воевать с ним.

Разговор с тунгусами подействовал на Пепеляева особенно сильно, и он твердо решил начать антисоветский поход.

Довольные успехом своей миссии представители якутского кулачества покидали «Защитник».

Чтобы предотвратить занятие красными единственного горного прохода в глубь Якутии через хребет Джугджура, находящийся в семидесяти верстах западнее Аяна, Пепеляев решил через три дня выступить на Нелькан. Там он рассчитывал, неожиданно появившись, захватить пароходы красных и их продовольствие, а затем водным путем двинуться в глубь Якутии, в ее центральный населенный район.

Переход из Аяна в Нелькан протяженностью в 240 верст рассчитывался на двадцать дней. Дружина должна была двигаться по старому торговому пути, некогда носившему название Коммерческого тракта Русско-американской компании. К тому времени, о котором идет речь, тракт представлял собой отвратительную дорогу с прогнившими гатями, заросшую лесом и отмечен-

ную редкими уцелевшими кое-где придорожными столбиками. Он шел через таежную глушь, совершенно необитаемую, где лишь случайно можно было встретить гунгуса-охотника. Ввиду спешности марша и трудности пути Пепеляев решил не обременять себя громоздким транспортом и ограничился на шестьсот человек тремястами пудов продовольствия и двумястами сорока пудами необходимого военного груза. Для доставки грузов было взято семьдесят лошадей и сто двадцать оленей.

Желая отвлечь внимание наших сил и раздробить их, Пепеляев решил организовать наступление на Якутск еще и с северо-востока, по Охотско-Якутскому тракту. Для этой цели он отправил в Охотск генерала Ракитина с группой офицеров и запасом оружия. Ракитин должен был сформировать там отряд из якутов и русских и по первому зимнему пути двинуться на Якутск.

В Аяне после высадки войск три дня кипела шумная жизнь. Наверное, за всю историю своего существования поселок не видел такого множества вооруженных людей. Теперь и до него, убаюканного зимними метелями и морскими бурями, докатились отзвуки жестокой борьбы.

Наконец все приготовления к походу на Нелькан закончены. Утром 10 сентября выступил авангард дружины, а на следующий день тронулись главные силы с Пепеляевым во главе.

Пепеляев уверовал в успех своего предприятия. Недаром накануне своего выступления в письме жене, оставшейся в Харбине, он утверждал: «Я глубоко верю, что к будущей осени безусловно не будет коммунистической власти в Сибири».

Так началась новая страница в истории гражданской войны в Сибири.

ЯКУТСК ГОТОВИТСЯ К ОТПОРУ

В это время красные войска готовились к встрече непрошеного гостя. Как только стало известно о выступлении белогвардейцев, Революционный комитет и Совет Народных Комиссаров Якутской Автономной Советской Социалистической Республики широко оповестили население Якутии о надвигавшейся опасности и призвали трудящихся выступить на защиту родной Советской власти. Они выпустили специальную декларацию и обращение к народу.

В декларации по поводу вступления на территорию ЯАССР пепеляевских войск сообщалось:

«Наша молодая Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика пережила неслыханно тяжелый по своим последствиям год развития в крае повстанческого движения, нанесшего республике неисчислимые разрушения народного хозяйства и истощившего лучшие как культурные, так и экономические силы края.

В настоящее время повстанчество как таковое ликвидировано. Сохранились лишь жалкие остатки повстанческих отрядов, которые вырождаются в обыкновенные уголовно-бандитские шайки и занимаются грабежами и вырезыванием мирных жителей... Основная масса бывших повстанцев бросила белогвардейский командный состав и разошлась по домам. Таким образом, повстанчество в целом, со средневековыми зверствами, ужасами и непосильными для населения поборами, потеряв вся-

кую почву, разложилось на свои основные части и к 1 октября считается ликвидированным во всех частях ЯАССР, за исключением самых отдаленных и глухих северных округов.

Революционный комитет ЯАССР в ознаменование провозглашения автономии и в целях сохранения культурных сил края своим манифестом от 22 апреля 1922 года и постановлением Ревкома, Совнаркома и военкомандования от 18 августа 1922 года полностью амнистировал всех повстанцев, сдавшихся Советской власти.

Этот шаг революционных органов власти встретил радостный отклик во всех слоях населения...

За последнее время достигнуто полное единение власти и населения. Якутский трудовой народ на своих съездах и совещаниях с полным удовлетворением отмечает военную, политическую и хозяйственную работу Революционного комитета и Совета Народных Комиссаров ЯАССР и высокогуманное отношение к населению Красной Армии.

Однако заклятые враги якутского народа, отбросы российской контрреволюции, при косвенной поддержке империалистов Дальнего Востока снова пытаются протянуть свои окровавленные лапы к молодой, еще не окрепшей Якутской республике. Враг уже вступил на территорию ЯАССР.

Войска генерала Пепеляева и его присных не имеют никакого отношения к повстанческому движению и к населению. Войска генерала Пепеляева представляют собой выгнанные из Приморья силами народно-революционной армии ДВР разбитые остатки прежней колчаковской армии, теперь меркуловской, и всей приморской контрреволюции. Они — заклятые враги всех трудящихся масс и якутской нации.

Цели и задачи их ясны: они идут разгромить и уничтожить Якутскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, поработить якутский народ и разграбить богатства нашего края.

Борьба, которая предстоит с ними, есть борьба за жизнь или смерть якутской нации, борьба за существование автономной Якутии...

Революционный комитет и Совет Народных Комиссаров ЯАССР обращаются с призывом ко всему населе-

нию ЯАССР — сплотиться вокруг знамени Советской власти и единым фронтом выступить против наступающего врага якутской нации.

Ко всей якутской национальной интеллигенции: проявить особую энергию и силу в обороне ЯАССР и призвать свой народ на защиту автономной Якутии.

Ко всем амнистированным повстанцам, обманом вовлеченным в борьбу с Советской властью: встать на защиту ЯАССР, вооружиться и вместе с Красной Армией повести беспощадную борьбу с разбойничьими бандами генерала Пепеляева.

Братья якуты, тунгусы, крестьяне и все трудящиеся! Наша Красная Армия, которая проливает кровь, ограждая интересы Якутской республики, нуждается в братской помощи обмундированием, продовольствием и в транспорте и ждет вашей поддержки. Придите на помощь красным войскам.

Революционный комитет и Совет Народных Комиссаров ЯАССР со своей стороны заявляют всему населению Якутии, что, несмотря на начатую жестокую борьбу с зарвавшимися врагами якутского народа, они со всей твердостью и последовательностью будут проводить ту политическую линию, которая выражена в манифесте Ревкома ЯАССР от 22 апреля 1922 года.

Принимая во внимание, что и в рядах пепеляевских войск имеется немало искренне раскаивающихся, Революционный комитет и Совет Народных Комиссаров ЯАССР объявляют, что всем казакам, офицерам и солдатам, сложившим оружие и сдавшимся на милость Советской власти, в соответствии с постановлением ВЦИК от 7 августа с. г. гарантирована личная неприкосновенность».

Одновременно Революционный комитет ЯАССР выступил с Обращением к населению Якутии. Он призвал вступать в ряды Якутских народно-революционных добровольческих отрядов (Якнарревдот) и начать сбор добровольных пожертвований.

«Существованию автономной Якутии и ее хозяйственному возрождению от разрушительных последствий гражданской войны грозит смертельная опасность, — говорилось в обращении. — На юго-восточной окраине обширной Якутской республики, на побережье Охотского

моря, в порту Аян 8 сентября высадились белогвардейские банды генерала Пепеляева.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия не раз разбивала контрреволюционные полчища монархических генералов. Она не раз своей сплоченностью, идейной спайкой и политической сознательностью опрокидывала их. Без сомнения, она и на этот раз сумеет разделаться с наглым врагом.

Но наша якутская Красная Армия, будучи занята на фронтах серьезными и крупными боевыми операциями, нуждается в помощи малых подвижных отрядов, знакомых с местными условиями и языком, обеспечивающих наши фланги, разрушающих тыл противника и занимающих на важных направлениях местные пункты, улусы и наслеги (улусы — волости, наслеги — сельские общества. — *И. С.*).

Такие отряды может дать сама Якутия, выделив на укомплектование их своих лучших и смелых сынов.

Революционный комитет ЯАССР решил сформировать ряд таких народно-добровольческих отрядов (Якнарревдот)...

...Приказом комвойсками ЯАССР назначен особый штаб Якнарревдота в гор. Якутске. По всем улусам и наслегам открывается запись добровольцев. В Якнарревдот могут вступать и бывшие повстанцы...

Семьи бойцов Якнарревдота будут пользоваться всеми правами семей красноармейцев...

Якутская республика, переживающая тяжелые годы хозяйственной разрухи и вынужденная содержать значительные красноармейские силы для борьбы с зарвавшимися врагами, нуждается в посильной помощи и поддержке самого населения в деле содержания вновь организованных якутских отрядов.

Революционный комитет ЯАССР призывает население всей Якутии путем добровольных пожертвований оказать посильную помощь организации Якнарревдотов.

Все, кому дорога жизнь и свобода автономной Якутии, в ряды Якнарревдота!»...

Декларация и Обращение якутского советского правительства встретили самое широкое сочувствие населения. Якутский народ ответил на них активным вступ-

лением в Якнарревдот. Уже вскоре запись добровольцев ввиду большого их наплыва пришлось приостановить. Основу добровольческих отрядов составили бывшие повстанцы. Из Вилюйского и Олекминского округов в ревком поступили телеграммы с просьбой разрешить формирование добровольческих отрядов на месте. Но ввиду отдаленности этих районов от их помощи пришлось отказаться. Широкий размах принял сбор пожертвований. Население сдавало лошадей с седлами, рогатый скот, меховую одежду, рукавицы, шапки, обувь и продукты.

Якутия готовилась к встрече Пепеляева. Красноармейских частей в городе было мало. Как только наступил решительный перелом в ходе борьбы с Корабейниковым и началась ликвидация белогвардейского мятежа, прибывшие из Иркутска два красноармейских полка были отправлены обратно. Второй северный отряд имени Каландарашвили был демобилизован. В Якутске остался только один батальон. Город в случае новой опасности мог поставить под ружье, включая рабочих города и парторганизацию, до 1200—1300 человек. Из огневых средств имелось четыре орудия и до двух десятков пулеметов.

До получения сведений об авантюристическом походе Пепеляева советское командование в Якутии разрабатывало оперативный план окончательного разгрома белогвардейщины. Опорными пунктами ее были города на Охотском море — Охотск и Аян.

Нам было известно, что особенно крупные силы белогвардейцев находились в Охотске. Здесь сосредоточились несколько банд, вожаком которых был сподвижник атаманов Семенова и Калмыкова есаул Бочкарев. Он прибыл в Охотск осенью 1921 года по указанию японских интервентов, желавших распространить власть марионетного приморского правительства на северо-восточное побережье России. Объединившись с местными контрреволюционными бандами, белогвардейцы разгромили Советскую власть и установили свою кровавую диктатуру на всем побережье Охотского моря и на северо-востоке Якутии.

После разгрома мятежников под Якутском так называемое «Временное якутское областное народное управ-

ление» в сопровождении отряда в 250 человек тоже перебралось в Охотск.

В Аяне войск было меньше. Сюда бежал из-под Якутска корнет Коробейников и с ним около 300 мятежников.

Чтобы покончить с белогвардейщиной, нужно было очистить эти два ее опорных пункта. Выполнить это предстояло двум отрядам красноармейцев по 250 человек. В Якутии шла подготовка экспедиций, когда из Владивостока поступили сведения о подготавливаемой Пепеляевым авантюре. Это резко изменяло обстановку и требовало перестроить планы.

Командующий войсками Байкалов поставил вопрос о том, чтобы красноармейские отряды на восток не посылать, выдвинув достаточно серьезные доводы. Однако командование корпуса настаивало на выполнении ранее поставленных оперативных задач. Байкалову пришлось согласиться.

29 июля 1922 года на якутской пароходной пристани царило большое оживление. Добрая половина населения города вышла провожать красных бойцов. На охотское побережье выезжали два отряда по 250 человек в каждом. Один из них под командованием Лепягова направлялся в Охотск, другой — под командованием Карпеля — в порт Аян. Пароходы «Соболь», «Диктатор» и «Революционный», стоявшие у причалов, выбрасывали из труб клубы иссиня-черного дыма.

Посадка уже закончена. Красноармейцы, не думая о том, что ждет их впереди, грянули песню. Лучи солнца играли на стали винтовок и пулеметов, сверкали в окнах опустевших домов.

Пароходы дали прощальные гудки и, шлепая плечами колес, разбрасывая сверкающие брызги, поплыли вниз по течению реки. Над ними, высоко на мачтах, призывно реяли красные флаги...

Оба отряда шли вместе только до Охотского переезда. Здесь, отсалютовав друг другу несколькими винтовочными залпами, они расстались. Отряд Карпеля продолжал путь на пароходах, а отряд Лепягова высадился на берег.

До Охотска оставалось еще около 600 верст. Летом двигаться в этих местах можно лишь по узкой тропе, все время тайгой. Поскольку достаточного количества

лошадей собрать не удалось, весь груз взять с собой не могли. Пришлось отбирать самое необходимое — оружие, боеприпасы. Продовольствия пришлось взять гораздо меньше, чем требовалось.

Близкая осень и заморозки заставляли торопиться. И 23 августа отряд Лепягова без зимней одежды, без достаточного запаса продуктов питания все же выступил на Охотск. В первые дни похода шли довольно быстро — «шоссе в проекте», как шутили бойцы, было сравнительно сносным. Но на третий или четвертый день стали попадаться болота, в которых ноги вязли по колено, и идти было очень тяжело. И люди, и лошади сильно утомлялись.

А дорога становилась все хуже. Теперь попадались болота протяженностью верст по двадцать. В таких местах красноармейцы снимали с застрявших лошадей вьюки и сами несли их, шагая с кочки на кочку. Но досаждали не только болота, там, где их не было, тропа все чаще оказывалась заваленной буреломом. Тогда приходилось пускать в ход топоры, пилы, растаскивать валежник. В довершение пошли дожди, и отряду каждый день приходилось преодолевать по нескольку шумных горных речек.

Настал сентябрь. От утренних заморозков трава начала желтеть. Лошади из-за плохого корма и тяжелой дороги быстро худели и теряли силы. Некоторые из них еле передвигали ноги.

От постоянной сырости обувь красноармейцев начала расползаться. Одежда также растрепалась. Но никто не жаловался, не падал духом. Всех поддерживала революционная сознательность. Оборванные, разутые, изнуренные красноармейцы шли и шли. После четырнадцати дней невероятно тяжелого пути, 6 сентября, подошли к станции Аллах-Юньской. Позади осталось около двухсот пятидесяти верст.

Красноармейцы радовались, предвкушая отдых под крышей, в тепле. Здесь предстояло ожидать установления зимней дороги и подвоза по ней теплой одежды. Приближаясь к станции, напрягали последние силы, чтобы прибыть засветло и устроиться поудобнее. Непролазные топи и болота, речки, ночевки у костров под мелким осенним дождем, на пропитанной сыростью земле, — все это осталось позади. И природа, как бы

чувствуя настроение уставших людей, оживилась. Сквозь хмурые тучи проглянуло солнце и осветило позолоченную осенью тайгу. А вот и Аллах-Юньская! Но что это? Здесь всего два дома.

— Черт возьми! А еще станцией называется, — разочарованно воскликнул один из красноармейцев.

— А ты думал, тут для тебя город выстроили? Это, брат, не железнодорожная станция, не вокзал с буфетом, тут поезда не ходят, — пояснил боец, как видно, хорошо знавший тайгу. — От Якутска до Охотска, на расстоянии тысячи с лишним верст, таких станций десятка два будет. При некоторых из них имеются телеграфные отделения. Почту и пассажиров зимой на оленях возят, поэтому такие пункты станциями и называются. Люди, правда, ездят редко, но почту зимой и летом отправляют еженедельно.

Еще в Якутске бойцы слышали рассказы об аллах-юньской трагедии. Она произошла в декабре 1921 года. Дело было так. Еще в начале 1921 года по договору РСФСР с Дальневосточной республикой Охотский район отошел от ДВР к России и был передан в административное подчинение Якутской губернии. Но управляющий районом эсер Сентяпов не подчинился приказу своего правительства и, объединившись с белой бандой И. Яныгина, повел борьбу против Советской власти.

На помощь охотским товарищам из Якутска было послано два экспедиционных отряда. Первый из них в конце мая прибыл в Охотск, но второй, когда до города оставалось всего пять километров, по приказу своего командира — предателя Пыжьянова — повернул обратно в Якутск.

Теперь силы оказались неравными. Защитники красного Охотска еще два месяца героически сопротивлялись хорошо вооруженному объединенному отряду белобандитов Сентяпова и Яныгина. Но в начале декабря положение их стало критическим, и они приняли отчаянное решение — прорваться в Якутск. На этом пути их и постигла страшная участь. На станции Аллах-Юньская банда Яныгина захватила и зверски замучила 40 полуживых от голода и холода красноармейцев.

По-видимому, после этого трагического события на станции никто не бывал, во всяком случае, глазам бойцов предстала страшная картина.

Дом, в котором размещалась телеграфная контора, был превращен осажденными красноармейцами в оборонительный пункт. В простреленных пулями стенах и в крыше темнели бойницы. Во дворе валялись поломанные сани, куски кожи, обгорелые поленья дров, лошадиные скелеты, обрывки телеграфных лент, перепутанная проволока.

Внутри дома была еще более мрачная картина. Пол, покрытый засохшей кровью, имел цвет ржавого железа. В комнате валялись старая обувь, лохмотья одежды, клочья шерсти, обглоданные ребра животных, кости и череп человека. На стенах висели прикрепленные к гвоздям покрытые плесенью и пылью длинные нити высохших кишок.

По всему увиденному здесь бойцы легко представили общую картину происшедшего злодейства. А через несколько дней заехал якут, проживавший в пятнадцати километрах от станции, и рассказал подробности дикой расправы, учиненной бандой белогвардейского капитана Ивана Яныгина над обессиленными советскими людьми из Охотска.

Белобандиты избивали свои жертвы прикладами, резали ножами. Членам революционного комитета вспороли животы и, еще когда они были живы, кишки их развесили по стенам. Затем всех, мертвых и живых, изувекеры затащили в амбар и сожгли.

Возвращаясь в Охотск, они остановились у якута и со смехом рассказали ему об этой жестокой расправе...

Наш отряд стал готовиться к наступающим холодам. Очистили и отремонтировали полуразрушенные жилые здания и старую баню. Напилили сажень сто дров.

В трудах и заботах прошел сентябрь. Продовольствие было на исходе. Второго октября прекратили выдачу сухарей — оставшиеся четыре пуда предназначались для больных. Перешли на одно конское мясо. Красноармейцы, не привыкшие быть без хлеба, стали слабеть; появилась масса желудочных заболеваний. А транспорт из Якутска можно было ждать после установления зимней дороги, не раньше ноября. Скоро пришлось сократить и порцию конины. Стали выдавать по одному фунту в день на человека, а в дальнейшем пришлось уменьшить и этот паек.

Костлявая рука голода протянулась над отрядом. Бойцы осунулись, похудели, пропала их прежняя веселость. Замолкли бойкие разговоры, замер смех. Доедали последних лошадей.

Тринадцатого октября впервые съели мясо павшей лошади, — оказалось ничего, есть можно. Но вот доедены и больше десятка павших лошадей. Пришлось есть конские кожи, затем уздечки, подпруги, всю сбрую из сыромятной кожи.

Взамен табака курили лиственничную и тополевую кору. Голодные красноармейцы знали, что из Якутска должно прийти продовольствие, и эта надежда ободряла и поддерживала их.

В ноябре бойцы окончательно обессилели, еле передвигали ноги. Но, несмотря на все невзгоды, отряд твердо стоял на боевом посту. По ночам выставлялось несколько полевых караулов, назначалась дежурная часть. По тревоге почти все бойцы в течение трех минут были готовы к бою, и только самые слабые приползали в цепь несколько позже.

В сторону Охотска выслались разведчики. Однажды в восьми верстах от Аллах-Юньской, под деревом, разведка нашла письмо, адресованное белым и подписанное каким-то «доброжелателем». В нем сообщалось:

«10 октября 1922 года старого стиля. Братьям из Охотска. С 20 августа сего года старого стиля в Аллах-Юне проживает красный отряд. Жили они до 3 октября, а в настоящее время живут или вернулись в Якутск — неизвестно. Количество их узнать не пришлось. Усадьба Захарова почти разрушена. Красные живут в отделении, в станционном домике, во всяком случае, не свыше пятидесяти человек. Кони у них томские, сами носят длинные плащи. Остерегайтесь или уничтожьте их. Нас не ищите. Живем в надежной крепости. С высоты видим далеко, увидев что-нибудь, мигом ускачем на оленях.

Всяких проезжающих прошу оставить около письма, под лесиной, табаку и муки. Живем на одном мясе. Цену уплатим промышленными шкурами. Письмецо пишу до разведки. Отсюда еду в Аллах и домой в «логовище».

Доброжелатель».

Письмо заставило людей отряда стать еще более бдительными. Опасность крепче спаяла всех в одну боевую семью.

По-видимому, где-то поблизости, в какой-нибудь трупобе, скрывалось несколько белобандитов, оставленных прошедшим на Охотск отрядом для наблюдения за дорогой и для предупреждения о появлении красных.

5 ноября утром приехал нарочный из Якутска. Он сообщил, что продовольствие и обмундирование из Охотского перевоза уже направлено в Аллах-Юньскую. Эта весть как будто накормила всех голодных. Все воспрянули духом. На бледных лицах красноармейцев появились радостные улыбки.

Но прошло еще несколько мучительных голодных дней, а обоз все не появлялся. Отчаяние вновь охватило людей. Целыми часами красноармейцы неподвижно лежали вповалку. Таяли, подобно огарку свечи, последние силы.

В белый саван окуталась тайга. Целыми днями не переставая шел густой снег. Скрылось солнце, отчего на душе становилось еще тоскливее.

Минуло более двух месяцев после прибытия отряда в Аллах-Юньскую. Настал вечер тринадцатого ноября. Никто не спал, стояла жуткая тишина, казалось, в доме все вымерло. И вдруг во дворе послышался крик. Уж не белые ли? Собрав последние силы, красноармейцы, волоча за собой винтовки, выползли из помещений. Тревога была напрасной — на станцию въезжал обоз с продовольствием и обмундированием.

— Да здравствуют лепешки! Да здравствует наше спасение! — раздались возгласы изголодавшихся людей.

Бурная радость охватила всех. Даже те из бойцов, которые несколько дней не вставали, теперь поднялись на ноги.

Начальник передвижения Бородин, прибывший с обозом, сообщил, что в порту Аян высадился отряд генерала Пепеляева и готовится к походу на Якутск. В связи с этим Лепягову предстояло отойти на Чурапчу и соединиться с находящимся там гарнизоном.

Спустя несколько дней отряд оставил памятную станцию. Красноармейцы с обнаженными головами прошли мимо братской могилы замученных охотчан и скоро исчезли в молчаливой, загадочной тайге. Им предстоял тяжелый обратный путь — около пятисот верст по глубокому снегу. Некоторое время еще слышен был скрип

полозьев да отдельные голоса красноармейцев, но скоро и они затихли. Сиротливо выглядели два опустевших домика на Аллах-Юньской.

Отряд под командой Исаея Карпеля мы оставили, как помнит читатель, у Охотского перевоза. Он проплыл еще около трехсот верст вверх по Алдану, а затем пустился по притоку Алдана — реке Мае. До Нелькана оставалось еще около шестисот верст.

Пароходы «Соболь» и «Республиканец» с баржами «Селенга» и «Лена» на буксире медленно преодолевали быстрое течение мутной Маи. Разбегаясь в стороны, пенные волны с шумом бились о скалистые берега.

Река была мелкой. На носу переднего парохода стоял матрос и то и дело опускал в воду раскрашенный, в белый и красный цвет длинный шест, мерил глубину и протяжно выкрикивал:

— Пять! Четыре с половиной! Четыре с половиной!

Отряд спешил. Караван судов прекращал движение только по ночам и во время густых туманов. На перекатах баржи часто садились на мель. На одном перекате баржа с лошадьми получила пробоину, и исправление аварии отняло много времени. Чтобы облегчить баржи, пришлось часть продовольствия оставить на берегу.

26 августа, сбив несколько мелких засад противника, отряд, не доходя трех верст до Нелькана, высадил на левый берег Маи часть своих сил. Они атаковали цепи белых численностью до двухсот пятидесяти человек.

Как только красноармейцы грянули «ура», белые бросились наутек. А раньше всех побежал главарь белогвардейской банды Коробейников, находившийся позади своих цепей на Аянском тракте. Не устоял и отборный белогвардейский отряд под командой полковника Дуганова, известного по Иркутску и Забайкалью палача и бандита. Население называло его банду «дугановские волки». Но и эти головорезы с криками «Нас обходят! Нас перебьют!..» обратились в бегство. Дезорганизованные остатки белобандитов бежали в Аян.

Так был освобожден поселок Нелькан. Поселок этот, расположенный на правом берегу Маи, невелик — он насчитывал всего 25 домов. Здесь была перевалочная

станция для грузов, следовавших между портом Аян и Якутском.

Во время боевых действий жители разбежались и в поселке оставалась только одна семья, приютившая несколько соседских детей.

С приходом отряда красноармейцев в Нелькане был создан временный ревком, по ближайшим юртам разосланы газеты и воззвания о восстановлении Советской власти.

Население хорошо встретило бойцов. Но обстановка в районе оставалась тревожной. Жители боялись возвращения белых во главе с генералом Пепеляевым. За несколько дней до прихода отряда Карпеля в Нелькан из Аяна приезжали два пепеляевских квартирьера. По приказу белогвардейцев все лошади были отправлены в Аян для командного состава отряда Пепеляева. Вместе с лошадьми в Аян было отправлено и все наличное оружие.

Отряд Карпеля, не имея теплой одежды, согласно директиве командующего задержался в Нелькане. Между тем вода в реке Мае быстро пошла на убыль. Для флотилии возникла угроза остаться на мели. В связи с этим пароходы и баржи пришлось отправить верст на триста вниз по течению, до устья реки Юдомы. Таким образом, отряд невольно лишился своих единственных перевозочных средств и оказался запертым в Нелькане. Другие пароходы, высланные из Якутска с необходимым снаряжением для отряда, тоже застряли в пути, не дойдя до Нелькана верст четыреста.

Обстановка сложилась крайне неблагоприятная. С Якутском связь отсутствовала. Продовольствие было на исходе, а то, что пришлось оставить во время аварии баржи, сейчас стало для отряда недосыгаемым. Запасы хлеба кончились, красноармейцы ели тощую конину и получали всего лишь полфунта муки в сутки.

В конце сентября явились как раз те два перебежчика — подпоручик Наха и чиновник Вычужанин, о которых я упоминал вначале. Кроме других ценных сведений, они сообщили, что 8 сентября Пепеляев высадился в порту Аян. У Пепеляева была дружина в семьсот с лишним человек, имелось шесть пулеметов, но совсем не было артиллерии.

Уже 10 сентября первая колонна белых в триста человек выступила из Аяна в Нелькан, намереваясь предварительно отрезать Карпелю единственный путь отступления.

Для уничтожения заставы отряда, находившейся на реке Мае, в пятидесяти верстах западнее Нелькана, и для захвата пароходов пепеляевцы выделили специальный отряд, который, по расчету перебежчиков, должен был выйти к намеченному пункту вечером на следующий день.

Нашим угрожала явная опасность быть уничтоженными превосходящими силами противника. Нелькан как оборонительный пункт в тактическом отношении был невыгоден, все преимущества в случае боевых действий находились бы на стороне наступающего. К тому же оторванность от своего центра угнетающе действовала на красноармейцев.

Выход из создавшегося положения мог быть только один: не теряя времени, отступить к Петропавловскому, к своим резервам. Но как это осуществить, если не на чем двигаться? Пароходов нет. Весь речной «флот», имевшийся в распоряжении отряда, состоял из единственной лодки и одной «ветки», или «душегубки», как называли ее красноармейцы.

Бойцы и командиры подходили к берегу, ломая голову над тем, как быть. Воды Маи быстро неслись на запад, к Петропавловскому, и как бы дразнили красноармейцев, унося сорванные при разливе ветки тальника, вырванные с корнем стволы пихт и лиственниц.

— Давайте плоты делать, — предложил кто-то.

— Не успеем, — возразили ему. — Перебежчики сказывали, что завтра к вечеру белые могут Семь Протоков занять, тогда пиши пропало. Место там узкое, по обеим сторонам скалы. Мы на плоту будем, как на тарелочке, всех перебьют. Вот если бы плоты готовые были, тогда, может, и успели бы, а то на их поделку много времени уйдет, опоздаем.

Но вот внимание людей привлекла старая брандвахта — небольшая деревянная баржа, брошенная за непригодностью. Наполовину засыпанная песком, она стояла в ближайшей протоке. Брандвахту тщательно осмотрели, как во время консилиума больного, и решили: хотя и с риском, но плыть на ней можно.

Немедленно приступили к ремонту. Наверное, люди никогда так усердно не работали. Застучали топоры. Лопатами, кайлами и просто руками отгребали песок. Ведрами и котелками вычерпывали воду. Тряпками и мхом заделывали дыры. Весь день и всю ночь кипела дружная работа.

Когда зарумянился восток и глянули первые лучи солнца, брандвахта уже была готова. Но нужно было снять ее с мели. Больше часа ушло, пока, наконец, брандвахта со скрежетом оторвалась от речного дна и вышла на глубокое место.

Началась погрузка имущества, а потом плотно, как сельди в бочке, в брандвахту набились красноармейцы. Поставили шесть пар неуклюжих, грубо вытесанных из целых бревен весел. На каждую пару село по шесть человек. Несколько местных жителей, хорошо знавших фарватер реки, охотно согласились быть лоцманами.

В десять тридцать утра 26 сентября, выслав вперед разведку на лодке и имея «душегубку» для связи, отряд под веселый гомон и песни красноармейцев оставил Нелькан.

— Поднимай паруса, держи нос по ветру, — кричали радостно настроенные бойцы.

С протяжным скрипом мерно поднимались и падали, разрезая воду, двенадцать деревянных весел. Благодаря быстрому течению двигались хорошо, со скоростью до десяти верст в час. Один за другим оставались позади уже посыпанные золотом ранней северной осени островки.

В четыре часа дня благополучно миновали Семь Протоков. Пепеляевцы опоздали на несколько часов.

Дальше плыли уже медленнее, не так торопились. Несколько раз садились на мель. Иногда удавалось оттолкнуться при помощи шестов, но частенько приходилось залезать в воду. Один раз лоцман ошибся и направил брандвахту в несудоходный проток. На этот раз сели особенно крепко.

— Заякорились надежно, язви тебя в душу! — шумел боец-волжанин. — Да и какая это река — ручей, и только! Вот по Волге плыть — то настоящая река...

— А ты не ругайся. Языком не сдвинешь, — урезонивали волжанина, — раздевайся да в воду — лучше будет.

— Внимание! — крикнул вдруг какой-то весельчак.—
Да здравствует река Май! Все разом штаны снимай!

— Мы-то снимем, а вот тебе не стоит — утонешь.

— Он бы и захотел, так не утонет — у него голова пустая.

Так, под шутки и смех, командиры и красноармейцы залезли в ледяную воду, и хоть с большим трудом, но столкнули судно с мели.

Спустившись вниз по течению верст на триста, отряд добрался до своих пароходов и на них без всяких задержек 2 октября прибыл в деревню Петропавловское. Здесь находилась 8-я рота Петроградского полка.

Исай Карпель выехал в Якутск, командование же над объединенным подразделением, которое переименовано было в батальон, принял Дмитриев.

Постепенно все разбросанные красноармейские отряды стягивались ближе к своему центру — Якутску. Обе стороны готовились к неизбежным решающим боям.

НЕЛЬКАНСКАЯ НЕУДАЧА ПЕПЕЛЯЕВА

з белогвардейского тыла к нам приходили сведения о подготовке к походу на Якутск, а также и о трениях, которые возникали там.

В Аяне из остатков бесславно закончившей свое существование «якутской народной армии» белогвардейцы сформировали 3-й отдельный якутский батальон в составе около двухсот человек. Под руководством нескольких офицеров-пепеляевцев батальон приступил к усиленной военной подготовке.

Бывший командующий «якутской армией» Коробейников и его ближайший помощник полковник Дуганов, имея при себе больше пуда золота и большое количество пушнины, с группой офицеров уехали во Владивосток.

Не ладилась отношения между «управляющим областью» Куликовским и представителями Якутского народного управления в Охотске. Желая укрепить свою власть, Куликовский отдал распоряжение о роспуске Якутского областного народного управления. Все его дела и средства должны были поступить в распоряжение Куликовского, а члены управления оставались при его особе в качестве якутских особоуполномоченных.

Но представителям «народной власти», обосновавшимся около миллионного охотского склада товаров купца Никифорова, совсем не улыбалась перспектива потерять свое влияние на дела области. Они ответили

весьма дипломатично. Дескать, управление признает Куликовского как управляющего областью, приветствует прибывшего с дружиной генерала Пепеляева и будет всемерно оказывать ему помощь в борьбе с Советской властью в Якутии. Но об упразднении управления и о переезде его членов в Аян, в распоряжение Куликовского, умолчали.

Таким образом, в области фактически сложились две антисоветские группы. Одна с Пепеляевым и Куликовским во главе, стремившаяся к захвату Якутска, установила форму военной диктатуры; а другая оставалась в лице Якутского областного народного управления, сосредоточившего все свое внимание на богатый пушной Север, где было выгодно и удобно реализовать никифоровские товары.

30 сентября в Аян из Владивостока прибыл на большом океанском пароходе «Томск» с отрядом в 150 человек и двадцатью тысячами пудов разного интендантского груза помощник Пепеляева генерал Вишневский. Здесь Вишневскому было передано адресованное на имя Пепеляева письмо от председателя Якутского областного народного управления Ефимова. Я хочу процитировать его, поскольку оно раскрывает обстановку и взаимоотношения между белогвардейскими авантюристами. В письме сообщалось:

«Охотское побережье и Якутская область с ее пушными богатствами привлекают внимание дельцов всех категорий, начиная с Бочкарева и Лесникова и кончая Сентяповым, Яныгиным и другими, с их бесчисленным множеством соратников. Все эти люди, нисколько не думая о благе своей родины и в то же время муссируя лозунги восстановления родины, работают для своих личных, корыстных целей.

Эти люди взаимно конкурируют друг с другом, живут между собою, как кошка с собакой, и в то же время расстраивают нормальную жизнь, способствуя нравственной порче населения и воспитывая его в духе авантюризма и атаманщины. Бочкарев и Яныгин внесли немало отрицательных элементов в среду якутского населения, о чем вам подтвердят М. М. Сивцев, И. Л. Слепцов, Е. Л. Слепцов, И. Г. Сивцев и другие якуты.

Во имя обеспечения своего тыла, каковым является порт Охотск (вообще Охотское побережье), необходимо

вам всех «героев» Охотского побережья разоружить и установить свою твердую власть.

Я лично потерял надежду на то, что приморская власть против охотских авантюристов примет какие-либо меры, ибо Бочкарев и другие во Владивостоке имеют своих агентов из лиц, очень близко стоящих к правящей сфере».

Представители Ефимова настойчиво просили Вишневого об отправке в Охотск отряда для смены охотского гарнизона, состоявшего из бочкаревцев. Ввиду того, что Охотский порт по стратегическим соображениям было желательно закрепить за дружиной, просьба Ефимова была удовлетворена, и в Охотск был командирован с небольшим отрядом капитан Михайловский — один из приближенных Пепеляева, близко стоявший к областнической организации.

По прибытии пепеляевского отряда в Охотск бочкаревцы после недолгих препирательств согласились «добровольно» оставить город и выехать во Владивосток с пароходом «Томск», на котором прибыл Михайловский.

Пароход «Томск» на обратном пути зашел в Аян, где состоялось совещание, на котором присутствовали «управляющий областью» Куликовский, приехавший из Охотска купец Никифоров и др.

Никифоров доложил, что в Охотске собралось около пятисот человек беженцев и бойцов и есть около трехсот лошадей. На Новом Устье находится отряд милиции из сорока человек.

Вся пушнина областного управления использована на покупку товаров и оружия для армии. Фирме «Свенсон» дан новый заказ на поставку товаров осенним рейсом и выдан задаток в 50 тысяч рублей.

Из Аяна Никифоров выехал в Японию для размещения нового заказа на оружие и теплую одежду для белогвардейцев.

Красная Армия выбросила японские войска с Дальнего Востока. Но империалисты Японии все еще питали надежду вернуться туда, хотя бы с помощью белогвардейцев.

Однажды в ясное осеннее утро в Аянскую бухту вошла, сверкая белоснежными бортами, изящная моторная

яхта. И вскоре в штаб гарнизона к пепеляевцам явились два прибывших с ней японца. Один из них — важный господин — ни слова не говорил по-русски, был одет в дорогой штатский костюм, но выправкой очень походил на офицера. Второй оказался служащим местной фирмы «Арай-Гуми» и сопровождал первого в качестве переводчика.

Старший японец отрекомендовался представителем очень крупной японской торговой фирмы и попросил информировать его о положении дел в Якутской области, о целях пепеляевской дружины, заявив, что эти сведения ему необходимы по коммерческим соображениям.

В кратких словах посетителю обрисовали положение в Якутской области и в общей форме рассказали о намерениях Пепеляева. Тогда назойливый «коммерсант» стал излагать свои соображения относительно антисоветской борьбы в Якутии. В заключение он посоветовал белогвардейцам установить дружественную связь с Японией. Для этой цели он предложил командировать в Токио представителя от дружины и сам брался доставить его в Японию на своей яхте и там представить видным членам правительства.

Увлечшись разговором, японский «коммерсант» быстро начертил на бумаге схематическую, но довольно точную карту Якутской области, на которой неожиданно написал красивым почерком русское слово «Нелькан». Словхватившись, он быстро зачеркнул его.

Гостю определенно дали понять, что все его разговоры и предложения бесполезны, ибо теперь всем стало ясно, что японцы на Дальнем Востоке преследуют слишком откровенно захватнические цели.

Загадочный «коммерсант» сделал еще одну попытку добиться своего. Он нанес визит управляющему областью. Но там его ожидала неприятность: Куликовский признал в нем японского офицера, с которым встречался в Николаевске-на-Амуре.

После разоблачения неудачный «коммерсант» умчался на белокрылой яхте восвояси.

Перебежчики не ошиблись — отряд Пепеляева, выделенный для захвата Нелькана, подошел к поселку действительно 27 сентября. Поход оказался изнуритель-

ным, было израсходовано все продовольствие. Кроме того, отряд потерял в пути весь конский состав и олений транспорт. Но генерал не унывал. Он рассчитывал незаметно подойти к поселку, внезапным ударом уничтожить нельканский гарнизон и захватить наши продовольствие и пароходы. Предварительно устроив засаду на реке Мае у Семи Протоков, белогвардейцы атаковали Нелькан с нескольких направлений.

Войдя в пустой и голодный поселок, они очутились, как в западне. Двигаться по реке им было не на чем, так же как и возвращаться назад. Пеший поход к тому же был затруднен из-за начавшегося осеннего бездорожья. В это время всякое сообщение с Аяном прекращалось месяца на полтора, до первого зимнего пути.

Шестьсот белогвардейцев оказались в трагическом положении. Они начали поедать оставшихся в поселке собак, кошек, невыделанные кожи животных, промышляли охотой за воронами и другой живностью.

Пепеляев дважды посылал нарочных в Аян с категорическим требованием немедленно доставить в Нелькан продовольствие и теплое обмундирование. Но жители Аяна беспомощно разводили руками и ехать не решились.

При содействии якутов, находившихся в отряде, Пепеляев связался с кочующими тунгусами и попросил у них помощи. Те согласились до подхода транспорта из Аяна снабжать дружину мясом, а самому Пепеляеву дали несколько оленей и проводников, и он выехал в Аян.

Генералу удалось за неделю собрать и отправить в Нелькан транспорт в сорок оленьих нарт. Это стало возможным благодаря горячему участию купца Филиппова, у которого редкий из тунгусов не был в вечном долгу.

Нельканский тяжелый урок все же не поколебал у Пепеляева уверенности в конечном успехе предприятия. Он по-прежнему верил, что дружина, преодолев громадные пространства дикой тайги и выйдя в населенную полосу области, будет радостно встречена якутским народом.

5 декабря Пепеляев выехал обратно в Нелькан. Туда же в скором времени выступил со сводным отрядом и генерал Вишневский. Дружина начала готовиться к дальнейшему продвижению в глубь области.

Докладывая Дитерихсу, Пепеляев писал:

«16 октября 1922 г. № 22, с. Нелькан.

Ваше высокопревосходительство!

После пятнадцати дней похода занят Нелькан. Красные, не приняв боя, ушли по реке Мае вниз — в Усть-Майское.

Начальник штаба полковник Леонов подробно в своем докладе сообщил о нашем положении, о политической и оперативной обстановке. Немного не согласен с его оценкой психологического состояния красных войск. Полагаю, что их начальники безусловно найдут способ поднять дух своих войск и перед нами несомненно предстанут вполне боеспособные части.

Борьба будет упорная и серьезная. Красные будут отходить на свои резервы к Якутску, могут выставить против нас до трех тысяч пехоты, с тридцатью пулеметами и шестью орудиями. Мы же будем всецело зависеть от настроения местных жителей, в особенности в смысле питания. Все же, я полагаю, и у нас много данных для успеха, и потому я решаюсь на зимний поход. В первых числах ноября выступаю на д. Петропавловское, от Нелькана пятьсот верст.

Если поможет господь и даст нам успех и мы возьмем Якутск, постараемся связаться с вами по радио».

В декабре 1922 года дружина выступила из Нелькана в глубь области. Движение совершалось только днём, люди следовали пешим порядком. Через каждые 3—4 дня устраивали дневки, чтобы дать передохнуть оленям. В среднем двигались со скоростью двадцать — двадцать пять верст в день.

ОТКАЖЕТСЯ ЛИ ГЕНЕРАЛ ОТ ПОХОДА?

Такая обстановка сложилась в ЯАССР к концу 1922 года.

В Якутске о нельканской неудаче пепеляевской дружины стало известно примерно через месяц. Якутский революционный комитет решил использовать бедственное положение пепеляевцев, чтобы ликвидировать новую белогвардейскую авантюру без лишнего кровопролития.

Начали спешно готовить экспедицию к Нелькану. Предполагалось, что к приходу туда красноармейского отряда положение пепеляевцев станет настолько трудным, что будет достаточно передать генералу обращение Якутского ревкома и командующего войсками Байкалова и белые откажутся от похода.

Якутский революционный комитет подготовил обращение к Пепеляеву, в котором предлагал прекратить дальнейшее продвижение дружины в глубь Якутии, отказаться от всяких враждебных намерений и военных действий против трудящихся автономии, сложить оружие и сдаться на милость Советской власти. Командующий войсками Байкалов обещал всем добровольно сдавшимся полную гарантию неприкосновенности личности и имущества.

Якутский ревком делал все возможное для бескровной ликвидации пепеляевщины.

Экспедиция спешно готовилась к дальней, почти девятисотверстной дороге. Заготавливали сухари, шили

палатки, в кузнице делали железные печки. Нужно было предусмотреть много мелочей.

В экспедицию было выделено сорок бойцов, а из огневых средств — два автомата Шоша. Командовать экспедицией поручено было мне.

12 декабря наш маленький отряд выступил из Якутска и через четыре дня прибыл в село Амгу. Здесь мы подобрали оленьи упряжки, нашли проводника. Им стал хорошо знавший тайгу, неоднократно сопровождавший красноармейские части якут Николаев.

23 декабря, накануне выступления отряда из Амги, здесь состоялось общее собрание амгинского гарнизона и граждан села. Собрание обратилось к Пепеляеву с письмом. В нем говорилось:

«Генерал Пепеляев!

Общее собрание частей Красной Армии и граждан слободы Амги обращается к вам с настоящим открытым письмом.

До последнего времени мы не придавали особого значения разным нелепым слухам. Нам не хотелось верить, что в недалеком будущем возможно какое-нибудь новое покушение на власть Советов со стороны ее врагов. Нам казалась невероятной и бессмысленной какая бы то ни была очередная авантюра со стороны жестоко разбитой и растоптанной сапогом пролетариата сибирской контрреволюции всех оттенков и направлений.

В минувшей борьбе разве недостаточно ясно определилось и выяснилось соотношение классовых сил Октябрьской революции и желание всего трудящегося народа? Разве можно, проиграв генеральное сражение, теперь жалкими частными атаками, с кучкой оголтелых людей восстановить разбитый вдребезги колчаковский фронт?

Никогда, генерал! Забудьте об этом думать! ...Вы все еще надеетесь обмануть трудовые массы и выехать на захудалой кляче — показном, достаточно известном в Сибири демократизме времен колчаковщины и атамановщины.

Мы отлично понимаем вас и открыто говорим: «Жестоко ошибаетесь в расчетах, генерал Пепеляев...»

Вся ваша авантюра построена на песке, и вас вместе с вашей дружиной ожидает конец Колчака. Начнете вы за здоровье, а кончите за упокой.

Бросьте ваши кровавые замыслы, откажитесь от бесполезной и преступной борьбы против Советов, сложите оружие. Это единственно правильный и разумный выход из того тупика, в котором очутились все вы и из которого не выбраться обратно, в Харбин, ибо все пути отступления будут отрезаны».

С отрядом пошли три известных населению якута Дьячковский, Ефремов и Непомнящий. Они-то и должны были вручить Пепеляеву письмо амгинцев и сообщить ему об отрицательном отношении местного населения к его аванюре.

Следовали с ними и еще два, строго говоря, посторонних отряду человека — перебежчики Наха и Вычужанин. Они написали письмо пепеляевцам и сами пожелали его вручить. В письме они рассказывали правду о Советской власти. Наха и Вычужанин писали:

«Товарищи пепеляевцы!

Как бывшим вашим сослуживцам, позвольте вам, товарищи, сообщить, что мы добровольно ушли из нашего отряда, являющегося наемной кучкой капиталистов и приверженцев навеки отжившего строя. Товарищи, мы открыто заявляем, что мы раньше заблуждались, что, не отдавая себе отчета, слепо поддавались влиянию тех взглядов и настроений, которые окружали нас и окружают вас теперь и которые, уже не сознательно, а просто традиционно, у большинства продолжают существовать до сего времени. Мы не видели или не хотели видеть, что жизнь идет все вперед, что не может быть возврата к старому, что Советская власть не есть, как нам напевали, власть кучки захватчиков, — нет, это есть действительно власть трудового народа, которая неустанно работает, чтобы построить и наладить жизнь, основанную на справедливости, равенстве и братстве всех, а не отдельных личностей.

Товарищи, как мы не видели, так и вы не видите теперь, что не может власть кучки захватчиков существовать столько лет и все больше укрепляться, что не могла бы такая власть победить в 1919 году со всех сторон наступавшие на нее полки контрреволюционных генералов, армии коих побеждены и рассеяны. Это могла сде-

лать только власть народа — Советская власть, которая продолжает крепнуть и расцветать.

Поэтому, товарищи, даже смешно, что генерал Пепеляев с небольшим отрядом и с головокружительными планами идет сюда, в Якутию, победить советские войска и захватить власть в свои руки.

Товарищи, это неправда, что нам говорили во Владивостоке и Аяне, что будто бы жители Якутии ждут пепеляевцев с нетерпением, что они стонут под бременем Советской власти.

Нет, они здесь живут легко и свободно, и пепеляевцы явятся для них незваными гостями, которые принесут им новые страдания и испытания. Поэтому, товарищи, наш вам совет: не поддерживайте планы и замыслы вашего начальства, переходите на сторону советских войск. Здесь забудут все ваше прошлое, и вы получите полное прощение, как получили его мы. Не верьте тому, что говорят, будто бы у красных расстреливают, — нет, здесь не так, как у белых, здесь не расстреливают и не порют, а здесь вам все простят. Советская власть не мстит никому. Но горе же вы испытаете, если вздумаете воевать, потому что Советская власть сильна, и ей ничего не стоит уничтожить ваш маленький отряд.

Бывшие пепеляевские офицеры: Наха и Вычужанин.
23/ХІІ-1922 года, слобода Амга».

Итак, окончательно подготовившись, 24 декабря наш маленький отряд выступил в путь. Из транспортных средств мы имели пятьдесят нарт и двадцать запасных оленей. Первый день по наезженной дороге двигаться было легко, и мы сделали верст сорок. Но затем дорога пропала, не было даже ее признаков. Шли целиной, по сплошному глубокому снегу. Чтобы облегчить упряжных оленей, впереди ехали верхами на запасных оленях оленеводы и протапывали дорогу. Понятно, что в таких условиях более двадцати — двадцати пяти верст в день делать не могли.

Движение начинали обычно с рассветом и продолжали до девяти — десяти часов вечера. Остановки на ночлег выбирал Николаев, который один знал места оленьих пастбищ.

Оленей во время остановок отпускали совершенно свободно отыскивать свой незатейливый корм в виде мелкого мха-ягеля, который они ловко добывали из-под снега копытами передних ног. Иногда за ночь они удалялись от лагеря верст на семь и более. Тогда много времени уходило, пока их пригоняли обратно.

Через каждые три дня делали дневку, чтобы оленям дать передохнуть.

Первое время бойцы не могли хорошо натягивать свои палатки. Вместо стройного полотняного домика у некоторых она принимала приплюснутую обвислую форму, у других, как ретивый конь, вставала на дыбы, а у третьих почему-то сваливалась в одну сторону и держалась на честном слове.

— Черт бы их забрал! — сердито ругались красноармейцы. — С чего тут начинать — не поймешь. Сто веревок да колец — где начало, где конец?

— Смотрите, а у них уже готово, и свечу зажгли, — с огорчением и некоторой завистью указывал кто-нибудь на палатку якутов.

Когда дело у бойцов совсем не ладилось, на помощь им приходили дедушка Николаев и оленеводы. Вот тут уж не проходило и 10—15 минут после их вмешательства, как среди темнеющих сосен и елей вырастал маленький городок аккуратных палаток. На их просвечивающих полотняных стенах начинали плясать причудливые фантастические тени, из труб валил густой дым, распространяя запахи теплого домашнего уюта. Но проходило часа два, шум и толкотня постепенно прекращались. Поужинав и напившись чаю, бойцы размещались полукругом около печей на душистых еловых ветвях. Они плотнее прижимались друг к другу, чтобы было тепло, и быстро засыпали крепким сном, утомленные дневными переходами и долгим пребыванием на морозном воздухе.

Гасли костры, и непроницаемый мрак ночи вместе с морозным туманом окутывал палатки. Только в штабе еще некоторое время не спали, разговаривая почти всегда об одном и том же — о пепеляевцах.

Во время дневок бойцы отдыхали. Вечерами время коротали в беседах, воспоминаниях. Однажды разговорились и перебежчики. Наха довольно остро охарактеризовал некоторых офицеров пепеляевского окружения.

Царский офицер полковник Леонов, начальник штаба дружины, — прожженный белогвардеец. Сразу же после революции он примкнул к лагерю врагов Советской власти. В своем кожаном поясе возит весьма круглую сумму в японской валюте. Предусмотрителен, на случай отступления выбрал маршрут Аян — Токио. В авантюру вязался, как видно, с намерением пополнить имеющийся у него денежный запас.

Полковник Топорков — помощник начальника штаба дружины. Был начальником контрразведки во Владивостоке, но, уличенный во взяточничестве и воровстве, уволен Дитерихсом. По «безработице» и поступил к Пепеляеву.

Полковник Рейнгард в начале гражданской войны служил в Красной Армии. При занятии колчаковцами Перми перешел к белым и назначен был к Пепеляеву командиром Чердынского полка Пермской дивизии. Сейчас в дружине командует первым батальоном. Человек очень хитрый, любит посплетничать, двуличен.

Полковник Суров — весьма недалекий человек, хвастунишка, прапорщик военного времени из 29-го сибирского стрелкового полка. С германской войны вернулся в чине подпоручика. В полковники произведен во время гражданской войны за жестокости в бытность свою командиром карательного отряда в Томской губернии.

Самойлов — бывший рядовой царской армии. Чин полковника получил при Колчаке за беспощадный расстрел бастовавших в 1919 году уральских рабочих.

Генерал-майор Ракитин также произведен в генералы Колчаком за зверства и массовые расстрелы крестьян и партизан.

О полковнике Андерсе рассказал Вычужанин.

Будучи в Харбине, Андерс сделал предложение сестре Вычужанина. Неожиданный поход Пепеляева в Якутию помешал этому браку, пришлось отложить его до окончания экспедиции. Отъезжая из Харбина, Андерс говорил невесте: «Зиночка, обвенчаемся в Москве, и обязательно в храме Христа Спасителя. Скоро соведени крышка будет».

В дороге Вычужанин узнал Андерса ближе. Считая брата невесты уже своим родственником, полковник был с ним откровенен. Рассказывал, что окончил какие-то курсы генштаба, и очень этим кичился.

Сам Андерс маленького роста, всегда подтянут, брит, свысока смотрит на сослуживцев, большой любитель выпить. Будучи навеселе, любит рассказывать про минувшие бои с красными: при Колчаке он командовал егерским батальоном. В наступлении предпочитал вести штыковой бой. «Не признаю я бестолковой пальбы, не люблю зря патроны портить, — говаривал захмелевший полковник. — Поэтому и егерей своих учил штыковому бою. Черти, а не солдаты у меня были. Я всю Сибирь с егерским батальоном прошел, в Уфу первый вступил, штаб дивизии красных едва не захватил — опоздал на пять минут, а они удрали. Сорвалось, а то бы еще тогда наверняка майора получил. Вот и теперь мой батальон первым в Якутск ворвется, штыками проложу себе дорогу. Только бы добраться скорее, тогда сам увидишь и оценишь полковника Андерса — георгиевского кавалера, награжденного золотым оружием, имеющего Владимира с мечом и кантом».

— Слушая пьяного полковника, я все больше и больше начинал разочаровываться, видя в нем карьериста и хвастуна, — рассказывал Вычужанин. — И вообще, чем ближе я присматривался к дружине, тем больше раскаивался в своей поездке, а после одного рассказа Андерса твердо решил при первом же удобном случае перебежать к красным. В пути познакомился с подпоручиком Наха; у него настроение оказалось такое же, как и у меня.

— А интересно, что такое еще тебе Андерс говорил? — обратился к Вычужанину мой помощник Н. А. Лукин, бывший прапорщик. — Расскажи, пожалуйста.

— Как-то тяжело говорить об этом, — смутившись, ответил Вычужанин.

— Почему тяжело? Если и плохое что, так ты ни при чем, а нам нужно поближе знать своего врага, — не унился Лукин.

— Ну ладно, расскажу. Андерс говорил, что произошло это на второй день после занятия белыми Уфы. В штабе егерского батальона, где собрались офицеры, шла бесшабашная попойка. Сам Андерс уже был «на третьем взводе», как он любил выражаться. С улицы все еще доносились выстрелы — это расстреливали захваченных по подозрению в большевизме.

На дворе уже стемнело, когда патруль привел в штаб трех мальчишек, старшему из которых было лет четырнадцать. Андерсу доложили, что задержали их в одном из домов в районе расквартирования батальона.

— Привести ко мне! — приказал он, а когда их ввели в комнату, пьяный Андерс гаркнул: — Здорово, большевики!

Дети испуганно озирались кругом и молчали.

— Эй, вы, оборванцы! Не хотите отвечать офицеру, языки вырежу. Ну! — заорал пьяный Андерс.

— Здравствуй, дяденька, — тихо ответил старший из детей.

— Я вам покажу дяденьку! Отвечайте: «Здравия желаю, ваше высокоблагородие», сукины дети!

Дети, путаясь и запинаясь, ответили, как от них требовал грозный командир.

— Все вы, конечно, большевики и шпионы, — продолжал Андерс.

— Мы не знаем, дяденька.

— Дя-а-де-енька! Забыли, как отвечать? Смотрите у меня! — Андерс угрожающе рассек воздух английским стеклом. — Ваши отцы что делали, когда тут красные были? Грабежом занимались, не иначе. Где они сейчас?

— Мы не знаем: с утра дома не были.

— Не знаете? Врете, наверно, ушли с большевиками... Вот что... Если вы не будете отпираться, будете все говорить, я дам вам денег и всех отпущу. Будете запираться — выпорю. Вы — большевики, да?

— Большевики, ваше благородь.

— Шпионы?

— Да, шпионы.

— Кто вас послал сюда?

— Никто, ваше благородь, сами пошли.

Когда Андерсу надоело глумиться над детьми, он осушил стакан коньяку и позвал конвоиров.

— Отправить пленников к Адаму, — приказал он.

На языке белогвардейцев это означало — расстрелять. Один из офицеров попытался остановить злодейство и стал просить не расстреливать ребятшек.

— Оставьте сантименты, поручик! — замахал руками Андерс. — Если они сейчас и не большевики, так в будущем большевиками будут.

Во дворе раздался залп. Пьяный Андерс поднял стакан вина и произнес тост за твердость духа.

После услышанного я стал совсем иначе смотреть на наш поход и на офицеров пепеляевской дружины. Они казались мне такими же жестокими андерсами, — закончил свой рассказ Вычужанин.

В тот вечер мы засиделись. Время было уже за полночь. На дворе кто-то колот дрова, в соседней палатке дежурный будил смену караулам...

Часа за два до рассвета отряд был уже на ногах. Разжигали погасшие за ночь костры, гремели ведрами, набивая в них снег, кипятили чай, варили кашу. Умывались снегом. Такой способ утреннего туалета делал лицо и руки менее чувствительными к морозу.

Оленеводы еще до общего подъема, надев легкие лыжи, отправлялись собирать оленей. По обыкновению после каждого ночлега недосчитывали нескольких животных. Отбившись от остальных, они забирались глубже в тайгу и уходили верст за 10—15.

Чтобы не задерживать отряда в таких случаях, один оленевод оставался и, найдя беглецов, догонял нас в пути, а то и на следующем ночлеге. Мы дорожили оленями, и все же два — три из них ушли совсем. Из положения выходили благодаря убыли продуктов: уменьшался груз, освобождались и нарты.

Отряд уже шестые сутки находится в дороге. Ясная морозная ночь. Длинной вереницей растянулись наши олени, характерно пощелкивая на ходу копытами своих тонких стройных ног. Узкие и длинные нарты неслышно скользят по только что развороченной целине девственного снега. От дыхания бегущих животных пар садится и замерзает белым инеем на одежде бойцов. Мороз залезает в рукавицы и, как иглами, покалывает пальцы рук; зябнут и ноги, несмотря на теплые валенки. Часто, чтобы разогреться, приходится слезать с нарты и верстовать другую бежать.

Уже несколько часов отряд пробивается через непролазную чащу. Иногда приходится пускать в ход топоры. Ветви деревьев под тяжестью осевшего на них снега пригнулись к самой земле, преграждая нам путь. Даже от легкого прикосновения тысячи холодных снежинок срываются с ветвей и засыпают человека вместе с нартами. Кажется, что дороге не будет конца и отряд ни-

когда не выберется из этих дебрей. Проводник — дедушка Николай, как называли его бойцы, — сегодня впервые пел на родном языке.

Мне захотелось узнать смысл песни. Переводчик, сидевший рядом со мной на нарте, объяснил, что пел Николаев о величии гор, о вековых лесах, о дикой стихии, о минувшем времени, утонувшем в вечности, и о том, как теперь живет его семья. Тихая, заунывная мелодия навевала какую-то сладостную грусть и вместе с окружающей первобытной природой гармонировала моим чувствам и мыслям.

Глушь. Тайга. Без конца и края. Лишь изредка на пути попадаются узкие, с обрывистыми берегами речки. На поиски отлогого удобного спуска теряем немало времени.

Сегодня отряд едет дальше обыкновенного. Уже около двенадцати часов ночи. Наконец дедушка подал знак остановиться. Все, конечно, страшно устали и теперь обрадовались предстоящему отдыху. Но радость, оказывается, была преждевременной.

Николаев подъехал ко мне и сообщил, что удобное для ночлега место находится в шести верстах впереди. Там имеется юрта. Удивительная была у этого знатока тайги память, он всегда безошибочно точно указывал расстояния.

— Там мы и заночуем, — сказал Николаев, — а сейчас дорога пойдет открытым местом. Как минуем его, отряд нужно в лесу оставить, а к юрте выслать разведку.

— Зачем высылать разведку? — удивился я.

— Я думаю, что там белые, — ответил проводник.

Конечно, никто этому не поверил. Но, чтобы не огорчать дедушку пренебрежением к его совету и чтобы в будущем иметь возможность пользоваться его мнением, решили с ним согласиться.

Покурив, двинулись дальше и минут через десять выехали на залитую лунным светом снежную равнину. На ней там и сям виднелись редкие стога сена. Под ногами оленей скоро почувствовалась твердая дорога, прикрытая тонким слоем снега.

Проехав легкой рысцой около трех верст, мы обнаружили шагах в десяти от дороги торчащий в снегу длинный шест. К концу шеста был привязан какой-то сверток. Один красноармеец быстро достал его и передал

мне. В довольно объемистом пакете оказались воззвания пепеляевцев, читать которые при лунном освещении было трудно, да и не время.

После этой находки все сразу насторожились. Обнаруженный пакет подтвердил опасения Николаева, в дальнейшем требовалась осмотрительность. Было ясно, что враг не зевает и готовится к схватке. Не задерживаясь, мы двинулись дальше и скоро достигли опушки леса.

Захватив с собой десять бойцов, мы с Лукиным отправились к юрте. Остальная часть отряда с командиром взвода Метлицким во главе осталась на опушке и была наготове.

Рассыпавшись редкой цепочкой, разведчики медленно, почти бесшумно пробирались сквозь чащу. Старые, опытные партизаны хорошо знали свое дело.

Так прошли больше версты. И вдруг где-то слева тишину ночи взорвал крик испуганного человека. Немного спустя крик умолк, но его сменила отборная ругань разведчика.

— У, чертов сын, чтоб тебе пусто было. И откуда только тебя, гадюку, вынесло...

Свою речь лихой красноармеец щедро сдабривал крепкими словцами. Только мой приход умерил фонтан его красноречия. Подхожу к нему, спрашиваю:

— В чем дело? Чего ругаешься?

— Товарищ командир, вот за этим деревом... — разведчик замялся.

— Так кто же за деревом был? Дьявола увидел, что ли?

— Да не дьявол, белый тут стоял. Я прямо на него и налетел. Он сразу-то не заметил — спал, поди. А потом как заревет благим матом, ровно медведь. От неожиданности я так и присел. А он бежать пустился, даже винтовку оставил.

— Видно, вы оба друг друга испугались, — вмешался Лукин.

— Не знаю, как белый, а я не сдрейфил. Просто как-то врасплох вышло, сразу не разобрал, кто кричит, — пояснил разведчик.

Этот случай развеселил нас, создал у всех какое-то задорное настроение. Быстро двинулись за беглецом.

Юрта оказалась пустой. На столе стоял большой котел еще горячего супа, а в камельке весело трещали недавно зажженные дрова.

Белые, оставив свой ужин и не приняв боя, бежали. По коновязям удалось установить, что здесь их было двадцать человек, все на лошадях.

Местность, которой мы достигли, называлась Дарана. Отряд проехал уже сто восемьдесят верст, и до устья реки Мили оставалось верст двадцать. Но неожиданная встреча заставила задуматься.

Поразмыслив, мы решили, что наткнулись на артемьевцев, которые, узнав о цели нашей поездки, согласятся нас пропустить или в крайнем случае возьмут на себя доставку писем Пепеляеву. Чтобы встретиться с артемьевцами, якуты Ефремов, Дьячковский и Непомнящий на следующее утро отправились к устью реки Мили.

Мы стали ждать их возвращения. Оленей пришлось отпустить на кормежку. Этим отряд лишал себя возможности в случае необходимости быстро отойти, но другого выхода не было — голодные олени все равно везти не могли.

Пока было свободное время, решили ознакомиться с содержанием найденного по дороге пакета. Там было несколько воззваний к населению и обращений к Красной Армии.

Контрреволюция, когда за нею сила, агитировать не любит. Она убеждает штыком и нагайкой, пулей и виселицей. Но, будучи слабой, опираясь на глиняные ходули, она развязывает язык и начинает обманывать трудящихся. В такие моменты контрреволюция напяливает на себя овечью шкуру, сыплет ласковыми елейными словами и проливает крокодиловы слезы.

Колчак тоже, когда его разбитые и деморализованные остатки войск катились от Урала в глубь Сибири, пытался заигрывать с населением. Но после изуверств, совершенных карательными отрядами, его агитация успеха не имела.

Пепеляев, учитывая печальный опыт Колчака, решил подойти с другого конца. Он начал с писем к Красной Армии и с воззваний к населению. В одном из его обращений говорилось:

«Офицеры и солдаты Красной Армии!

Еще четыре года тому назад мы выступили против большевиков с оружием в руках. Во главе движения и тогда стоял наш земляк — генерал Пепеляев. Когда мы шли с нашим вождем за Урал и везде свергали коммунистическую власть, в тылу у нас началась борьба партий из-за власти.

Занятое этой борьбой правительство не имело времени всецело отдаться заботам о нуждах населения, следить за действиями своих чиновников, пресекать во время их злоупотребления. Этим воспользовались коммунисты и стали восстанавливать население против правительства.

Население Сибири поверило коммунистам и отшатнулось от правительства.

Уходя из Сибири, мы уносили с собой твердую веру, что оно (население) вспомнит о нас и призовет к себе на помощь. Два года скитались мы на чужбине и ждали этого призыва. И вот, наконец, дождалось: уполномоченные восставшего якутского народа обратились к нашему вождю — генералу Пепеляеву — с просьбой помочь их народу освободиться от коммунистов.

Мы не будем поддерживать какую-либо партию. Офицеры и солдаты Красной Армии! Мы с вами — дети великой России, одному богу молимся. Бросим делиться на красных и белых и вместе под нашим бело-зеленым знаменем пойдем в Сибирь. Долой гражданскую войну и партии, которые ее затеяли!

Наша политическая программа — вот она:

Интернационализму мы противопоставляем горячую любовь к народу и России, безбожию — веру в бога и партийной диктатуре — власть всего народа.

Вся полнота власти в освобожденных Якутской области и Охотском побережье (г. Охотск, порт Аян и Чумыкан) принадлежит Якутскому народному управлению и управляющему областью П. А. Куликовскому (выдвинутому на этот пост якутской общественностью). Мы же, люди военные, пойдем дальше в родную нам Сибирь, чтобы там помочь населению освободиться от власти коммуны.

В устах черной реакции эти невольные и горькие признания звучали исповедью и откровением поздно кающегося грешника. «Мы пересолили, будучи у власти», — калялись пепеляевцы перед якутским народом.

Днем приехал неизвестный вооруженный всадник. Привязав во дворе коня, он зашел в юрту, снял с себя старую, с облезлой шерстью, коротенькую оленью доху. На гимнастерке его оказались погоны. Приехавший белый очень удивился, когда понял, что в юрте находятся красные. Он сообщил, что был послан в Амгинский район с воззванием Пепеляева и теперь возвращается обратно.

Пленный сообщил также, что Пепеляев, получив продовольствие и олений транспорт, уже выступил из Нелькана и держит направление к устью реки Миля, куда уже прибыл первый его отряд в восемьдесят человек под командой полковника Сурова.

Теперь у нас не оставалось сомнений в том, что Пепеляев ни на какие переговоры не пойдет и от своей авантюры не откажется. Нам следовало отойти. Но все же решили подождать возвращения товарищей с ответом от Сурова.

Простояли еще два дня. Высланная разведка обнаружила в трех верстах от юрты следы пепеляевских лыжников, пытавшихся угнать оленей отряда. Оставаться дальше было рискованно и бесцельно. Было ясно, что предводители отряда задержаны.

5 января экспедиция выступила обратно в Амгу. Шли быстро, устраивая короткие ночевки.

Вечерами, перед ужином, как обычно, вели разговоры, иногда говорили о белогвардейцах. Много интересного из жизни восточной контрреволюции, разоблачающего жадность белогвардейского офицерства, рассказывали нам Вычужанин и Наха.

Наха рассказал о генерале Смолине. В 1922 году у него умерла жена. Генерал, командовавший в то время 2-м корпусом белых войск в Н. Уссурийске, возвел на могиле жены склеп. На это сооружение он затратил из корпусной кассы 10 тысяч рублей золотом. Такие деньги не трудно было собрать, если офицерам и солдатам корпуса в течение двух лет не выдавали жалованья. В газетах Смолин объявил, что деньги на сооружение склепа были пожертвованы «беспредельно любящими своего отца-командира солдатами и офицерами корпуса». Офицеры хотели возмутиться этой ложью, но их приструнили, и они вынуждены были замолчать.

Вообще Смоленин рвал, где мог. В 1920 году атаман Семенов из награбленных у народа денег выдал трем корпусам миллион двести тысяч рублей золотом. Сумма эта предназначалась для раздачи многосемейным и увольняющимся из армии офицерам. В корпусе Смоленина командование решило денег по рукам не раздавать, а организовать кооперативные производства: веревочные заводы, мастерские, пасеки, кафе и т. д. В правления кооперативов и в администраторы кооперативных предприятий пролезли «их превосходительства» и «их высокоблагородия», назначившие себе оклады по 300—400 рублей золотом.

До офицеров деньги так и не дошли. Но себя генерал Смоленин не обидел.

На следующей стоянке Вычужанин рассказал про «земский собор» во Владивостоке.

Много самодуров-правителей видел Владивосток за два года властвования там белых генералов, но всех их превзошел своими чудачествами генерал-лейтенант Дитерихс.

Сколько комичных приказов и распоряжений отдал этот последний воевода-правитель за четыре месяца своего царствования. Одним из самых юмористических был его приказ-манифест о сборе «земского собора».

Этот «земский собор» был создан удивительно быстро — в семь дней. Депутаты «в собор» не выбирались, а назначались исключительно из купцов и духовенства Владивостока и представителей каппелевской армии.

По окончании «собора», где единодушно постановили: «быть земле русской монархией», отслужили торжественный молебен и совершили крестный ход по Владивостоку. Воевода Дитерихс и его предшественники братья Меркуловы, одетые в костюмы думных бояр, увешанные иконами, двигались впереди крестного хода под общий хохот населения. Эту комедию ее устроители разыгрывали с определенной целью — затуманить головы темной массе, играя на ее религиозных чувствах.

Каждый участник «земского собора» получил грамоту, на которой золотыми буквами было написано: «Умрем за царя!» Кстати, такая грамота имелась и у генерала Пепеляева, участника «собора»...

Обратный путь отряд совершил гораздо быстрее, так

как двигался по протоптанной дороге. 12 января мы уже прибыли в Амгу.

В Якутск отправили подробное донесение о результатах поездки и о пленном пепеляевце. Через несколько дней был получен приказ командующего Байкалова: «Отряду оставаться в Амге до распоряжения и немедленно приступить к укреплению слсбоды».

ДВЕ ОШИБКИ ДМИТРИЕВА

Отряд Артемьева, до сих пор не проявлявший активности и скрывавшийся где-то в районе д. Петропавловское, в последних числах ноября совершил нападение на небольшой отряд красноармейцев, следовавших из Петропавловского в Амгу. Из двенадцати бойцов, нарвавшихся на засаду, девять были убиты и трое попали в плен. Одного из пленных, раненого, артемьевцы прислали связанным на санях к нам на заставу в Абагу. При нем была записка, в которой они писали: «Мы безоружных не расстреливаем, а потому сдавайтесь и переходите к нам без боязни». На словах они сказали раненому, что ими получен приказ (видимо, от Пепеляева. — *И. С.*), чтобы пленных не расстреливать. Конечно, мы хорошо знали, какова цена таких заверений, когда их делают белогвардейцы.

В первых числах декабря Дмитриев, командир стоявшего в Петропавловском батальона, узнал о том, что отряд Артемьева появился на реке Ноторе, в сорока верстах северо-западнее Петропавловского. Туда он немедленно выслал роту красноармейцев в семьдесят восемь штыков, с одним пулеметом Кольта и автоматом Шоша. Рота отправилась на подводах, в разведку от нее выслали десять человек верховых.

На первую ночевку остановились в поселении из двух юрт. Жители сообщили командиру роты Овечкину, что утром к ним приезжали пятеро белых, забрали трех

лошадей и уехали в западном направлении. Отряд белых в восемьдесят — девяносто человек находился верстах в десяти от поселения.

Переночевав, рота выступила дальше. В предчувствии скорого боя настроение у всех было приподнятое. Красноармейцы верили в успех и горели желанием дать белякам бой.

Дорога шла лесом, переходившим иногда в густой кустарник. Высланная вперед разведка тщательно прощупывала подозрительные места. Так проехали верст семь. Противника пока нигде не обнаружили, но это лишь увеличило бдительность и настороженность. Разговоры и шум прекратились сами собой. И только игривый ветерок задевал в своем беге верхушки деревьев, легонько пригибал их, срывал комочки снега и уносился дальше, нарушая тишину таежных дебрей.

Но вот дорога вышла к опушке. Впереди на целую версту покрытый белоснежной скатертью раскинулся алас (луг). Рота остановилась. Красноармейцы торопливо слезали с саней, конные спешили. Овечкин внимательно осмотрел равнину — на ней ни куста, ни деревца. Потом приставил к глазам бинокль и стал шарить по черным зигзагам противоположной опушки леса. И там никакого признака жизни не было.

Но каждый инстинктивно чувствовал близость врага. У колыта завозились пулеметчики, кое-кто из красноармейцев стал обтирать заледеневшие затворы винтовок.

Овечкин минут десять наблюдал, но ничего не обнаружив, приказал старшему конной разведки взять с собой пять всадников и осмотреть опушку леса по ту сторону равнины.

Старший разведчик вполголоса подал команду, и из чащи вынырнули пять всадников. Коротенькой змейкой они вытянулись вдоль дороги и тронулись шагом. Потом перешли на рысь и стали быстро пересекать равнину. Не доезжая шагов четырехсот до леса, разведка рассыпалась по обеим сторонам дороги в редкую цепочку. Красноармейцы сдернули из-за плеч винтовки. Кони, увязая в глубоком снегу, сразу сбавили ход.

По мере приближения разведчиков к опасной черте рота все с большим и большим напряжением следила за ними. Но вот до леса осталось всего шагов восемьдесят.

— Видно, никого там нет, — проговорил кто-то из красноармейцев.

Но, как бы в опровержение его слов, в тот же миг над тайгой прогремели несколько винтовочных выстрелов.

Один разведчик, сраженный пулей, вывалился из седла и распластался на снегу. Лошадь его, подхлестываемая звуками выстрелов, металась из стороны в сторону на небольшом пространстве около убитого. Другой разведчик, раненный в шею, галопом возвращался назад и, подъехав к своим, свалился с коня.

Четверо остальных спешили и открыли огонь по предательской опушке.

По сигналу командира рота быстро рассыпалась в цепь и повела наступление прямо в лоб. Глубокий снег затруднял движение, особенно тяжело было тащить пулемет. Пулеметчики, не успевая за ротой, стали понемногу отставать.

Белые, засевшие на опушке, встретили наступающих редким огнем. Но он пока что был недейственным. Рота прошла больше половины расстояния, отделявшего ее от противника, а потерь все не было. Это воодушевляло красноармейцев, и они дружно шли вперед, не подозревая о близкой и неотвратимой опасности.

Взоры наступающих были устремлены вперед — туда, на опушку леса, откуда вели огонь скрытые кустарником белые. Никому и в голову не приходило обратить внимание на открытую местность на правом фланге. А там как раз и таилась опасность. Если бы кто из наступающих посмотрел направо, то, наверное, заметил бы черную шевелящуюся точку на снегу, которую сначала легко можно было принять за ворону. Но, присмотревшись, он обязательно узнал бы в этой точке голову человека, наблюдавшего за цепью бойцов.

В этом бою белогвардейцы применили хитрость. Оставив на опушке леса с десяток человек, главные свои силы они расположили вдоль берега реки Ноторы параллельно дороге, в двухстах шагах от нее. А правый фланг наступающих проходил и того ближе, всего в ста шагах от засады.

Когда красноармейская цепь оказалась прямо перед белыми, послышалась громкая команда и тут же затрещали выстрелы.

Красноармейцы попали в тяжелое положение. Чтобы ответить на неожиданный удар справа, следовало быстро перестроиться и повернуть цепь лицом к главным силам врага. Но тогда рота попала под фланговый огонь с опушки леса. Однако другого выхода не было.

Подразделение быстро перестроилось и, не задерживаясь, рванулось в атаку. Но глубокий снег мешал. Увязая выше колен в снегу, бойцы продвигались вперед слишком медленно. Белые стреляли почти без промаха, на выбор. Не выдержав убийственного огня, красноармейцы остановились, а потом и совсем залегли — потонули в снегу.

— Пожалуй, до беляков теперь не дойти.

— По снегу разве добежишь! Всех перебьют, как куропаток.

— Вот, сволочи, жарят, вот жарят! Прямо спасу нет.

Отдуваясь и с трудом переводя дыхание, красноармейцы тихо переговаривались, обескураженные такой неожиданной встречей.

А впереди теперь, не более как шагах в семидесяти, чернели над белой гладью равнины головы хорошо укрытого врага. Красноармейцы стреляли, не целясь, желая прикрыть себя хотя бы огненным щитом пуль. Быстро таяли патроны, а пополнить их было нечем — запас остался в лесу на подводах.

С револьвером в руках, пренебрегая смертью, бегал по цепи командир роты, пытаясь организовать огонь.

— Товарищи, стреляйте только прицельно! Берегите патроны! Точнее бросайте гранаты! — старался Овечкин перекричать шум стрельбы.

Все напрасно. Бойцы потеряли самообладание и палили всюю. Некоторые кидали гранаты, но они рвались на середине, не принося белым урона.

Редкая пуля красноармейцев достигала цели, и тогда одна из темных голов в засаде переставала шевелиться. Зато огонь белых был много метче. То тут, то там в цепи умолкала накалившаяся винтовка, а владелец ее, обмякнув, распластывался на снегу. Раненые со стоном и проклятиями отползали назад.

Автомат Шоша, перегревшись, перестал стрелять. Кольт же, отстав, так и остался шагов на двести позади. Два пулеметчика лежали убитые, черными бугорками выделяясь на белой поверхности луга. Трое уцелевших

пулеметчиков были прижаты к снегу метким огнем лучших стрелков противника. К тому же, обремененные тяжестью пулемета, они не могли пробраться к своим. Несколько раз пытались это сделать, но огонь врага заставлял их зарываться глубже в снег.

А из цепи выбывали все новые и новые бойцы. Наконец, расстреляв почти все патроны и потеряв надежду на пулемет, красноармейцы дрогнули и стали отступать.

Напрасно командир роты пытался остановить их. Ни его угрозы, ни личный пример мужества на бойцов не действовали, цепь откатывалась назад.

Только когда отступающие вышли к пулемету, кольт вдруг заработал. Но и это уже было хорошо. Его огонь облегчил дальнейший отход роты.

Неожиданное поражение угнетающе подействовало на красноармейцев. С тяжестью на сердце возвращались они в Петропавловское. Восемнадцать раненых лежали на подводах, двадцать убитых, не считая разведчиков, остались на поле боя. Противнику достался автомат Шоша со всеми дисками и все винтовки убитых.

Причиной таких печальных последствий была неопытность и беспечность командира.

Спустя несколько дней Дмитриев получил новые сведения об отряде Артемьева. Теперь отряд ушел от реки Ноторы и находился на правом берегу реки Алдана, в двадцати пяти верстах юго-восточнее Петропавловского. Дмитриев вновь решил направить против белых роту в восемьдесят штыков.

Наученные горьким опытом товарищей, двигались теперь особенно осторожно. Открытые места обходили, разведывали каждую речушку. Так благополучно дошли до места предполагаемой стоянки белого отряда. Но, не встретив врага, не обнаружив даже признаков его присутствия, решили, что либо полученные сведения были неверны, либо противник ушел, не приняв боя.

Люди нуждались в отдыхе, а в полуверсте впереди имелась удобная юрта. К ней рота и направилась. Никто уже не думал об опасности. Правда, дозоры все же были высланы, но, завидя жилье, они направились прямо к нему. Туда же поспешила и вся рота.

Юрта находилась на противоположной стороне большой поляны, и там лес подходил к ней почти вплотную. Когда голова ротной колонны приблизилась к юрте ша-

гов на 60—70, грохнул залп, второй... Началась частая пальба. Среди бойцов роты сразу же поднялась паника. Крики и стоны раненых огласили воздух, красноармейцы бросились назад — в лес.

В каких-нибудь десять минут рота потеряла половину своего состава. Белые не преследовали ее, а сейчас же ушли, захватив оставшееся на поляне оружие.

Это второе поражение подорвало моральное состояние личного состава батальона, которым командовал Дмитриев. В обеих неудачах были виноваты не столько командиры роты, сколько сам комбат. Он не использовал перевеса в живой силе и в огневых средствах, дробил батальон по частям, сам не принял участия ни в одном из боев с артемьевцами.

ПОХОД К ПЕТРОПАВЛОВСКОМУ

оложение было серьезное. С бандой Артемьева покончить не удалось, а тут еще надо было ожидать наступления дружины Пепеляева. Байкалов распорядился укрепить Амгу.

В день поступления его приказа в Амгинском гарнизоне состоялось совещание всего комсостава, на котором обсудили и приняли план обороны слободы.

Амга, расположенная на возвышенности, представляла в тактическом отношении довольно выгодную и сильную для обороны позицию. Подступы к поселению со всех сторон были открыты на две — три версты и хорошо простреливались.

Единственным, но существенным недостатком было то обстоятельство, что редкие постройки амгинской улицы растянулись на две версты. Это требовало возведения большого кольца окопов и значительных сил для ее обороны, во всяком случае, не менее шестисот — семисот человек.

К тому времени из Якутска прибыла остальная часть моего отряда — 42 человека, однако и теперь в Амге насчитывалось всего 232 бойца. При взгляде на вырастающую длинную линию окопов каждый понимал, что цепь будет очень редкой. О резервах же приходилось только мечтать.

Нечего было и думать удержать Амгу имеющимися силами. Свое наступление белые могли продемонстрировать

сразу с нескольких направлений, избрав одно из них для нанесения главного удара. Все эти соображения начальник Амгинского гарнизона Суторихин изложил в письменной форме в донесении командующему.

Январь 1923 года был на исходе. Агентурная разведка донесла, что к устью реки Мили в ближайшее время должен прибыть сильный отряд пепеляевцев.

В том, что с ними придется драться, уже не оставалось никакого сомнения. На обращение Якутского ревкома Пепеляев до сих пор не ответил, зато воззвания к населению и к Красной Армии продолжал сыпать пачками.

Но куда Пепеляев направится? Достигнув устья реки Мили, он мог двинуться к северу на Петропавловское. Там оставался батальон Дмитриева в двести штыков, с четырьмя тяжелыми пулеметами, одним люисом и восемью автоматами Шоша. К тому же у Дмитриева имелось много боеприпасов и продовольствия, в свое время предназначенных для аянской экспедиции. Противник мог двинуться и на северо-запад, на Амгу. Ведь расстояние до этих пунктов было одинаковое — 200 верст. Не был исключен и третий вариант — действия сразу в обоих направлениях. Правда, это дробило бы его силы, но в один из пунктов он мог выделить небольшой отряд для демонстрации.

И все-таки всего вероятнее было, что Пепеляев устремится на Амгу. 28 января от Байкалова поступил приказ, который предлагал мне немедленно выступить со своим отрядом в семьдесят два человека в Петропавловское для смены батальона Дмитриева. После этого Дмитриеву предстояло спешно двинуться в Амгу и усилить оборону этого пункта. Мне разрешалось в случае необходимости оставить Петропавловское и, действуя партизанскими методами в тылу у Пепеляева, захватывать транспорт, уничтожать мелкие группы противника.

На следующее утро мой отряд оставил укутанную сумерками Амгу. Часть подвод из-за недостатка лошадей была запряжена быками.

Я несколько задержался на совещании комсостава гарнизона. У остающихся сложилось мнение, что батальон Дмитриева не успеет вовремя прибыть в Амгу и белые его опередят. Когда придет подкрепление из

Якутска, тоже определенно никто не знал. Отсюда вытекало, что амгинскому гарнизону, может быть, придется принять первый удар пепеляевцев одному. При растянутой обороне это было слишком трудно.

Оставалось одно — сократить боевой участок, а для этого оставить большую половину Амги и стянуть все свои силы на другую ее окраину, туда, где имелась больница с большим запасом льда и достаточным количеством перевязочного материала, где находились два продовольственных склада и церковь, служившая хорошим наблюдательным пунктом. Прилегающее к церкви кладбище с каменными могильными плитами позволяло создать довольно сильный узел обороны. Сосредоточенный на небольшом участке гарнизон, имеющий шесть тяжелых, три легких пулемета и несколько автоматов Шоша, мог продержаться здесь значительное время. В крайнем случае можно было уничтожить продовольственные склады и попытаться отойти на Чурапчу или на Якутск.

После тщательного и всестороннего обсуждения этого плана было решено, что начальник гарнизона Суторихин с утра 30 января приступит к его выполнению, а всего ему потребуется для этого лишь несколько часов.

После совещания я отправился в путь и скоро догнал свой отряд. Дорога была хорошая, и, хотя быки задерживали нас, мы делали не меньше сорока верст в день.

А в это время, развивая операцию по овладению Якутском, Пепеляев выдвинул вперед ряд небольших отрядов из остатков несдавшихся повстанцев-якутов под командой опытных офицеров. В их задачу входило тревожить красные войска неожиданными налетами. Действиями таких отрядов Пепеляев хотел отвлечь внимание от своих главных сил.

Но веер его слабых групп не оправдал своего назначения уже потому, что встретил враждебное отношение со стороны населения. Кроме того, их действия были парализованы конными отрядами красных, выдвигавшихся на восток также веерообразно.

Бросив значительный отряд на д. Петропавловское, Пепеляев с главными силами из района Усть-Мили дви-

нулся в сторону Амги. Передовой эшелон его дружины — 2-й батальон и кавдивизион численностью в триста бойцов — в ночь на 2 февраля неожиданно обрушился на селение.

Отряд Суторихина совершенно не был подготовлен к бою. Командир не выполнил плана подготовки к обороне. Люди, рассредоточенные по всей слободе, спали раздетыми.

Начальник Амгинского гарнизона Суторихин и начальник частей аянского направления Баринов, застигнутые врасплох, растерялись и в панике бежали, оставив своих людей.

Не останавливаясь, без единого выстрела, атакующие ворвались в Амгу с двух сторон. Красноармейцы выскакивали из домов, ведя беспорядочную, разрозненную стрельбу.

В центре Амги находился начальник пулемета Ренкус. Услышав стрельбу, он выкатил «максим» на улицу. Одного пулеметчика он послал к Суторихину для связи.

Скоро показалось несколько цепей белых. Когда до них осталось шагов пятьдесят, Ренкус открыл огонь. Несколько пепеляевцев было убито и ранено. Наступающие залегли, стали стрелять по пулемету.

Минут двадцать Ренкус задерживал цепи белых, нанося им большие потери. Но вот заложена последняя лента. Набивать новые некому — три пулеметчика ранены, а один убит. Ренкус решил расстрелять последнюю ленту и уйти, но не успел. Белые пробрались огородами и ворвались во двор. Удар прикладом повалил пулеметчика на землю.

Группа красноармейцев собралась у церковной ограды, командование над ней принял военком Ф. Ляжнин. Более двух часов она сдерживала натиск превосходящих сил противника, а затем организованно отступила и направилась в Якутск.

Селение заняли пепеляевцы. В этом бою они потеряли тридцать два человека убитыми и двадцать ранеными. С нашей стороны оказалось двадцать человек убитыми и ранеными и сорок попало в плен. Пепеляевцы захватили три тяжелых и два легких пулемета, несколько тысяч пудов продовольствия.

Когда заканчивался бой, из Амги, отстреливаясь, вышли пять красноармейцев. Остановились у стога, укрь-

тые густым белым покрывалом тумана. Что делать, куда идти?

— На Якутск — куда больше? — предложили было четверо. И только один подал мысль пойти на Петропавловское и предупредить о падении Амги своих, чтобы их также не захватили врасплох. С ним согласились, и скоро маленькая группа торопливо зашагала на северо-восток, огибая Амгу с запада.

Путь далек — 200 верст тайгой, без продуктов, но об этом никто не думает. Каждый готов пожертвовать собой, лишь бы спасти Петропавловский гарнизон.

Первая победа окрылила пепеляевцев. Они стали энергично готовиться к дальнейшим действиям. В разных направлениях были срочно посланы уполномоченные для организации отрядов, для сбора теплой одежды, провианта и перевозочных средств. Пепеляев торопился завершить операцию по захвату Якутска.

Белые решили и пленных использовать для усиления дружины, а главное — для разложения красных отрядов. В избу к пленным приходили офицеры всех рангов и должностей. Перед ними цветистую речь произнес сам Куликовский, призывая красноармейцев перейти к Пепеляеву. Но те и слышать об этом не хотели. Пепеляев расвирипел:

— Кто не желает вступить в дружину, с того снимут обувь, одежду и отпустят в Якутск, — заявил он. Дал два часа на размышление.

Задумались красноармейцы. Что делать? Пепеляев шутить не любит и свою угрозу выполнит. А куда пойдешь в одном белье? Наверняка замерзнешь.

Ренкус предложил сообщить, что все остаются у белых, а при первой возможности бежать к своим. В случае если до побега по необходимости придется участвовать в бою, стрелять в воздух.

«Добровольцев» зачислили в состав 2-го батальона.

Оставив Амгу, мой отряд шел без задержек. 2 февраля остановились на ночлег в двадцати верстах от места назначения. Часа в четыре утра я передал отряд командиру взвода Иванишко, а сам с пятью всадниками выехал вперед и на рассвете прибыл в Петропавловское.

Здесь меня поразила беспечность, царившая в батальоне. На боевую готовность — ни малейшего намека. Красноармейцы, размещенные по всем избам, спали по-домашнему, раздевшись. Дежурная часть не назначалась, дозоры не выставлялись, разъезды не высылались. Вся охрана батальона состояла из двух караулов на северной и южной окраинах деревни. А ведь селение с трех сторон окружал лес, а с четвертой — восточной хотя леса и не было, но высокий левый берег реки Алдан тоже давал возможность подойти скрытно. Никакого наблюдения за этим направлением не велось, не были подготовлены и окопы. И это в то время, когда пепеляевцы находились уже в устье реки Мили и в любую минуту нужно было быть готовым к отпору!

Такого положения терпеть было нельзя. Приехавших со мной красноармейцев, хотя они нуждались в отдыхе, я выслал в разъезд. Сам отправился отыскивать штаб батальона. Нашел его по красному флажку на воротах.

Дмитриев спал тоже раздетым. С трудом разбудил его, вручил пакет от командующего и высказал замечания относительно расхлябанности в батальоне. Дмитриев ответил самоуверенно:

— Врасплох меня не захватят — имею хорошую агентуру и через нее своевременно получу сведения о движении белых. Окопы у меня также имеются.

В тот же день я осмотрел эти окопы, вырытые еще осенью прошлого года. Теперь они были полуразрушены и завалены снегом. Потребовалось бы несколько часов, чтобы только очистить их. В тот же день мы приступили к сооружению новых окопов, к созданию обороны.

Дмитриев стал готовиться к выступлению на Амгу. Но его задерживало отсутствие подвод. Их требовалось много, так как одних патронов на складе имелось тысяча триста, не считая гранат. Пришлось мобилизовывать транспорт в ближайших наслегах, а для этого нужно было не менее четырех — пяти дней.

От Дмитриева я узнал, что банда Артемьева находилась в тридцати верстах восточнее Петропавловского. Решил воспользоваться задержкой батальона и провести операцию против Артемьева. У Дмитриева попросил усилить мой отряд одной ротой и несколькими пулеметами. Получив согласие, начал готовиться к выступлению.

Настроение у командиров и особенно красноармейцев батальона было подавленное. Причиной этому были две последние неудачи, память о которых все время поддерживалась. Дело в том, что все красноармейцы, убитые на реке Ноторе и за рекой Алданом — больше тридцати человек, были свезены в Петропавловское и сложены в пустой амбар. Дверь амбара не закрывалась, и бойцы, имея много свободного времени, часто навещали своих мертвых товарищей и целыми часами толпились у амбара.

Когда из Амги приходила почта, некоторые из бойцов брали письма убитых и шли к амбару. Отыскав адресата, они вскрывали письмо и читали его вслух при гробовом молчании присутствующих. Слышны были только редкие вздохи да возгласы:

— Э-эх, Митя! Как ожидал, миляга, письма из дому! Вот теперь письмо пришло, а его не стало в живых.

Если при этом присутствовали участники тех боев, они подробно рассказывали, при каких обстоятельствах и как погиб тот или иной товарищ. Понятно, что все это глубоко отражалось на психике красноармейцев, заставляя их снова и снова переживать недавние неудачи.

Я указал Дмитриеву на ненормальность такого положения. Но он объяснил, что решил отправить погибших в Якутск, рапорт о чем послал командующему.

В тот же день двери амбара были заколочены гвоздями и около них выставлен часовой.

Красноармейцы, которым помогали крестьяне, развели большой костер. Когда земля оттаяла, начали рыть братскую могилу. К обеду следующего дня она была готова. Всех убитых еще накануне перенесли в два — три дома, обмыли, надели чистое белье. После похорон на братской могиле водрузили большую пятиконечную звезду, сделанную по собственному почину местным жителем. Дрогнул морозный воздух от трех винтовочных залпов, а над сомкнутыми рядами бойцов несло грустное, но боевое:

— «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Где-то в ущельях скалистых берегов Алдана завывал ветер. Тайга глухо шумела, как бы прощаясь с нашими погибшими товарищами.

СВОДНЫЙ ОТРЯД ДЕЙСТВУЕТ

Вечером в штаб батальона собрались все командиры подразделений, назначенных в новую операцию против Артемьева. Сгрудившись вокруг стола, они знакомились с задачей, уясняли план действий.

Махорочный дым сизыми волнами плавал по комнате, закрывал потолок, лез в глаза и медленно уходил в кухню.

На стенах висели дулами вниз до десятка винтовок рядом с наполненными до отказа патронташами. На подоконнике валялись мильсовские гранаты. В углу у печки притулился «максим», окруженный несколькими облезлыми, потерявшими свой прежний защитный цвет коробками. Одна коробка открыта, и конец ленты, тускло поблескивающий медью патронных гильз, протернут в приемник. Тут же, на грязном, усеянном окурками полу, расположились пулеметчики. Мирно посапывает хозяйская собака Полкан.

Совещание закончилось в пять часов вечера. Все выяснено, предусмотрено, согласовано. Было решено пройти по дороге верст двадцать, а затем, чтобы миновать сторожевые посты противника, двигаться без дороги. Обоз оставить с небольшим прикрытием, а пулеметы навьючить на лошадей.

До выступления оставалось четыре часа. Командиры уже хотели разойтись по своим взводам, как вдруг раздался стук в дверь. Зашедший боец доложил, что в

штаб пришли три красноармейца и просят разрешения поговорить с командиром. Дмитриев встал, вышел на кухню.

Скоро он вернулся. Вид у него был расстроенный, а лицо бледное. Все с тревогой ожидали, что он скажет.

— Товарищи, Амга взята Пепеляевым. Наш гарнизон разбит.

Это неожиданное известие подействовало на всех ошеломляюще. В комнату как раз вошли добравшиеся из Амги красноармейцы. Их оборванная одежда, изможденный вид, черные обмороженные лица и распухшие руки еще больше подействовали на присутствующих.

Пришедшие были так измучены, что рассказать более подробно о падении Амги просто не могли. Фельдшер им тут же сделал перевязку, хозяйка напоила горячим молоком, и бойцов уложили спать.

С занятием белыми Амги обстановка резко изменилась. Мы оказались в глубоком тылу у белых, отрезанными от Якутска. Пришлось оставить мысль о наступлении на Артемьева. Встал вопрос, оставаться ли в Петропавловском или прорываться в Якутск?

Собрали военный совет. Здесь мнения разделились. Одни считали за лучшее на время остаться в Петропавловском до выяснения обстановки. К тому же из Якутска должно же поступить какое-то распоряжение. Другие настаивали на немедленном выступлении в поход. После долгих дебатов решили все-таки Петропавловское оставить и двинуться на Якутск.

Надо было теперь решить, какой дорогой идти. Всего имелось два пути: один прямой — через Амгу, а другой обходной. Второй путь был и труднее и на двести верст больше, а всего здесь предстояло пройти шестьсот верст.

Лошадей для обоза не хватало. Многие обессилевшие бойцы пешком совершить такой путь не могли и наверняка погибли бы от мороза и плохого питания. А если бы кто и добрался до Якутска, так все равно надолго вышел бы из строя.

Между тем Якутску нужна была помощь. Он не имел достаточных сил для отражения противника. Обстановка была благоприятна для Пепеляева, и он мог воспользоваться ею для удара по городу.

Так оценивало совещание создавшуюся обстановку. Было решено немедленно двинуться прямо на Амгу. Это должно было спутать планы Пепеляева. Если к нашему приходу он уже выступит на Якутск, то мы захватим Амгу, уничтожим его базу и пойдем дальше, угрожая ему с тыла. Если же пепеляевцы окажутся на месте, то мы вступим с ними в бой и на какое-то время задержим их.

Оставался и еще один серьезный вопрос: как быть со складами? Имевшиеся семьдесят подвод не могли поднять все боеприпасы и необходимое продовольствие. Нужны были лошади под пулеметы, требовались также подводы и для санчасти.

Как ни выкраивали, как ни высчитывали, а пришлось десять тысяч патронов для автоматов Шоша утопить в Алдане. Продовольствия можно было взять только на десять дней. Все остальное решили раздать населению: муки больше тысячи пудов, масла двести пудов, сорок мест кирпичного чая, сто пудов соли.

Отряд и батальон объединили. Я высказался за то, чтобы общее руководство принял на себя Дмитриев, как старший начальник, ибо мой отряд уступал батальону не только по численности, но и по вооружению. На том и порешили.

Договорились утром созвать общее собрание бойцов гарнизона. Затем стали расходиться. Было уже три часа утра.

Эту ночь спали в полном боевом снаряжении. Сторожевая охрана была усилена и в разные стороны высланы конные разъезды.

Собрание командиров и красноармейцев началось часов в девять утра. Бойцы пришли на него с винтовками, патронташами, со всеми пулеметами. Отсутствовали только те, кто были в караулах и разъездах.

Первым выступил один из красноармейцев, пришедших из Амги. Просто и бесхитростно он рассказал обо всем, что там произошло.

— В сдаче Амги и в нашем поражении виноваты мы сами, — говорил боец. — Мы спали по халупам и не были готовы к бою. Проснулись, когда белые уже были в деревне. Красноармейцы выскакивали из избушек и не знали, что делать: командиров не оказалось.

А пепеляевцы лезут со всех сторон, и почему-то

молчат, даже «ура» не кричат. От этого было еще страшнее.

Белые все вместе, ну а мы вразброд, к тому же туман мешал видеть, где свои, а где чужие. Стреляют пулеметы, а чьи — не знаем.

Горячее всего стрельба шла у дома кулака Корякина, где находился товарищ Ренкус с пулеметом, а затем около церкви, где был наш штаб. Но прорваться туда нам не удалось. Несколько раз мы пытались это сделать, но постоянно натывались на белых.

А потом стрельба прекратилась. Кое-как мы пятеро выбрались из деревни. Сначала хотели податься к Якутску, но потом передумали и направились сюда, чтобы предупредить вас. Три дня шли по дороге, заходили к жителям. Они нас и кормили. А на четвертый день только стали подходить к юрте, видим: лошадей тридцать к изгороди привязано, а во дворе часовой ходит. Спрятались в кустарнике, обождали минут пятнадцать. Из юрты вышли десять человек — все якуты. Сели на коней и уехали.

Мы тайгой обошли эту юрту, а дальше дорогой уже не решились идти, пробирались целиной. Совсем обесилели, двое суток ничего не ели.

В глубоких орбитах черного обмороженного лица красноармейца горят бойкие, живые глаза. Говорит он тихо, слова растягивает, но слушают его внимательно, затаив дыхание.

— От слабости темнело в глазах, подкашивались ноги. Два наших товарища совсем ослабли, не дошли верст пятнадцать до Петропавловского — свалились и замерзли на наших глазах. Помочь им не могли. А мы вот кое-как добрались к вам.

Всех троих героев хотели качать. Но их забинтованные лица, руки и изнуренный вид удержали бойцов от такого горячего выражения глубоких чувств признательности.

После этого я кратко информировал собрание о со-здавшемся положении, познакомил с задачей, которая стояла перед нами. В заключение, отметив необходимость действовать совместно и, следовательно, иметь единое командование, сообщил, что на собрании командиров мы решили вручить командование т. Дмитриеву.

После меня взял слово красноармеец из батальона.

— Товарищи, умереть дело нехитрое, — сказал он. — Но если нам придется сложить свои головы, то лучше в хорошем бою, и так, чтобы враг это почувствовал, чтобы наша гибель принесла пользу общему нашему делу и наибольший урон белым. А это во многом зависит от командира. Дмитриев — хороший товарищ, но как командир он себя не показал. Два раза мы наступали на Артемьева, и все без него — он оставался в деревне. Если бы он был с нами, все могло бы быть иначе. Поэтому я считаю, что командование надо передать Строду — он в Якутии пробыл больше, чем Дмитриев, лучше знает местные условия.

Из дальнейших выступлений становилось очевидным, что батальон требовал более решительного командования. Наконец единогласно было принято следующее предложение: Строд принимает командование сводным отрядом, Дмитриев будет начальником штаба, а военком батальона Кропачев — военкомом сводного отряда.

Все красноармейцы и командиры единодушно решили, если потребуется, пожертвовать собой, но задержать Пепеляева в Амге, нанести ему возможно большие потери, подорвать силы дружины как физически, так и морально и тем самым посылить выполнить свой революционный долг перед трудящимися. На этом собрании закончилось.

Начались сборы и подготовка к выступлению. Многие жители хотели бросить свои хозяйства и уйти с отрядом, и стоило немалого труда удержать их от этого шага. Но все же пять человек твердо решили последовать за нами.

Крестьяне по собственному почину добровольно отдали отряду всех годных лошадей.

— Берите, товарищи, чтобы белым не достались. Мы знаем, Советская власть не даст нам умереть с голоду и поможет засеять поля. Только бы белых прогнать, а там мы не пропадем. Себе несколько быков мы оставляем, хватит на всех — из лесу дровишек, а из Алдана воды привезти.

— И чего только белякам нужно? Крови мужицкой мало попили? Народ только разоряют, воронье проклятое! — возмущались крестьяне.

Лошади нам очень пригодились: первый эскадрон в 26 сабель теперь был на конях¹. Разведка отряда была обеспечена.

В хлопотах незаметно прошел день. Вечером, в двадцать три часа; сводный отряд в двести восемьдесят два человека выступил из Петропавловского на Амгу.

Погода стояла теплая. Небо заволокло тучами. Пал небольшой снежок.

Скоро весь отряд втянулся в лес. Некоторое время из деревни доносился лай потревоженных собак, но и он постепенно замер. Отряд остался одиноким, как затерявшееся в водных просторах океана судно.

За исключением больных и первого эскадрона, все шли пешком. Двигались не останавливаясь до самого рассвета. За ночь сделали сорок верст. Остановились в местности Соордах. Поблизости должны были быть три юрты.

Вскоре вернулась разведка и сообщила, что юрты заняты противником, но численность его установить не удалось.

Быстро подготовились к бою. Решили юрты окружить. Два эскадрона и третья рота двинулись по чаще в обход справа. Первый эскадрон в конном строю обходил слева. Впереди — голая равнина. Первая рота рассыпалась в цепь и открыла огонь.

Противник залег несколькими цепями у юрт и стал отвечать. Но, видя, что их обходят, белые побежали уже после десятиминутной перестрелки.

Сомкнуть кольцо не успели, и враг прорвался.

В одной юрте оказались два пленных красноармейца. Они были захвачены белыми во время нападения из засады на отряд связи, высланный из Петропавловского в Амгу.

Это было очень кстати. Освобожденные рассказали, что в юртах стоял отряд Артемьева в сто человек и с ним два пепеляевских офицера. Все конные. Артемьев шел на Петропавловское, рассчитывая напасть на нас врасплох, а если неожиданный налет не удастся, то запереть наш гарнизон и задержать его до занятия Пепеляевым Якутска.

¹ Три взвода в отряде были переименованы в эскадроны, дабы ввести противника в заблуждение о численности отряда. В результате Пепеляев считал, что у нас четыреста человек (*Прим. авт.*).

Нам нужно было как можно скорее подойти к Амге, но теперь этот путь преграждал отошедший в ту сторону отряд Артемьева. Дорога до Амги все время проходила тайгой. Было очевидно, что белые не преминут воспользоваться этим, чтобы на каждом шагу устраивать засады. Значит, будут стычки с засадами, появятся раненые, что еще больше отяготит отряд. Это совсем не входило в наши расчеты.

После занятия юрт красноармейцы не захотели даже выпить чаю, а сразу завалились спать. Бодрствовали только дежурная рота да караулы.

А в это время в штабе обсуждали создавшееся положение. Всем было ясно, что оставался только один выход: пойти по старой, давно заброшенной дороге. Правда, там совсем не было жилья, а отряд не имел фуража, красноармейцы одеты скверно. И все-таки это было единственно разумное решение.

Но следовало еще предусмотреть меры, чтобы ввести в заблуждение противника. Без этого при изменении маршрута мы только проиграем. Установив наш настоящий маршрут, конный отряд белых сможет быстро переброситься на ту же дорогу, чтобы и здесь изматывать нас засадами. Наш маневр удался бы, если бы мы смогли выиграть самое малое два дня. Значит, надо сделать так, будто мы возвращаемся назад.

Приняв решение, вызвали командиров рот и эскадронов, ознакомили их с намеченным планом, указав, что многое будет зависеть от красноармейцев. Это они должны внушить местным жителям мысль, что мы огорчены неудачей и вынуждены возвратиться для лучших сборов.

В двенадцать часов дня сделали подъем. Скоро бойцы знали, что от них требуется. Начались разговоры и ругань. Местные жители хотя и не говорили по-русски, но все понимали.

— Ишь ты, — сетовал красноармеец, — не приняли боя и удрали. Им только засады делать. Эх, если бы мы тоже были на конях, тогда другое дело!

— Что верно, то верно. Пеший конному не страшен, — поддержал разговор пулеметчик. — Но неужели наши командиры об этом не знали?

— Вот именно, что не знали, — авторитетно ответил взводный. — И все-таки невелика беда — прогулялись малость. Это не вредно, и так засиделись на одном ме-

сте. Да и не даром прошлись — узнали, сколько тут белых, и двух своих товарищей выручили. Сегодня же идем обратно в Петропавловское, а денька через три все на лошадей сядем, тогда и разговор с белыми будет иной.

Для того чтобы попасть на другую дорогу, нам нужно было возвратиться на семь верст назад, в сторону Петропавловского. Все получалось так, что у жителей не возникло никаких сомнений.

В два часа дня отряд оставил Соордах. На этот раз счастье нам сопутствовало. Скоро пошел снег. Он не переставал всю ночь, весь следующий день и полностью скрыл наши следы.

Как мы и предполагали, Артемьев, оставив Соордах, прошел пятнадцать верст в сторону Амги и сделал засаду. Безрезультатно прождав весь день, он решил, что мы остановились на дневку. Вечером он снял засаду и, оставив заставу человек из десяти, с остальным отрядом отошел еще на пять верст и там заночевал в трех юртах.

На следующий день еще до рассвета он вернулся на старое место и снова расположился в засаде. Прождал до обеда и только тогда выслал разведку в Соордах.

Жители сообщили разведчикам, что красные еще вчера вернулись в Петропавловское, чтобы собрать лошадей и уж тогда воевать. Полученные сведения разведка сообщила Артемьеву. Тот к вечеру со всем своим отрядом прибыл в Соордах, а ночью выступил на Петропавловское. Утром 10 февраля Артемьев занял Петропавловское.

Наш маневр удался. Отряд Артемьева уже остался позади нас больше чем на сто верст. К тому же сразу выступить он не мог — надо было дня два, чтобы дать отдых людям, лошадям, обеспечить продукты на долгий путь. А сейчас ему ничего не оставалось, как только послать срочное донесение Пепеляеву о том, что Петропавловский гарнизон прорвался и движется в сторону Амги.

Мы идем четвертые сутки. По нашему расчету, завтра будем у Амги. Сегодня не слышно песен, как в прошлые дни. Чумазы, прокопченные дымом костров лица бойцов сосредоточенны и серьезны, в глазах твер-

дая решимость. Каждый понимает, что скоро должна произойти встреча, и тогда все неизвестное, давящее своей загадочностью, станет ясным. Каждый шаг вперед приближал к развязке.

Яркие лучи северного холодного солнца сверкающими зайчиками прыгают по стали граненых штыков, серебрят деревья. Тайга, погрузившаяся в зимнюю спячку, словно вымерла. За все время похода мы не встретили ничего живого, все попряталось от холода. Кругом было так тихо, что порой становилось жутко.

Иногда тайга отступала в сторону от дороги и открывала голую равнину с редкими кустиками и чахлыми деревцами, которые стояли вдоль дороги, словно забытые, одинокие часовые. Унылыми и грустными выглядели такие места и своим видом нагоняли тоску.

Вдали высились массивы щетинистых гор, могучие и прекрасные в своей вечной каменной неподвижности. По сравнению с ними усталые люди казались жалкими, беспомощными букашками. Впереди, за аласом, подернутая синеватой дымкой, сомкнулась тайга. Она как бы преграждает нам путь, ревниво оберегая вековую тайну севера.

Незаметно опустилась ночь, люди перестали видеть дорогу. Шли ощупью, спотыкались, падали, но еще долго не останавливались. Завтра нам нужно быть под Амгой. Наконец, обессиленные и разбитые, остановились на ночлег.

Окружающий нас мрак ночи скоро разрядили несколько десятков костров, сложенных из целых сухих бревен. Зарево от них накрыло огненной шапкой людской муравейник, рвалось вверх и гасло в чаще. Над огнем красноармейцы подвешивали на длинных тонких жердях котелки и ведра, до краев наполненные снегом. Когда он таял, лопатами, а то и просто руками добавляли новые куски снега, до тех пор пока в ведре не получалось достаточно воды. Затем опускали мясо, сыпали соль и терпеливо ждали, пока вода закипит.

Мясо ели больше полусырое. Голод и мороз заставляли быть не особенно разборчивыми. «Горячее сырым не бывает», — шутили бойцы и с аппетитом уплетали куски пропитанного кровью мяса.

Раздатчики получали на взвод из обоза промерзшие, твердые, как дерево, буханки ржаного хлеба. Чтобы

скорее их отогреть, разрубали топором и клали чуть ли не в самый огонь.

В стороне, под деревьями, громко фыркали покрытые снежными попонами лошади и жалобно мычали голодные быки. Сена не было. Своих четвероногих друзей мы кормили хлебом только раз в сутки. Наши и без того небольшие запасы быстро иссякали.

Физически более слабые красноармейцы, как только разгорались костры, выбирали поудобнее место, клали под голову свои вещевые мешки, а под бок наломанные ветки сосны или пихты и сразу засыпали. Когда поспевал ужин, их будили и чуть ли не силой заставляли есть.

Отряд рассредоточился по кострам небольшими группами по пять — восемь человек. Люди располагались с наветренной стороны, иначе дым слепил глаза. Ветер часто прорывался сквозь чащу и, как кузнечный мех, раздувал костры, взметая тысячи искр. Подхваченные вихрем, они красивым сверкающим хороводом кружились над поляной, гасли в дрожащем отблеске костров, падали на снег и на людей.

Эту ночь мы провели особенно плохо. Все отчаянно мерзли, хотя дежурный эскадрон поддерживал костры до самого рассвета. Было так: пока один бок, обращенный к огню, греется, другой пронизывает ветер. Часто приходилось переворачиваться. Забудешься на часок-другой, потом снова проснешься, и так всю ночь — и спишь, и не спишь.

В довершение всего из костра с треском летят раскаленные угольки, иногда падают на спящего человека.

— Вот, черт, шинель сгорела! — слышится ругань у одного из костров.

Люди поднимают головы, начинается возня. А когда кажется, что все уже успокоилось, спящих будит новый крик. И так всю ночь.

За время ночевок наши бойцы прожгли немало катанок и ботинок, что было для нас большим и неотвратимым злом. Все принимавшиеся нами меры предосторожности ни к чему не приводили. А в эту ночь у нас сгорело больше полушубков, шинелей и обуви, чем за все предыдущие.

Наутро красноармейцев нельзя было узнать. Отряд имел особенно таежный, а вместе с тем и какой-то за-

лихватский вид. У многих шинели и полушубки были в дырах, а то и вовсе без полы, рукава полушубков постыгивало, сморщило, как сушеный гриб. Дырявую обувь заткнули бог весть откуда взятыми тряпками, перевязали веревками.

— Товарищ командир, моя рота всю ночь под артиллерийским огнем была, — шутит Овечкин.

— Ха-ха-ха! Го-го-го! — хохочут красноармейцы, глядя друг на друга.

— Вот так обстрел. Артюхина-то прямо в спину трехдюймовым шибануло.

— Посмотри лучше на себя, — огрызается Артюхин. — Тебя-то самого каким калибром по боку тяпнуло?

В другом месте потешались над здоровенным красноармейцем.

— Твои скороходы совсем проголодались. Где у тебя совесть? Сам ешь, а их не накормишь. Ишь как рот раззявили, мяса просят.

Бойцы шутили друг над другом. Куда и девалось сумрачное настроение, всюду слышался жизнерадостный, веселый, задорный смех.

Отряд быстро собрался и выступил в поход. Пели скрипучие полозья обозных саней. Тихо переговаривались красноармейцы.

Сегодня мы провели последнюю ночь у костров, а на следующую решено было остановиться в населенном пункте, не доходя верст пятнадцати до Амги. Каждый радовался предстоящему отдыху в теплой юрте. Только бы не помешал противник. У людей было одно желание — провести ночь в жилье, а там будь что будет. Сегодня нам не хотелось встречаться с белыми.

Ветер стал утихать. В последних потугах он гнал по небу запоздалые одинокие тучи, напоминавшие цветом грязно-желтые глыбы весеннего льда на вскрывшейся реке. Скоро небо совсем очистилось.

Мы вышли на равнину. Ярко светило солнце, и под его лучами снег искрился и сверкал тысячью разноцветных огоньков, отчего глазам становилось больно. Люди жмурились и старались не смотреть на снег.

Вдали, на горизонте, высились в сизой дымке громады гор, похожие на причудливой формы облака. Покрытые выбеленной снежными метелями чашей, они ма-

нили к себе человека. Хотелось легкой птицей улететь туда, взвиться на вершину самой высокой горы и оттуда охватить от края до края безбрежную тайгу, увидеть все скрытое от наших глаз.

Отряд держал себя особенно осторожно и тихо. Конный эскадрон тщательно прощупывал тайгу, заглядывал на горки, спускался к речушкам и ничего подозрительного пока не обнаруживал. В этот день мы торопились. Хотели засветло добраться к месту ночлега. Сделали привал только на тридцать минут, хлебнули по кружке пахнувшего дымом кипятка и выступили дальше.

Все чаще и чаще стали попадаться аласы со стогами сена. Завидя их, наши голодные лошади и быки то и дело пытались свернуть с дороги, чем доставляли немало хлопот повозочным красноармейцам.

Чувствовалась близость человеческого жилья. До Амги оставалось не более двадцати пяти верст. А до места нашего ночлега — всего семь верст.

Для ночевки и исходного положения мы избрали Сасыл-сысы (Лисья поляна), где было пять юрт. Прежде никто из нас там не был, со слов же нашего проводника мы не могли достаточно ясно представить себе тактические особенности этого пункта. Правда, можно было пройти еще шесть верст и остановиться в абагинской школе. Школа и все три дома Абаги стояли на открытом месте, и подходы к ним хорошо просматривались. Там местность благоприятствовала для обороны. Но, для того чтобы попасть туда, требовалось еще время, а люди были очень изнурены. Нужен был отдых, чтобы восстановить боеспособность, дорог был каждый час.

БОЙ С ОТРЯДОМ ВИШНЕВСКОГО

Роводник отряда предупредил, что скоро будет еще один последний и большой, версты на три, алас. Но не успели мы приблизиться к нему, как видим: к нам скачет всадник. Это был связной от двигавшегося впереди конного эскадрона. Командир эскадрона Иванишко сообщил, что в версте от них, у большого дерева, на дороге остановилась направляющаяся в нашу сторону группа конных человек в тридцать. Эскадрон спешился и рассыпался в цепь на опушке.

Остановив отряд, я выехал к эскадрону. Не доезжая ста шагов, слез с коня и пробрался в цепь. Оттуда было хорошо видно неизвестных конников, хотя разобрать, кто они, даже в бинокль не удалось. Но мы не сомневались, что это белые.

Стали ждать в надежде, что они поедут дальше и попадут к нам в ловушку. Вскоре они действительно сели на коней и небольшой рысцей стали приближаться к нам. Им осталось уже проехать шагов триста, когда вдруг, совсем неожиданно для нас, белые повернули коней и быстро погнались прочь.

Догнать их на наших тощих лошадях нечего было и думать. Я приказал открыть огонь. Белые еще прибавили ходу. Враг ускользал, расстояние между ним и нами все увеличивалось. Становилось досадно, что белые могут уйти безнаказанно.

Тогда человек десять бойцов быстро сомкнулись и, стоя, стали бить залпами.

Все-таки пуля нашла свою цель. Один из всадников на полном скаку вместе с лошадью грохнулся на землю. Эскадрон мигом сел на лошадей и, ведя непрерывный огонь, поскакал туда. Скоро привели унтер-офицера. Под ним убило коня, а самого только оглушило при падении.

Пленный оказался разговорчивым и сообщил нам много интересного. Пепеляев, оказывается, еще находился в Амге, но через несколько дней намеревался выступить на Якутск. А вчера вечером от Артемьева приехал нарочный и сообщил о движении Петропавловского гарнизона на Амгу. После этого Пепеляев отменил свой приказ о походе на Якутск и выслал разведку на встречу красному отряду.

Генерал Вишнеvский тоже собирался выступить, но куда и какими силами — пленный не знал.

Чурапча была в руках красных. Туда должен подойти из Охотска генерал Ракитин. Туда же Пепеляев отправил полковника Варгасова с небольшим отрядом якутов. Что делается в самом Якутске, точно неизвестно, есть только слухи, что город укрепляют.

Всего в Амге насчитывается семьсот человек дружины с шестью тяжелыми и двумя легкими пулеметами. Кроме того, там имеется около ста якутов. Артемьев также идет на Амгу.

Получив эти сведения, мы не сомневались, что выступит против нас генерал Вишнеvский. Во всяком случае, узнав, что Пепеляев еще в Амге и что наш приход помешал выступлению белых на Якутск, отряд почувствовал огромное удовлетворение. О близкой опасности никто не думал, не угнетало бойцов и превосходство сил противника. Каждый понимал, что теперь, находясь у цели похода, он должен беззаветно отдаться тяжелой борьбе.

День подходил к концу, надвигались сумерки. Поскольку мы уже оставили глухую старую дорогу и вышли на Амгинский тракт, встречи с Вишнеvским можно было ожидать в любую минуту. Надо было обезопасить себя. Первый эскадрон двинулся правой стороной аласа,

и, только когда он занял опушку леса по ту сторону равнины, тронулся весь отряд. Люди торопливо шагали по открытому месту и через полчаса втянулись в густой лес.

К тому времени совсем стемнело. А нам еще предстояло перевалить через большую гору. С версту дорога здесь шла на подъем и столько же на спуск. Это место было особенно удобно для нападения, так как, взбираясь на гору и спускаясь с нее, люди обычно всегда растягиваются больше обыкновенного, а обоз отстает и разрывается.

Пришлось две роты и два эскадрона рассыпать цепью по обеим сторонам дороги до самой вершины горы. Первый эскадрон вел разведку, и одна рота с двумя пулеметами осталась при обозе. Лошади часто останавливались и только с помощью людей одолели гору. При спуске с горы сделали то же самое.

Противника, к счастью, не оказалось. Дальше двигались также с большой осторожностью. Уже послышался лай собак. И вот, наконец, мы подошли к юртам, из труб которых роем золотых пчел летели веселые искры. При одной мысли о тепле на душе стало легко и радостно.

Изголодавшиеся быки и лошади, завидя в стороне от дороги стога сена, несмотря на глубокий снег, вскачь понеслись к корму, опрокидывая и ломая на ходу сани.

— Стой, стой, проклятая скотина, в господа бога мать! Застрелю стерву! — кричали тоже голодные и озлобленные красноармейцы, бросаясь вдогонку за ними.

Шум и гам стоял необыкновенный. Каждый торопился скорее попасть в теплую, манящую к себе юрту. После пяти дней тяжелых переходов дьявольски уставшие, но бодрые духом в десять часов вечера 12 февраля мы достигли цели. Пепеляев находился в восемнадцати верстах от нас.

Дмитриев с батальоном, пулеметной командой, с тремя тяжелыми пулеметами, одним «льюисом» и шестью автоматами Шоша расположился в четырех юртах, там же разместился обоз. Я с отрядом в восемьдесят два человека, с двумя пулеметами Кольта и двумя автоматами Шоша занял юрту шагах в трехстах от батальона. Пока отряд размещался, сторожевое охранение нес первый эскадрон.

Я вызвал к себе Дмитриева, командиров рот и командира пулеметной команды. Когда собрались, напомнил о серьезности положения и потребовал, чтобы все были готовы к ночному бою. Конечно, для нас было бы большим счастьем, если бы белые стали наступать только утром.

Дмитриеву я приказал наметить ротам боевые участки, а по тревоге занять одной полуротой с пулеметом Льюиса и двумя автоматами березняк, росший у дороги, на полпути между отрядом и батальоном. Этот березняк, хотя он и не мешал нашей зрительной связи, в случае, если бы его занял наступающий противник, давал ему возможность бить в тыл и фланг как мне, так и Дмитриеву. Удержание этого небольшого кусочка мелкого леса имело для нас большое тактическое значение.

В караулы приказал назначить красноармейцев не в порядке очереди, а выбрать наиболее сильных и бодрых, иначе люди в караулах могли уснуть. У каждой юрты потребовал выставить часовых от пулеметной команды. После такой дороги сон у бойцов будет крепким и в юртах могут не услышать сразу стрельбы в караулах, а значит, и не сумеют вовремя занять позиции.

Дмитриеву предстояло не только наметить ротам боевые участки, но и хотя бы один раз рассыпать бойцов в цепь, чтобы каждый знал свое место в бою. Полурота была выделена в резерв.

Дмитриев с командирами ушел к себе в батальон, а я с командирами эскадронов и начальниками пулеметов приступил к осмотру местности. Мой участок для временной обороны, вернее для первого боя, был удивительным. С юго-востока тянулась покрытая лесом гора, и до ее подошвы было шагов двести. С севера место было открытое до самых юрт, занятых батальоном. Здесь укрытие представляли только два отдельных амбара, расположенные шагах в полутораста. С запада шагов на тысячу тянулось озеро.

Разбив участки для первого и второго эскадронов, тут же рассыпали людей в цепь и поставили пулеметы. Третий эскадрон Адамского был оставлен в резерве, и от него выставили караулы.

После этого все вернулись обратно в юрту. Хозяин юрты А. Карманов встретил нас радушно. Пока мы за-

нимались делами, он уже сварил целый котел мяса, отдал нам весь свой запас лепешек. Когда выяснилось, что лепешек все же не хватило, хозяйка со старухой матерью и двенадцатилетней дочерью быстро замесили пресное тесто из ячменной муки и напекли свежих лепешек.

На столе сменилось несколько больших, ведерных самоваров, опустел и котел мяса пуда в полтора, пока красноармейцы наконец насытились. Отяжелели желудки, отяжелели головы, захотелось спать. И немудрено — было уже два часа ночи. Расположились прямо на полу, вповалку, зажав в руках винтовки, поставив у самых дверей пулеметы.

Я примостился в углу на лавке. Вся семья гостеприимного якута с детишками расположилась рядом в хотоне — пристройке для скота.

Получив от Артемьева донесение о том, что петропавловский гарнизон прорвался и движется к Амге, Пепеляев решил ликвидировать наш отряд, устроив засаду. Для этого он выдвинул навстречу нам батальон и офицерскую роту, всего 230 человек, под командой Вишневского.

К моменту нашего подхода к Сасыл-сысы Вишневский скрытно стоял в тайге, в двух верстах от нас. Он слышал ржание коней, скрип саней и ругань красноармейцев, но наступление решил отложить до рассвета, рассчитывая захватить нас сонных врасплох.

Приближается утро. Крепко спит утомленный отряд. Спят и караулы в расположении батальона Дмитриева, никто их не проверяет.

Тяжело стоять на ногах, и сон одолевает часовых. Сначала они боролись с ним, протирали глаза снегом. Потом решили присесть «на минутку», дать отдых усталым ногам. Но стоило опуститься на землю, зажать винтовку между колен, привалиться к дереву, и коварный сон закрыл глаза усталому стражу.

Не доходя одной версты до нашего расположения, Вишневский развернул батальон и офицерскую роту в цепь и повел наступление. Тихо крадется тайгой разведка белых. Без всякого шума и единого выстрела снимает она спящих часовых на участке нашего батальона.

Выходит на опушку леса и рассматривает расположение батальона, до которого не дальше ста пятидесяти шагов.

Начальник разведки белых донес Вишневному:

«Снял три поста парных часовых. Красные расположились в четырех юртах. Из труб идет слабый дым, видимому спят. Весь обоз находится тут же у юрт, в загонах, лошади и быки выпряжены. Жду вашего распоряжения».

Получив такое донесение, Вишневецкий приказал своим цепям быстро двинуться вперед, окружить юрты, бойцов взять в плен. Через десять минут человек сто белых подошли к юртам. Часть из них осталась на дворе и стала рассматривать груз в нашем обозе. Группы человек по десять зашли в юрты. Там они вначале подбросили дров в камелек и только потом принялись будить своих пленников.

Зашевелились красные бойцы, проснулись командиры и с удивлением стали протирать глаза:

— Что за чертовщина! Что за люди? Э-э, да у них погоны!

Хватились было за винтовки, но было поздно.

— Бросить оружие, не шевелиться! Вы окружены, и всякое сопротивление бесполезно! Вам ничего плохого мы не сделаем. Хорошо, что все кончилось без кровопролития. Давайте закурим, у нас табачок харбинский, первосортный. Хотите?

Заскрипела дверь, вместе с клубами ворвавшегося холодного воздуха в юрту зашел полковник. Разговоры смолкли. Окинув беглым взглядом внутренность юрты и на несколько секунд задержавшись на пленных, полковник обратился к своим подчиненным:

— Братья!¹ Справа началась стрельба. Человека четыре останьтесь здесь, а остальные выходите во двор.

¹ В начале формирования дружины в Харбине и Владивостоке Пепеляев предполагал отменить погоны. Он думал этим достигнуть видимости демократизма и отличия от старой армии. В массе своей офицерство было против этого новшества. Пепеляеву пришлось примириться с погонями.

Перед занятием Амги Пепеляев попробовал «демократизировать» свою дружину с другого конца. Он издал длиннейший приказ, в котором склонял во всех падежах слово «народ» приказал именовать друг друга «братьями», не забывая, однако, чинов (Прим. авт.).

— Что за страхи, брат полковник! Там всего одна юрта. Наверно, коммунисты отдельно расположились — они вообще не любят без боя сдаваться. Их там, наверное, немного. Думаю, брат Вишневский справится и без нас: ведь у него сил больше половины и офицерская рота с ним, — уверенно высказал свое мнение усатый поручик.

— Пожалуй, вы правы, брат поручик. Но все-таки пошлите человек трех для связи к генералу.

— Слушаюсь, брат полковник. — Три человека оставили юрту.

Дмитриев помещался в самой маленькой юрте, спал у дверей. Войдя в юрту, белые прошли прямо к камельку, оставив выход свободным.

Дмитриев, услышав стрельбу, проснулся, вышел на улицу. Увидев слоняющихся около обоза людей и решив, что это красноармейцы, закипятился, осерчал и громко скомандовал:

— А ну-ка в цепь, мать вашу растак...

Белые стали рассыпаться. Но тут к Дмитриеву подбегаёт офицер, секунду-другую всматривается, потом:

— А вы кто такой? Руки вверх!

Увидев погоны, Дмитриев только теперь понял, что это враги. Прыжок, другой — и он нырнул в туман. Вдогонку прозвучали один за другим два выстрела.

Адъютант батальона, Федор Янушковский, еще не разобравшись, в чем дело, тоже хотел выйти из юрты и уже перешагнул было порог, как на него налетел офицер:

— Назад! — заорал он. Удар наганом по голове свалил адъютанта обратно в юрту.

— Вот сволочи коммунисты, все еще не сдаются! Все равно заберем или перебьем голубчиков, деваться им некуда, — злился и нервничал полковник.

— Слышите «ура»? Наши атакуют. Сейчас все будет кончено. А все-таки здорово дерутся, сукины дети!

Стихло. Потом опять донеслись крики «ура».

В юрту вбежал запыхавшийся белый:

— Вишневский отступает! Занимайте опушку.

Напуганный таким известием, полковник первым выскочил из юрты, за ним бросились остальные. Бродившие среди обоза пепеляевцы также пустились к лесу.

Начальник пулеметной команды батальона Зорей Хаснутдинов, выбив из окна льдины, заменявшие стекла, выставил пулемет и открыл огонь по бегущим пепелявцам. Пришедшие в себя бойцы батальона стали выбегать из юрт и рассыпаться в цепь. Белые с опушки открыли губительный огонь. Падали наступленные пулями люди.

Красноармейцы батальона поплатились за свою расхлябанность и беспечность. В отряде же бдительность была выше. Часовые в караулах и у юрты бодрствовали. У толстой мохнатой сосны, опираясь на винтовки, стоят часовой с подчаском. Они всматриваются вперед. Чутким, настороженным ухом ловят ночные шорохи. Бойцы устали не меньше часовых батальона, но не садятся отдыхать.

— Скоро ли смена придет? Ноги начинают мерзнуть, — шепчет красноармеец Лисицын. Хохлов в ответ только пожимает плечами.

Все тихо. Но вот рядом, словно испуганно, треснул сучок валежника. Так он трещит только под ногой человека. Морозную тишину взорвал голос часового:

— Стой! Кто идет?

Белые, поняв, что они обнаружены, пошли напролом. Часовые вскинули винтовки. Сухо, как сломанное дерево, треснули первые выстрелы.

Теперь темные фигуры врага спешили вперед, продираясь сквозь таежные заросли, оставляя глубокие борозды на снежном пласту. Часовые стояли на месте и стреляли, предупреждая своих об опасности.

Но вот винтовка Лисицына замолчала. Он выронил ее, ткнулся лицом в густо посыпанный желтой хвоей снег. Хохлов был жив, но получил два ранения. С простреленными ногой и плечом, он, прихрамывая, бегом спускался с горы, изредка отстреливаясь.

Часовой во дворе, как только услышал начавшуюся перестрелку, открыл дверь юрты и закричал:

— Вставай! В карауле стрельба!

Я вскочил со скамьи, командовал:

— Эскадроны, в ружье! Занимай позицию! Пулеметчикам — прикрыть развертывание!

Ни паники, ни даже замешательства в отряде не было. К этому бою все были подготовлены логическим ходом событий. Несмотря на то что отдых был недоста-

точный, люди действовали энергично. Не прошло и минуты, как во дворе уже застучал пулемет, скоро к нему присоединился другой. Залязгали затворы винтовок, посыпались ружейные выстрелы.

Первый и второй эскадроны рассыпались в цепь. Третий эскадрон, Иннокентия Адамского, остался в резерве и залег за юртой и хотоном. Бой разгорался.

Белые настойчиво лезут вперед. Они не далее как в ста пятидесяти шагах и кричат нам:

— Славайтесь! Бросайте оружие! Все равно вам труба будет!

Потом в воздухе загремело «ура» — сильное уверенное. Пепеляевцы кинулись в атаку. Четко работали оба наших «кольта», сердито и как бы нехотя вторили им автоматы Шоша попеременно с винтовочными залпами.

Цепи противника, увязая в снегу, оставляя на месте убитых и раненых, надвигались неудержимо. Расстояние до них все сокращалось и сокращалось.

— Вот грибы соленые, как лезут! — не утерпев, выругался лежавший недалеко от меня командир эскадрона Тупицын. Он перезарядил винтовку, раз-другой выстрелил, скользнул быстрым взглядом по цепи своего эскадрона.

— Эй, товарищи! Отступить нам некуда! Бейся до последнего.

— Не победим! — ответили ему голоса.

Пепеляевцы залегли перевести дух. Теперь до них не больше ста шагов. Опушка выбросила еще человек тридцать белых.

У нас идет горячий бой. А у Дмитриева тихо. Не понимаю, в чем дело. Туман мешает видеть на таком расстоянии.

— Адамский, двух человек для связи — в батальон! Какого черта они там молчат?

Минут через пять посланные вернулись:

— В юртах белые.

Я остолбенел — не верю.

— Что-о? Вы там не были, трусили — застрелю! — наставил карабин в грудь одного.

— Товарищ командир! Не добежали ста шагов, встретили троих... Думали, свои, смотрим — в погонах. Двух убили, третий убежал обратно. В обозе хозяйничают белые, наших не видно.

— Ладно, выясню, а об этом никому ни слова — паника будет.

От этой вести на сердце у меня похолодело. Значит, батальон влип, а выручить его нечем. Осталось одно. Ребята боевые, опытные партизаны, воевать умеют. Драться надо так, чтобы уничтожить больше врагов и оттянуть их поход на Якутск, умереть, но не сдаваться.

Подбежал фельдшер Костя Токарев:

— Товарищ командир, нас обходят слева!

— Проклятье!.. — посмотрел, куда он показывает, вижу: человек двадцать пепеляевцев устремились к березняку, а оттуда хоть бы один выстрел. Значит, не занят он нашей полуротой.

— Кеша, видишь березнячок?

— Вижу, — отвечает Адамский.

— Не дай его белякам занять, иначе погибли! Дуй туда с эскадром, удержи за собой.

— Ладно, не подкачаю... Эскадрон, встать, за мной ма-арш!

Под огнем противника, потеряв одного убитым и двух ранеными, эскадрон Адамского первым достиг березняка и ударом в штыки опрокинул приблизившихся белых, заставив их отойти к амбарам.

Я остался без резерва. А пепеляевцы лезут напористо, до них осталось теперь шагов восемьдесят. В нашей цепи есть уже убитые. Раненые, сдерживая стоны, оставая на снегу кровавый след, ползут в юрту, куда убрался с простреленным плечом и Тупицын.

В нескольких шагах за нашей цепью валяются убитые быки и кони. Одна лошадь, волоча перебитую заднюю ногу, дрожа всем телом, храпит, сверкает белками полных страха глаз, ковыляет, путается между опрокинутыми санями и трупами животных. Остальные наши лошади и быки, оборвав поводья, бешеным галопом несутся через озеро на запад. Некоторые из них, настигнутые шальной певучей пулей, черным бугром падают на ледяную грудь озера. Пытаются встать, беспомощно дрыгают ногами, бьются головой, зарываются в глубокий снег и, обессиленные или мертвые, затихают.

Стрельба все учащается. Белые уже рядом, всего лишь в сорока шагах от нас. Хорошо видны их потные, разгоряченные боем лица. Как назло, у одного «кольта» поломка, у другого задержка — перекося патрона.

Начальник пулемета Петров нервничает и никак не может выправить ленту. Со злости он вцепился зубами в перекосившийся патрон, а на глазах слезы ярости. Сломал себе зуб, губы в крови.

— У-у, мать твою!...

— Шура, не волнуйся, будь хладнокровней! — говорю я ему. — Этим делу не поможешь. Не волнуйся, успеешь. На двадцать шагов подойдут — легче бить будет.

Карачаров только что перезарядил свой автомат Шоша новым диском, поднял приклад к плечу, но открыть огонь не успел... Разрывная пуля разворотила ему голову, и он, обхватив обеими руками свой автомат, упал на него. Снег, как губка, впитывал льющуюся из страшной раны горячую, дымящуюся кровь...

Наше положение стало критическим. Фельдшер Токарев вырвал из-под Карачарова автомат и, стоя, в упор выпустил во врага все патроны. Я бросился к цепи, скомандовал:

— Встать! За мной, в атаку!..

Закончить команду не смог. Вражеская пуля угодила мне в грудь. Я все видел и понимал, но сразу лишился голоса и точно прирос к земле — мои ноги мне больше не повиновались.

А пепеляевцы подходили все ближе и ближе. До них осталось каких-нибудь двадцать пять — тридцать шагов. Цепь наших красноармейцев со штыками наперевес стояла на месте, может быть, ждала, когда я поведу в атаку. Тогда я вскинул карабин и выстрелил... Эскадроны, как по команде, открыли огонь.

В цепи рядом со мной стоял Кайгородцев. Он взглянул на меня:

— Ты что бледный?

— Ранен. Не говори остальным. Передавай мою команду: «Ложись! Частый огонь, бросай гранаты!»

Кайгородцев стал передавать мои распоряжения.

Сильнее с обеих сторон заговорили винтовки. Глухо хлопали разрывы наших ручных гранат. Они раскидывали снег, и вместе с плевками черного дыма и грязно-желтого огня разбрасывали осколки, издавая звук, похожий на звон разбитого оконного стекла.

Белые тоже забросали нас японскими гранатами, но те не разрывались. Одному нашему бойцу такая гра-

ната угодила в голову. Он отделался громадной шишкой, покрутил головой, от души выругался. Потом даже улыбнулся:

— Однако хорошо. Японцы держат нейтралитет, — и бросил гранату обратно.

Петров к тому времени устранил задержку у «кольта» и в упор бил по белым.

И цепи пепеляевцев дрогнули, не выдержали. Вначале медленно стали пятиться назад, а потом в беспорядке побежали к опушке. Все три наших эскадрона с криком «ура» бросились вперед.

— Стой, куда торопитесь? Успеете к теще на блины!.. — в азарте кричали бойцы.

Первый эскадрон продолжал преследование. Пепеляевцы не оказывали сопротивления и поспешно уходили в тайгу. Второй и третий эскадроны переменяли направление атаки и ударили в левый фланг белым, обстреливавшим батальон. Те также стали отступать. Отряд и одна рота из батальона преследовали противника больше версты, после чего стали возвращаться к своим юртам.

Я пришел раньше и, зайдя в юрту, потерял сознание. Когда пришел в себя, то уже лежал на той самой скамье, на которой провел ночь перед боем.

В сегодняшнем бою эскадроны потеряли одиннадцать человек убитыми и пятнадцать ранеными. Потери батальона составили тридцать человек убитыми и семнадцать ранеными.

Противник на месте боя оставил сорок девять человек убитыми, из них больше двадцати офицеров, и двух ранеными. Позднее, захватив донесение генерала Вишневого Пепеляеву, мы узнали, что потери белых составили сто десять человек.

Такой неожиданный исход боя заставил Вишневого отказаться от повторной атаки и временно отойти по амгинской дороге к селению Табалах (Олений луг). Преследовать его, чтобы окончательно разгромить, мы не могли из-за усталости бойцов и из-за значительных потерь командного состава. Кроме меня, из строя были два командира эскадрона, два командира роты и несколько командиров взвода. Дмитриев появился только после боя. Понятно, что он не мог пользоваться необходимым в такой момент авторитетом.

Отряд остался на старом месте. Выставили караулы, потом начали стаскивать во двор всех убитых, как своих, так и пепеляевцев.

Над тайгой еще плавал разорванными клочьями туман. Из-за горы выглянуло солнце и озарило снежные вершины дальних гор. Потянуло свежим ветерком, холод забирался под шинели и полушубки часовых, заставляя красноармейцев ежиться и похлопывать руками. В юртах загорелись потухшие было камельки, из труб снова повалил густой дым. По-прежнему была невозмутима величавая тайга, и, если бы не трупы людей и животных во дворе, не кровь на снегу да стоны раненых, можно было подумать, что ничего и не произошло.

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ИСПОВЕДИ

озвращаясь после преследования белых, первый эскадрон пробирался через кусты и наткнулся на неподвижное тело полковника. Вначале думали, что он мертв. Подошли поближе, присмотрелись — дышит. Оказывается, полковник ранен и лежит без чувств. Забрали с собой, принесли в юрту и положили в угол на сено. Через несколько минут освободившийся санитар попросил красноармейцев поднести раненого поближе к огню. Сняли доху, расстегнули френч — рубаха вся в крови. Фельдшер осмотрел и безнадежно махнул рукой:

— Полчаса не проживет.

Действительно, ранение было тяжелое: двумя пулями в грудь навывлет.

— Давай все же сделаем перевязку, — предложил подошедший фельдшер Куприянов.

Проворные руки достали из санитарной сумки бинт, марлю, раствор марганцовки, обмыли раны и быстро наложили на всю грудь широкую повязку.

Полковник не двигался, он только изредка вздрагивал. Сквозь крепко сжатые челюсти иногда прорывался стон, похожий на мычание, да слышно было, как в простреленной груди при глубоком вздохе kloкотало, словно что-то переливалось. Повязка быстро промокла.

— Отходит, — сказал фельдшер и отвернулся.

В это время в юрту вошел вооруженный винтовкой

пепелявец. Увидев его, красноармейцы кинулись к выходу, думая, что юрту окружили белые.

Вошедший же с недоумением осмотрелся вокруг.

— Вот-те раз! А я думал, здесь наши... — будто оправдываясь, проговорил он. — В разведке был, оторвался от своих и во время боя в лесу плутал. Слышал, «ура» кричали, стрельба была, я и подался сюда. Вот поди ж ты, оказия какая. Сам черт тут не разберет, ежели русские с русскими воюют. Были бы японцы или американцы, тогда другое дело, а тут и язык один, и матерятся одинаково.

Пока продолжался этот необыкновенный монолог, полковник с усилием открыл глаза. Мутным, немигающим взглядом стал смотреть в потрескивающий камелек. Потом медленно перевел взгляд на пепелявца и неожиданно для нас заговорил слабым голосом:

— Как наши дела, брат Юрецкий? Потери у нас большие? Ты тоже ранен?

— Нет, брат полковник, цел я остался, но мы оба в плену у красных.

— Ка-ак в плену? — полковник рванулся, силясь встать, но, обессиленный, упал.

— Да, в плену. Наши отступили. В Амгу, наверное, ушли, — равнодушно пояснил солдат.

Полковник снова завозился на полу и, приподнявшись на локтях, со злостью плюнул на уголья в камельке. Слюна зашипела и испарилась.

— Вот, Юрецкий, видел? Весь наш поход, как один плевок, и закончится он так же бесславно. Теперь мне это ясно. А раньше? Где были мои глаза? Кому я поверил? Продажные агитаторы, «народные представители», «...восстала вся область», «...красные войска небоеспособны, они сразу сдадутся, а там вся Сибирь наша, на Москву пойдём...». Вот тебе и Москва — валяйся, как скот в вонючем хлеву. Отступили, а дальше что...

Кровь хлынула изо рта раненого, лицо стало мертвенно бледным, еще больше расширились зрачки глаз. Он захрипел и вытянулся на полу. Тяжело поднималась и опускалась грудь. Коротко подстриженные черные усы резко оттеняли бескровное, с энергичным подбородком лицо. Лет тридцати, хорошо сложенный, видимо отличный спортсмен, умирающий произвел на присутствующих сильное впечатление.

Вдруг, как бы вспомнив что-то очень важное, он с трудом приподнялся на локтях, но, не в силах удержаться, припал на одну руку, другую поднял, как бы прося слова, и крикнул:

— Довоевался, простофиля! — И обмяк, упал, на этот раз уже мертвый, на забрызганное кровью сено.

Не успели вынести во двор мертвого полковника, как следом отнесли двух скончавшихся от ран красноармейцев. Вид своих мертвых товарищей заставил остальных раненых на минуту задержать стоны. Они молча проводили глазами тех, кого уже коснулась смерть.

Кто-то завозился в дальнем углу юрты. Это молодая якутка проворно достала с полки пустую кружку, зачерпнула воды, подошла к раненому, нагнулась и с трогательной заботливостью протянула ему. Тот отрицательно замотал головой, чем удивил и даже сконфузил женщину.

Оказалось, что произошла ошибка. По-якутски вода называется «уу». Вот женщина и приняла стон раненого за просьбу.

Хорошо, что красноармеец из Петропавловского умел говорить по-якутски и объяснил ей, что боец стонет от боли, а не просит пить.

Скрипнув, открылась дверь в юрту. За облаком ворвавшегося морозного воздуха сразу нельзя было разглядеть вошедшего, который молча подошел к камельку и тогда только заговорил:

— Замерз я, дайте погреться!

Ему уступили место. Вошедший, огромного роста и могучего телосложения, одет был в широкие шаровары и френч из серого шинельного сукна. Ни дохи, ни полушубка на нем не было. По погонам на френче не трудно было определить, что это фельдфебель.

— Братцы, перевяжите! Я под пулемет угодил... Вначале отступал со своими, а потом вернулся — вижу, не дойти мне... Перед смертью захотелось все вам высказать, о чем душа наболела, — промолвил богатырь, и на скулах у него заходили желваки.

В камелек подложили несколько поленьев. Жадными языками забегало по ним пламя, наполнив комнату теплом и мерцающим светом. Фельдфебель пересел на скамью, она под ним затрещала. Два фельдшера при:

ступили к перевязке. Когда сняли с раненого рубаху, то обнажилась вся залитая кровью, в нескольких местах пробитая пулями, широкая, мощная грудь и сильные, перевитые канатами мускулов руки.

А фельдфебель продолжал предсмертную исповедь:

— Сам я рабочий с Ижевского завода. У меня жена, двое детей. Жил я при заводе, имел свой домик и маленькое хозяйство — огород, корову, несколько свиней. Жил ничего.

Пришла революция — одна, потом вторая. Советская власть продолжалась у нас недолго. Не успел я и разобрататься-то в ней как следует. Потом заявили белые, стали чернить большевиков. Все, говорят, у тебя отберут, нельзя будет никому и ничего своего иметь, все должно быть общим. Жена и то не твоя.

— Э-эх! Дайте закурить, братцы.

Фельдфебель перевел дух, глубоко затянулся махорочной сигаркой, закашлялся и вместе с дымом выплюнул сгусток крови.

— Поверил, пошел с белыми. Дошли до Волги, потом пришлось отступить. Я тогда еще не ясно, но почувствовал, что тут что-то не так: почему большевики сильнее нас оказались, хотя нам помогали и японцы, и американцы, и кто хочешь? Если бы они плохие были, их бы народ не поддержал. А без народа разве они удержались бы!

Хотел дома остаться, да побоялся — уж очень много страшного про красных говорили, особенно в газетах писали. Так и ушел в Маньчжурию, потом в Харбин попал, долго безработным был, голодал, о семье беспокоился. Наконец кое-как поступил работать на электрическую станцию.

Однажды, идя по улице, встретил капитана, мы с ним в одной роте служили. Он меня и смутил. «По всей Сибири, говорит, восстания против коммунистов идут. Пепеляев в поход собирается, бросай работать, записывайся к нему в дружину. Теперь на нашей улице будет праздник, освободим родину от большевиков и свои семьи увидим, если их не перерезали красные черти».

Ничего я ему сразу не ответил. Записал он мой адрес, и мы расстались. Два дня точно пьяный был. На работу не вышел, спать не мог, от еды отбило, все об одном думал: о семье и о России. Сильно хотелось уви-

доть, как там живут. В то же время душу сомнение гложет. А что если ничего этого нет и они просто банду организуют для набега на советскую территорию, чтобы пограбить? Слухи были, что уже не один раз они это делали. Жить не на что, а жрать надо. Ворвутся, сожгут целые деревни, перебьют кого, захватят большевиков и тех, кто у них работает, и обратно за границу. Думаю, думаю и не знаю, на что решиться, а расспросить, посоветоваться не с кем.

На третий день зашел капитан ко мне на квартиру. — Ну, что, спрашивает, едем? Завтра Харбин оставляем, штаб во Владивосток перебрасывается.

Я согласился. И вот попал в Якутию. Сам в капкан залез.

Мы видели, как силы покидали фельдфебеля. Он закачался и чуть не упал со скамьи. Его уложили недалеко от камелька на пол. Минут пять пролежал спокойно, потом вдруг сел, засунул руки под бинты. Почти без усилия, словно нитку, порвал их, швырнул наземь.

— Не надо. Все равно умираю... Смерти не страшно, а тяжело, что раньше не примирился с Советской властью. Верил газетам и генералам... Сволочи, опутали кругом! Простите меня, товарищи! Не там и не за то я умираю, как полагалось умереть.

Фельдфебель упал наземь, потерял сознание и вскоре умер.

Хозяин юрты, боясь возвращения белых и нового боя, торопился поскорее уехать. Он вышел во двор запрягать быков. Хозяйка в первую очередь ухватилась за ребятишек. Она укутала их в грязные, с порванной покрывкой заячьи одеяла, посадила каждого малыша в большую кожаную суму, которую ловко зашнуровала мягким тонким ремешком из лосиной кожи. Из сумы выглядывала только одна детская головка.

Старуха мать, низко опустив седую, с растрепанными волосами голову, грелась у камелька. Она часто вздыхала, охала и что-то бормотала на своем родном языке.

Скоро возвратился в юрту хозяин. В этот момент в одном из наших караулов произошел случайный выстрел. Хозяин еще больше перепугался, заметался, забегал по юрте, стал впопыхах собирать свой немудреный скарб. Все полетело в общую кучу: подушки, торбаза, горшки, рыболовная сеть, берестяные туеса, раз-

личные шкуры. Пух и пыль густо висели в воздухе. Бедняга отец семейства до того запарился, что на просьбу жены увязать последнего ребенка схватил стоявший рядом с люлькой самовар и стал засовывать в предназначенную для ребенка суму.

Грустно и тяжело было видеть, как торопились жители покинуть свой насиженный угол и бросали на произвол судьбы свое маленькое с огромным трудом сколоченное хозяйство.

Авантюрист Пепеляев никого не щадил, и население бежало от него, как от чумы.

В юрте плакали дети, стонали раненые, а на дворе мычал скот, ржали уцелевшие после боя лошади, доносился говор красноармейцев и тяжелый топот их ног по твердой, как кость, земле. Среди всех этих звуков выделялся нудный и протяжный вой обеспокоенных собак.

Закончив сборы, якут медленно в последний раз осмотрел голые стены юрты, заглянул в камелек, попрощавшись с домашним очагом, а затем, сняв шапку, обратился к нам:

— Прощайте, товарищи! Желая вам устоять, не поддаваться белым, иметь мало раненых и ни одного убитого, разбить генерала и вернуть скорее мне мою юрту и мирную жизнь всему нашему краю. Если бы не семья, остался бы с вами — стреляю хорошо, да сами видите, один работник на семь человек. Самовар вам оставлю — мы обойдемся, а вам он нужен. Прощайте! — Он махнул рукой, торопливо надел на голову старую, вытертую жеребковую шапку и вышел во двор, где его ожидала готовая в дорогу семья.

Нам было ясно, что отряду предстоит новый бой и к нему нужно спешно готовиться. Следовало принять меры к длительной обороне нашей стоянки. Непосредственного участия в подготовительных мероприятиях сам я, к сожалению, принять не мог. Мое ранение оказалось довольно серьезным, пуля застряла в правом легком, я харкал кровью и не мог ходить.

Оставлять батальон на старом месте было нецелесообразно, следовало объединить все наши силы в один кулак. Поэтому батальон оставил занимаемые им юрты и

перешел в нашу. Отряд был сведен в одну роту и в один эскадрон.

Общее руководство по устройству окопов возложили на Адамского. Красноармейцы таскали во двор балбахи¹, завозили сено, дрова.

Окопы — вернее, это были не окопы, отрытые в земле, а укрытия над землей — делали кольцевыми вокруг двора, размеры которого составляли шагов сто в длину и тридцать — сорок в ширину.

Балбахи ставили по четыре — пять штук в ряд, снаружи засыпали снегом и поливали водой. Мороз быстро цементировал наши сооружения. Для пулеметов устраивали специальные бойницы — основные и запасные на случай переброски на угрожаемое направление.

Глядя на вырастающие укрытия, красноармейцы чувствовали себя бодрее и увереннее. К вечеру оборона была готова. Было готово и донесение Байкалову.

Послать нашего нарочного днем мы воздержались. Только с наступлением темноты красноармеец Константинов — якут, хорошо знавший дорогу, — выехал в Якутск. На пакете помечено: «аллюр», но — увы! — лошадь под нашим гонцом явно не могла развить требуемой скорости. Больше того, мы опасались, что нашему нарочному вообще придется идти пешком. Если же он не сможет сделать в первую ночь семьдесят-восемьдесят верст, то его наверняка нагонят. К сожалению, как потом выяснилось, так оно и случилось. Проехав верст двадцать, Константинов вынужден был бросить своего коня и пойти пешком. Белые, конечно, его нагнали и взяли в плен.

Весь день и вся ночь прошли спокойно, пепеляевцы ничем о себе не напоминали. Высланная нами разведка прошла верст пять, никого не обнаружила и вернулась ни с чем. Углубляться дальше было рискованно, ее могли отрезать и захватить.

Между тем, получив тревожные известия от Вишневого, Пепеляев с остальными силами дружины поспешил к месту боя. Он намеревался в кратчайший срок разделаться с нашим отрядом, чтобы получить возмож-

¹ Балбаха — замороженный большими плитками навоз. Стена толщиной в четыре балбахи, представляли собой надежное укрытие от пуль. Поэтому они широко применялись в то время для создания обороны.

ность свободно двигаться на Якутск. Но, прибыв в Сасыл-сысы, он убедился, что взять нас, хорошо укрепившихся, открытой атакой будет нелегко, потребуются большие жертвы. Генерал счел за лучшее вступить с нами в переговоры, предложив сдаться без боя.

Утром следующего дня к одному из наших караулов пришли два парламентаря от Пепеляева, оба бывшие красноармейцы, взятые в плен в амгинском бою.

Они сообщили, что шестьсот пепеляевцев с пятью тяжелыми пулеметами и тремя автоматами Шоша находятся в полуверсте от нас. Передав пакет, они ушли обратно.

В своем ультиматуме Пепеляев писал:

«Вы окружены со всех сторон сибирской добровольческой дружиной и повстанческими отрядами. Спротивление бесполезно. Во избежание напрасного кровопролития, исключительно в интересах сохранения жизни красноармейцев, предлагаю сдаться. Гарантирую жизнь всем красноармейцам, командирам и коммунистам. Окончательный ответ должен быть к двенадцати часам дня».

Это предложение Пепеляева зачитали всему отряду. Бойцы ответили криками возмущения. Настроение у всех было бодрое, все готовы были драться до последнего патрона.

Прежде чем ответить Пепеляеву отказом, я все же решил сам осмотреть наши окопы и определить их пригодность. На меня накинули доху, два красноармейца помогли выйти во двор. Беглый осмотр нашей крепости показал, что она совсем не так надежна. Окопы защищают только от фронтального огня, но открыты для обстрела с флангов и тыла. Их необходимо перестроить.

А срок ответа приближается, до 12 часов выполнить нужные работы не удастся. Чтобы выиграть время, решили пойти на хитрость и написали Пепеляеву ответ следующего содержания:

«Ваше предложение о сдаче вверенного мне отряда получил в 11 часов 15 минут 14 февраля. Ввиду громадной важности вопроса о сдаче целого отряда с оружием в руках лично решить его я не могу. Необходимо сделать общее собрание отряда, на котором и обсудить ваше предложение. Для этого требуется время, каковым мы не располагаем. Прошу продлить срок до 16 часов».

Подписали эту бумагу я, начштаба Дмитриев и военком Кропачев. Для передачи ее выбрали двух человек — комвзвода Алексея Волкова и пулеметчика Пожидаева. Вручили им пакет и палку с привязанным к ней носовым платком.

Парламентеры быстро поднялись на гору, вышли в расположение наших караулов и, отойдя от них шагов триста, встретили заставу белых: взвод с пулеметом, начальником которого был Ренкус. Парламентеров задержали. Подошел офицер и, узнав, в чем дело, предложил обоим завязать глаза.

— Зачем это?

— Чтобы вы не увидели наше расположение и наши силы, — ответил начальник заставы.

Пришлось согласиться, и дальше уже пошли с завязанными глазами, держась за руки двоих провожатых. По дороге пробовали было начать разговор, но пепеляевцы не отвечали.

Только в юрте с парламентаров сняли повязки. За столом они увидели человек пять офицеров — очевидно штаб.

— Кто из вас генерал Пепеляев? — спросил Волков.

— Я, — отозвался чернобородый высокого роста человек, стоявший у потрескивающего камелька. На нем были суконные брюки, олени камузы, вязаная красная фуфайка без погон.

Он протянул руку, поздоровался. За ним стали здороваться и все остальные офицеры. Пригласили сесть, стали угощать папиросами. Пепеляев взял пакет. Прочел, подумал.

— А командир у вас партийный? — спросил Пепеляев у Пожидаева.

— Нет, беспартийный.

— Ну вот, сразу видно сознательного человека. А много у вас в отряде коммунистов? — обратился Пепеляев к Волкову.

— А разве это не все равно? — вопросом на вопрос ответил тот.

Пепеляев на минуту задумался. В это время в юрту вошел генерал Вишневский.

Пепеляев подошел к нему, они тихо стали совещаться. Потом Пепеляев громко обратился к офицерам:

— Братья офицеры! Строд просит отсрочки на че-

тыре часа, чтобы на собрании отряда обсудить создавшееся тяжелое для них положение и принять окончательное решение о сдаче в плен. Как вы думаете, можно отсрочить? Я и брат Вишневыский полагаем, что можно. Возражений нет?

Начальник штаба полковник Леонов тут же написал ответ и передал Пепеляеву. Тот подписал, потом фамильярно потрепал Волкова по плечу:

— Я рад, что напрасного кровопролития не будет. Если первый бой был неудачен, то только потому, что я выделил мало сил. Теперь же сопротивление бесполезно. Я собрал все силы, и у меня громадный перевес. Если почему-либо ваши командиры не согласятся на сдачу и я поведу наступление, стреляйте в воздух. Помните, я никого не расстреливаю, ваши же товарищи, взятые в плен, добровольно служат в дружине. Кто не захочет служить у меня, тех отпущу в Якутск.

Подал пакет. Парламентеры направились к выходу. Им снова завязали глаза, проводили до заставы и только там разрешили снять повязки.

Ренкус попросил у начальника заставы разрешения поговорить с ребятами.

Офицер разрешил, сам отошел шагов на десять и стал наблюдать за разговаривающими.

— Ну как дела, товарищи? Как там наша братва поживает?

— Ничего, брат Ренкус, живем ничего, ожидаем лучшего.

— Какой черт брат! Волк им брат, а не я.

Офицер поморщился, но смолчал.

— Шея до сих пор болит, так эти братья навернули меня прикладом в Амге. Но и я в долгу не остался, тоже пошерстил. Жалко, что мало нас было, а то бы...

— Прекратите разговоры, Ренкус, а вы, братья, идите, не задерживайтесь, вас там ждут, — не выдержал начальник заставы.

— Ну а ты, Ренкус, что подельываешь?

— Да ничего. Как видите, начальником пулемета у них.

— Что ж, по своим стрелять будешь?

Ренкус покосился глазами в сторону офицера.

— Все монатки они у меня отобрали, последнюю пару белья, а теперь братом называют.

Начальник заставы подошел к разговаривающим и категорически предложил нашим парламентарам продолжать свой путь.

Прощаясь, старые друзья расцеловались, и Волков с Пожидаевым быстро зашагали к своим, а коренастая фигура Ренкуса сразу как-то сгорбилась и осела, придавленная тяжестью пережитого и надвигающегося.

Потом Ренкус энергично встряхнул головой и закричал вслед уходящим:

— Передайте от меня привет всем вашим! Скажите, чтоб не сдавались и хорошенько наклали нашим!

Офицер злобно прикрикнул на Ренкуса.

Получив ответ Пепеляева, я пробежал его глазами. Генерал писал:

«Продлить срок переговоров до 16 часов по нашему времени согласен. За это время боевых действий ни с одной стороны быть не должно».

Наша хитрость удалась. Работа кипела, и уже к 15 часам 30 минутам окопы были переделаны. К этому же времени мы заготовили ответ Пепеляеву. В нем говорилось:

«Обсудив всесторонне ваше предложение о сдаче, вверенный мне отряд пришел к следующему заключению:

Вы бросили вызов всей Советской Сибири и России. Вас пригласили сюда купцы-спекулянты и предатель-эсер Куликовский. Народ не звал вас. С оружием в руках он стал на защиту Советской власти. Теперь бывшие повстанцы вместе с Красной Армией стали на защиту автономной республики. Якутская интеллигенция идет вместе с трудовым народом. Вся ваша авантюра построена на песке и обречена на неминуемую гибель.

Сложить оружие отряд отказывается и предлагает вам сложить оружие и сдаться на милость Советской власти, судьба которой не может решиться здесь. Ваша же авантюра закончится в Якутии.

Помните, что народ с нами, а не с генералами».

С нашим ответом на этот раз отправился только один Пожидаев. Вдогонку слышны были замечания:

— А ведь белые могут расстрелять...

— Я готов умереть, — был его ответ. — Жалко только, что не в бою...

На заставе опять та же процедура с завязыванием глаз. Через несколько минут ходьбы Пожидаев снова в юрте, теперь уже знакомой. Там ничего не изменилось, за столом те же лица.

Пепеляев берет пакет. Нервно, вскрывает, словно чувствуя неладное. Вздрагивают руки. Пока читает, лицо все больше хмурится. Остальные с напряженным вниманием наблюдают за генералом. Наконец он прочитал бумагу, отбросил в сторону и удивленно обратился к офицерам:

— Братья офицеры! Вы знаете, что он пишет? Он предлагает мне сдаться!

И тон его голоса, и весь его вид были настолько смешны, что офицеры расхохотались. Смеялся и Пепеляев, но смех его был невеселым, нервным.

Потом генерал повернулся к парламентарю:

— Вы, наверное, укрепились?

— Да, окопы кое-где малость подправили.

— Я так и думал, я так и думал... Значит, у вас все коммунисты. И вы тоже коммунист?

— Нет, гражданин генерал! У нас есть коммунисты, но больше беспартийных. Я не коммунист, но, если придется, умру так же, как умирают коммунисты.

— Очень жаль, что придется напрасно пролить кровь. Еще раз советую стрелять в воздух. Сопrotивление все равно бесполезно, только напрасные жертвы с обеих сторон будут.

Пожидаев скоро вернулся, передал записку генерала. Пепеляев писал:

«Переговоры считаю законченными. Открываю военные действия».

Все бойцы на местах. Рота в окопах, эскадрон в резерве. Ждем час, ждем два — противника все нет. Наступила ночь, а его снова нет. Выслали разведку в трех направлениях.

В Якутск с донесением отправили двух красноармейцев на лыжах — Алексея Вычужина и жителя д. Петропавловское Сергея Мирушниченко, хорошо знавшего тайгу и обещавшего пройти без дороги. Для легкости нарочных вооружили только наганом и парой гранат. Вместе с разведкой они прошли верст семь — восемь, потом свернули с дороги и пошли целиной.

Несмотря на принятые меры предосторожности и на то, что гонцы вышли ночью, белые их все-таки обнаружили. Пять вооруженных пепеляевцев-лыжников гнались следом за ними целых сто верст и на третий день чуть не захватили, когда у одного из красноармейцев сломалась лыжа.

Усталые бойцы зашли в населенный пункт, чтобы сменить лыжи, а заодно немного передохнуть и покушать горячего. Здесь было всего две юрты. Зашли во вторую, дальнюю. Хозяин, узнав, в чем дело, сразу же принес несколько пар лыж и предложил выбрать, какие понравятся, а хозяйка занялась самоваром.

Не прошло после их прихода и пятнадцати минут, как к другой юрте подъехали пять человек. Они зашли в юрту, спросили хозяина, не видел ли он двух красных на лыжах.

— Как же, как же, — ответил тот. — Они были у меня на дворе полчаса назад. У одного была лыжа поломана. Они взяли у меня коня, сани и уехали, даже чай пить не стали.

— А, черт возьми! Мы думали, тут их захватим. Они версты три пешком по дороге шли. Кони у тебя есть?

— Есть, да только в тайге. К вечеру приведу, обождите.

— Зачем нам вечером твои кони? Тоже сказал! До старости лет дожил, а ума не нажил. Нам сейчас надо. Сходи к соседу, узнай, может, у него кони дома. А мы пока чайку попьем.

Якут прибежал во вторую юрту и все рассказал нашим. Те живо собрались и потихоньку ушли.

Лошадей, конечно, «не оказалось» и у соседа. Белые прекратили преследование, и наши гонцы дальше шли спокойно...

Проводив Вычужина с Мирушниченко и тщательно осмотрев ближайшую местность, разведчики возвратились и сообщили, что все дороги свободны и на семь — восемь верст вокруг белых нигде нет. Это нас и обрадовало и озадачило.

Сначала кое-кто высказал предположение, что, наверное, к Амге подходят наши из Якутска и Пепеляев бросился им навстречу, оставив нас в покое. Но, пораз-

мыслив, мы решили, что это военная хитрость. Пепеляев нарочно открыл ловушку, пытаясь выманить нас из укреплений, чтобы напасть в удобном для него месте и разбить отряд. Но если бы мы даже не догадались, что это хитрость, все равно остались бы на месте. Нам не на чем было двигаться, нас обременяли раненые, и мы не знали, куда двигаться, так как не имели связи со своими.

Пока же мы усилили сторожевое охранение, разобрали один амбар на дрова и снесли во двор. Кроме того, срубили десятка три деревьев и положили их впереди окопов, верхушками в сторону противника. Получилось нечто вроде засеки, правда, довольно жалкой и ненадежной. Но для наступающего иногда даже слабое искусственное препятствие кажется трудно преодолимым и действует на психику. На этот раз так оно и получилось. Наша засека издали показалась противнику серьезной преградой, он с ней посчитался и занес ее на свою схему, как серьезное препятствие.

НАСТУПЛЕНИЕ ГЛАВНЫХ СИЛ ПЕПЕЛЯЕВА

оная, что выманить нас не удалось, пепеляевцы возвратились. Часов около двенадцати ночи их разведка вошла в соприкосновение с нашими караулами. Завязалась перестрелка и так и не утихала всю ночь.

Противник решил перед решительным наступлением измотать нас морально, не дать отдыха, держать все время в напряжении. Но и это ему не удалось.

Мы только усилили одним взводом и двумя автоматами Шоша сторожевое охранение. В окопах же дежурил попеременно только один взвод. Остальные бойцы отдыхали.

Перед рассветом разведка белых отошла.

Ночь приближалась к концу. В сгустившуюся предутреннюю темь большими белыми заплатами вкрапился туман. Мороз крепчал. Часовые в караулах легонько пристукивали ногами, терли рукавицей щеки, носы.

— Ну и холодище! — шепчет часовой.

— Ничего, это нам не впервые, не такой выдывали, — также шепотом отвечает товарищ. — Вот в двадцать второго году так до шестидесяти градусов доходило, и то ничего — выжили. А сегодня не больше сорока будет.

— Сейчас покурить бы. Страшно охота.

— Пожалуй, закуришь тут. Черт их батьку знает, где они! Может, совсем близко. В лесу да в тумане далеко не увидишь.

— А наступать они сегодня наверняка будут.

— Непременно. Пепеляев на Якутск торопится, а мы его задерживаем.

— Тс-сс... Кажется, идут! Слышишь?

— Да. А может, это свои из Якутска подоспели? Окликнуть надо бы.

— Кто идет?

Бах! Бах! Бах! — ответили выстрелы. Пиу-пиу-пиу — пропищали быстрые невидимые пули.

— Может, опять разведка?

— Какой черт разведка! Смотри! Цепь идет...

Не дальше как в двадцати — тридцати шагах впереди караула сквозь белую пелену тумана смутно виднелись черные силуэты людей.

Караулы, отстреливаясь, начали отходить к юрте, и через несколько минут все уже были во дворе.

На этот раз наступлением белых руководил сам Пепеляев. Стремительным натиском всех своих сил со всех сторон он надеялся быстро добиться победы.

Рота и пулеметная команда были уже в окопах. Эскадрон остался в юрте в резерве, готовый в любую минуту оказать им поддержку.

Предутреннюю тишину разорвала предостерегающая дробь наших пулеметов. Навстречу белым окоп громыхнул огненной вспышкой залпа. Потом началась дробная разноголосица выстрелов. Падали идущие впереди одетые в полущубки люди, а на смену им шли другие. Лесная опушка выбрасывала на Лисью Поляну все новые и новые цепи. Не обращая внимания на потери, оставляя позади себя убитых и раненых, белые напористо лезли, подгоняемые и ободряемые офицерами.

Стоны раненых, свист пуль, треск винтовочных выстрелов и пулеметных очередей, крики «ура» — все смешалось в яростный неумолчный шум.

Два раза пепеляевцы подходили на тридцать — сорок шагов к нашим окопам и оба раза откатывались назад.

Рассвело. Теперь стали хорошо видны атакующие цепи белых. Они отошли на опушку и оттуда открыли сильный ружейный и пулеметный огонь. Минут через сорок предприняли новую атаку, и опять неудачно. До часа дня атаки чередовались с обстрелом, и каждый раз пепеляевцы вынуждены были откатываться назад.

Наконец противник приостановил наступление и залег в лесу, за амбаром, в березняке. Только пулеметчики белых, заметив у нас малейшее движение, открывали огонь, да изредка слышались хлопки винтовочных выстрелов.

Наступила короткая передышка. Часть красноармейцев, обутых в ботинки, поморозили ноги. Самому жарко, с лица льет пот, а ноги без движения стынут. Люди с самого утра ничего не ели, и голод на морозе давал себя чувствовать особенно сильно. Организм расходовал много тепловой энергии и требовал пищи.

Под обстрелом белых несколько бойцов подтащили ближе к окопам лошадиные туши, отрубали топорами куски мерзлого мяса и ели прямо мороженое, без хлеба. Только соль принесли из юрты. Чтобы промочить пересохшее горло, брали пригоршнями грязный, истоптанный снег, давали ему таять во рту и глотали, отчего простуживались, хрипло кашляли.

Часа в три Пепеляев снова повел наступление. Повидимому, он бросил в бой новые, свежие силы. Снег на поляне был вытоптан во время предыдущих атак, и теперь цепи белых шли довольно быстро. Несмотря на наш беспрерывный огонь, они не останавливались и не ложились.

В самый острый момент, когда до цепи противника, наступавшей с севера, осталось всего шагов пятьдесят, пуля угодила в пулемет Льюиса и разбила его. К тому же автомат Шоша сломался, а пулемет Кольта замолчал, потому что выбыли все номера его расчета.

Дмитриев потребовал ввести в бой резерв. Эскадрон кинулся из юрты как раз вовремя. На участок первого взвода ворвалось уже человек тридцать белых. Подоспевший резерв часть белых уничтожил, а остальных обратил в бегство. Опасность миновала, и эта атака противника также потерпела неудачу.

Но и наши потери были значительны. Погиб командир эскадрона Иннокентий Адамский, мужественный, беззаветный герой, прошедший всю гражданскую войну. Ранило в руку Дмитриева. Две пули заделали командира взвода Алексея Волкова. Выбыл из строя и начальник пулеметной команды Хаснутдинов.

Командование эскадрона принял комвзвода Метлицкий, ротой — Александров, а начальником обороны

был назначен командир взвода Жолнин, человек энергичный и смелый.

Бой продолжался. Противник время от времени повторял безуспешные атаки.

Юрта была в центре наших окопов. Во все время боя десятки пуль попадали в стены. Многие из них пронизывали стены насквозь, летели низко над полом. Чтобы не попасть под них, нельзя было не только стоять, но даже сидеть. Все в юрте плотно прижимались к земле, дабы избежать смерти.

В помещении было темно. Несколько маленьких окон, прорубленных скорее для воздуха, чем для света, заложены балбахами.

Со двора весь день прибывали раненые. Очутившись в юрте, они чувствовали себя в сравнительной безопасности и не обращали внимания на предостерегающие крики товарищей. Некоторые за это платились, падая убитыми или получая новое ранение.

Два фельдшера находились в окопах, а два в юрте. Эти последние лежали на полу, недалеко от дверей. Около них слабо мерцали огоньки двух самодельных светильников, неспособные побороть окружающую темноту. С риском для жизни фельдшеры перевязывали раненых.

Наступила ночь. А бой не прекращался. Темное кольцо окопов непрерывно опоясывала огненная молния вспышек от винтовочных выстрелов. Жгучим шквалом продолжали сыпать оставшиеся четыре пулемета. Дула у винтовок накалялись, затворы отказывались работать. Пулеметы перегревались, неохотно «жевали» наспех набитые патронами ленты и стали давать порядочно задержек. К тому же все автоматы Шоша за день вышли из строя.

Но вот стрельба с обеих сторон стала ослабевать. Один за другим умолкали пулеметы. Стала редеть ружейная стрельба, а потом и вовсе прекратилась. Где-то устало хлопнул последний одинокий выстрел. Было около двенадцати часов ночи.

Пепеляев прекратил наступление, потеряв убитыми и ранеными до ста пятидесяти человек.

Мы потеряли шестьдесят одного человека убитыми и ранеными.

Итак, второй бой, продолжавшийся восемнадцать ча-

сов, закончился новым поражением Пепеляева. Дорого обошелся он и нам. Отряд остался без командного состава. Хотон наполнился ранеными. Люди в окопах замерзали. Развели костры и по очереди грелись около них.

Но моральное состояние не снижалось. Каждый понимал, что наши жертвы не напрасны. Пепеляев вынужден теперь задержаться в Амге. Он не может выступить в Якутск, пока не покончит с нами. А если это ему и удастся, то силы его будут настолько подорваны, что не представляют опасности для Якутска.

Начальник одного из пулеметов говорил:

— Мне еще ни разу не приходилось столько стрелять, как сегодня. Выпустили сорок лент. Пулемет выдержал. Задержек и то было мало, а ведь десять тысяч патронов расстреляли. Вот и попробуй подступишь! Это им не Амга.

Но Пепеляев торопился. Он приказал генералу Вишневному ночью произвести еще одну атаку и во что бы то ни стало взять Сасыл-сысы. А сам уехал в Амгу.

Мы ждали нового наступления и были начеку. Пока половина людей отдыхала в юрте, другая половина все время находилась в окопах. Пулеметчики также отдыхали по очереди. По одному заносили и пулеметы, чистили их, смазывали. Теперь они стали работать легко. Из всех разбитых автоматов Шоша собрали два исправных.

Часа в три утра со стороны противника послышался шум. Подготавливалась новая атака. В отряде имелось пять ракет: четыре осветительных и одна сигнальная — красная. О них как-то позабыли и вспомнили только теперь. Когда шум в лесу усилился и стал приближаться, из окопов взвилась одна ракета и, разорвав черное покрывало ночи, осветила поляну, окопы и опушку леса. Следом взметнулась вторая. На короткое время сделалось светло как днем. Затем обе ракеты падающими звездами полетели вниз, мягко стукнулись о землю и с тихим шипением, испуская трепетный матовый свет, угасли. Густой мрак снова окутал поляну, юрту, лес. Началась перестрелка, которая продолжалась до самого утра. Но атака белых не состоялась. Вишневецкий донес Пепеляеву, что «красные имеют большой запас ракет и беспрерывно освещаются. Это отрицательно действует на дружинников».

Ночью 16 февраля от Пепеляева поступил следующий приказ:

«16 февраля 1923 года, 21 час 20 минут, № 3, д. Табалах.

Сообщаю копию расшифрованного донесения Строда. Донесение было послано с нарочным, захваченным жителями и доставленным в штаб:

«Просьба расшифровать и передать Байкалову (шифр «Америка»). Доношу: из Петропавловского выступили 7 февраля отряды Дмитриева и Строда под общим командованием штаба. Прибыли в местность Сасыл-сысы 12 февраля вечером. 13 февраля на рассвете белые повели наступление первым батальоном и офицерской ротой, всего 230 человек, под командой генерала Вишневого. Наступление отбито с потерями с обеих сторон. Ждем нового наступления, двигаться не можем — нет транспорта, задерживают раненые.

Пепеляев в Амге; всего частей три батальона, офицерская рота, конный дивизион, артиллерийский дивизион без орудий — итого 700 человек и бывших повстанцев около 300 человек. Ждем срочной выручки. С довольствием плохо — одна конина, скверно и с перевязочным материалом.

Стоим в шести верстах северо-восточнее Абаги, в Дженкунском наслеге.

Нач. сводного отряда Строд. Начштаба Дмитриев. Военком Кропачев. 13 февраля 1923 года, м. Сасыл-сысы».

На словах нарочному приказано было передать: «Лучшие командиры наши ранены. Просим подкрепления. Строд ранен в правую половину груди, ранение слепое. Дышит тяжело».

Сообщив это, Пепеляев обращался к своему воинству в демагогическом тоне:

«Братья добровольцы, вы разбили амгинский гарнизон, гарнизон Петропавловского загнали в Сасыл-сысы и нанесли ему тяжелые потери, ранили старших начальников.

Теперь необходимо разбить этот отряд и развязать себе руки для взятия Якутска.

Командующий сиб. добр. друж. генерал-лейтенант Пепеляев. Верно: Начальник штаба полковник генштаба Леонов».

Вместе с приказом прибыло несколько возов зеркал самых разнообразных форм и размеров. Их собрали у жителей. Зеркала предназначались для борьбы с осветительными ракетами. Если поставить их против окопов, то при вспышке ракеты «зайчики» — отражение света — должны были слепить наших стрелков. Но применение этого «последнего слова техники» не состоялось. Во-первых, у нас не было ракет, против которых зеркала предназначались, а во-вторых, — наступили лунные ночи.

Время шло. А обстановка требовала от белых скорейшей развязки. Предпринять еще одно наступление они воздержались, не будучи уверенными в успехе атаки и боясь понести новые потери. Дальнейшая же затяжка подрывала моральный дух пепеляевцев и могла окончательно разбить у них слепую, ни на чем не основанную веру в успех всей авантюры.

И вот, чтобы в кратчайший срок и с малыми потерями разделаться с нашим сильно пострадавшим отрядом, пепеляевцы решили удивить отсталую и темную Якутию новым «техническим достижением». По распоряжению Вишневого белые стали сооружать своеобразные «якутские танки»: на сани с деревянным настилом накладывали пять — шесть рядов балбах. Таких подвижных укрытий они оборудовали несколько десятков. За каждым из них могли укрыться восемь — десять человек.

Если бы их затея удалась, нам пришлось бы очень плохо. Толкая вперед себя «якутский танк», белые могли безнаказанно вплотную подойти к нашим окопам, забросать их гранатами и броситься в атаку.

Но генеральская изобретательность упустила из виду одно «маленькое» обстоятельство. Груза на каждые сани приходилось не менее ста пудов. И столкнуть их следовавшие за санями восемь — десять человек не могли. Хоть запрягай в них еще пару добрых лошадей. А они представят для наших стрелков прекрасные мишени. Так что и от затеи с «якутскими танками» пришлось отказаться.

ОСАДА

Весь день 16 февраля шла ружейная перестрелка. Она то замирала, то возобновлялась с новой силой. Короткими очередями били пулеметы. И так до самого вечера. Пепеляевцы не наступали.

Спустившаяся ночь также прошла без активных действий со стороны противника. Лишь изредка тишина нарушалась непродолжительными вспышками ружейного огня. Пулеметы почти не стреляли.

Наутро начальник обороны Жолнин сообщил, что белые возводят вокруг нас окопы из балбах. Значит, противник решил взять нас измором. Началась осада, а с ней пришли лишения.

Первое, с чем нам пришлось столкнуться, — это отсутствие воды. Имевшийся небольшой запас льда вышел, и утром 17 февраля мы оказались без кипятка. Нам оставалось пользоваться снегом, но и он находился за окопами.

Днем отправиться на заготовку снега нечего было и думать. Это можно было сделать только ночью, и то с опасностью для жизни. А раненых мучила жажда, они ежеминутно просили воды.

— Дайте пить! Во рту все пересохло... Внутри горит... Дайте каплю воды!

— Товарищи, потерпите до вечера. Воды нет, лед кончился, а снегу сейчас не достанешь — убьют. Белые близко, кругом засели.

Легкораненные смирились и молчали, а тяжелораненые все время просили пить.

Наконец наступила долгожданная ночь, но, как нарочно, лунная. Из находящейся в юрте резервной части отряда пойти за снегом вызвались два красноармейца. С ними добровольно пошел и пленный унтер-офицер, захваченный при нашем подходе к Сасыл-сысы.

— Разрешите мне пойти вместе с красноармейцами за снегом. Сам поглотая и другим принесу, — попросился он у меня, и я его отпустил.

Все трое захватили с собой по мешку, вышли во двор и шагнули за окоп...

В лунной светлой мути черные тени ползущих людей выделяются отчетливо. Их, конечно, сразу заметили, открыли сильную стрельбу. Двоих ранило, унтер-офицера убило. Раненые вернулись ни с чем. Пошли еще двое. Опять одного ранило, второй принес снега, но немного. Снег высыпали в ведро, поставили к огню в камелек. Натопилось несколько кружек воды, ее разделили между тяжелоранеными.

Припав пересохшими губами к кружке, они отхлебывали воду маленькими глотками, стараясь продлить удовольствие. Выпили, облегченно вздохнули, но через несколько минут снова стали просить воды. Не утоленная, а лишь частично заглушенная жажда вспыхнула с новой силой, стала еще острее.

Что делать? Чтобы обеспечить воду для всего отряда, нужно много снега. Но, пока светит луна, к нему нельзя подступиться. Враг учитывает наше положение и зорко следит за дорогой к снегу. Луна скроется часа за два до рассвета, а за это время много не натаскаешь.

На наше счастье, в санитарной части оказалось несколько простынь. Из них сшили три белых халата. Это немного, но уже хорошо.

Три красноармейца облачились в белые халаты, вылезли за окопы. Все же противник их обнаружил, обстрелял. Мы отвечали залпами. Начался настоящий огневой бой. А три человека в халатах, припав к земле, все гребли и гребли снег в мешки, набивали их потуже, оттащивали во двор, высыпали в кучу и снова отправлялись за снегом. И так до самого утра.

За ночь успели запасти снега столько, что хватило

один раз сварить мясо, да еще осталось по две кружки воды на каждого раненого и по одной на здорового.

Теперь мы научились добывать воду. Но все же за нее приходилось расплачиваться кровью и даже жизнью красноармейцев.

С первых же дней осады остро встал вопрос о продовольствии. Как помнит читатель, выступая из Петропавловского, мы смогли взять продуктов только на десять дней. К тому же в пути из-за отсутствия сена нам пришлось хлеб скормливать лошадям и быкам.

Единственным теперь нашим продовольственным ресурсом был убитый скот, которого, по нашему расчету, должно было хватить на месяц. Однако, несмотря на морозы, вскоре мы обнаружили, что мясо стало портиться. Оказывается, причиной этого были внутренности. Нужно было выпотрошить туши животных.

Нашлась случайно завалявшаяся пила. Мерзлые, твердые, как кость, туши лошадей пришлось перепиливать, чтобы выбросить внутренности и предохранить мясо от дальнейшей порчи.

Как только наступали сумерки и темнота скрывала белую полосу, отделявшую нас от пепеляевцев, на середину двора, к трупам животных, подползали два человека с пилой. Работа продвигалась медленно. За ночь успевали перепилить всего три — четыре туши.

Визг пилы слышали белые, догадывались, в чем дело, и начинали стрелять наугад, усиленно засыпая двор пулями. Укрытые тушами бойцы были в сравнительной безопасности и продолжали свое дело.

Распиленное на куски мясо мыть было нечем, воды для этого не хватало. Варили какое есть, часто с кожей: отодрать ее было трудно, да и некогда, голод подгонял. Шерсть палили на огне, опаленное место обтирали полой шинели или тряпкой, после чего мясо опускали в ведро с водой. Больше ничего у нас не было, единственной правой к мясу являлась соль.

Часам к девяти — десяти вечера пища поспевала. Каждый получал по куску мяса и немного бульона.

— Сегодня суп с харбинской фасолью, — шутил кто-либо из бойцов, обнаружив в своей порции мяса засевшую пулю.

Другие ему вторили:

— А почему фасоль не проварилась, такая твердая?

— Дежурный по кухне, куда смотришь? Фасоль совсем сырая, не упрела.

Это было приятно. Как ни тяжело приходилось, красноармейцы не теряли бодрости, присутствия духа.

Приближалось утро. Луна медленно сползала с небосклона и наконец совсем скрылась за черту гор. Сгустившийся мрак начал уступать место мутно-синему рассвету. На дворе хлопают выстрелы.

В юрте никто не спит. Ждут, что скоро будут раздавать кипяток. И вот со скрипом распахнулась дверь. Но вместо ведра с чаем два красноармейца внесли только что раненного товарища. На пороге задержались, стали смотреть на лицо раненого, ощупывать его.

— Ишь ты! Перевязать не успели, а он и помер, — беспомощно развел руками один.

Второй красноармеец глубоко вздохнул и стал ругать белых.

— Сволочи, мало нашей крови пролили, опять пришли убивать.

Затем подхватил под мышки труп товарища и потащил обратно во двор.

— Пошто им не ходить? — угрюмо продолжил мысль красноармейца лежавший недалеко от дверей боец. — Ремеслом это ихним стало. Думали, что встречать их хлебом-солью и колокольным звоном будут. Надеялись на темноту якутов, вот и приперлись. Но оплошку дали, не так вышло, как они рассчитывали. И выходит у них сейчас точь-в-точь, как в той басне про волка. Забежал это волк в деревню и стал просить мужиков спрятать его от погони. А кто волку поможет — всем он насолил: у того овцу стащил, у другого корову зарезал. Вот Пепеляев на того волка и похож. Просит помочь. А якуты помнят, как в восемнадцатом году тут побывали колчак-ковцы, знают им цену и на обманные сладкие слова не пойдут.

— Да, якуты теперь совсем другими стали, — вмешался в разговор другой красноармеец. — Помните, когда мы уходили из Петропавловского, они, прощаясь с нами, здорово ругали Пепеляева.

— Насчет населения за примером далеко ходить не надо, — сказал протиравший затвор винтовки командир

отделения. — Взять хотя бы хозяина этой юрты. В то утро, когда он уезжал, я на дворе мясо рубил. Якут складывал в сани и увязывал свое имущество. Когда все увязал, подошел ко мне, сунул в руки топор. У меня топорешко плохонький был, но я отказываюсь, не беру, мне неловко как-то: человека и так разорили — пять или шесть коров у него погибло в первом бою. А он всадил свой топор в тушу и отошел к убитым красноармейцам. Снял шапку, с минуту постоял и направился к возам. Я заметил на глазах у него слезы. Ничего не сказал он мне, махнул только рукой, быстро отвязал подводу и уехал.

Командир отделения собрал винтовку, попробовал, как действует затвор, щелкнул, затем продолжал:

— Что и говорить, ошалели белые, на рожон лезут. Все против них, а они видеть этого не хотят, агитируют, зовут к себе, а кто за ними пойдет? Населению белые нужны, как кафтану дыра.

В юрту втащили раненого командира взвода, и разговоры прекратились. Фельдшер Куприянов сделал ему перевязку. Потом подошел ко мне, лег рядом на пол и сообщил неприятную вещь. Оказывается, медикаменты были на исходе, а перевязочный материал уже кончился.

Вся походная аптечка отряда помещалась в санитарных сумках фельдшеров, никаких запасов не было. Того небольшого количества дезинфицирующих и прижигающих средств, которое имелось в отряде, хватило лишь на несколько дней.

Быстро кончились бинты. Пришлось пользоваться старыми, насквозь пропитанными кровью и гноем. Их мыли по несколько раз, пока они не разваливались. Раны гноились, повязки промокали. Многих раненых необходимо было перевязывать по два раза. А чем? К концу первой недели осады кончились и старые бинты, иод и сулема.

В хозяйственной части отряда возили мануфактуру, предназначенную для выменивания у населения продуктов и фуража. Справился у завхоза, много ли у нас осталось мануфактуры. К счастью, ее нашлось около тысячи аршин. Бинты заменили мануфактурой. Но чем заменить иод и прочие дезинфицирующие средства?

Раны пришлось промывать простой, натопленной из снега водой. С мануфактурой тоже была возня. Вся она:

оказалась цветной. Прежде чем употребить на повязки, ее надо было кипятить раза два — три, пока не вылиняет.

Из-за отсутствия медикаментов и низкого качества бинтов появились смертельные случаи от заражения крови.

Вообще условия для раненых были совершенно отвратительные. Для них освободили и очистили пристройку к юрте — хотон, помещение маленькое, не удовлетворявшее санитарным требованиям.

После двух дней горячих боев и нескольких дней осады раненых в отряде насчитывалось семьдесят человек, а площадь хотона составляла всего несколько квадратных сажен. В хотоне всегда было темно и душно, а окна открыть нельзя. Небольшой запас жиров пришлось беречь для светильников, которые зажигали только во время перевязки.

Раненые потеряли счет времени и не могли уследить за сменой времени суток. В темноте забудется боец на несколько часов тревожным сном, в темноте же проснется и спрашивает:

— А что, товарищи, на дворе день или ночь?

В первые дни, пока были дрова, камелек часто протапливали. Это обогревало воздух и несколько освежало. Но скоро пришлось экономить дрова — топить один раз в сутки и класть в камелек не более шести — семи поленьев. В результате воздух в хотоне стал гнилым и спертым. А откроет санитар дверь, чтобы хоть немного проветрить, — раненые начинают беспокоиться:

— Холодно, товарищи.

Укрыть раненых потеплее было нечем. Лежим мы в темноте и сырости, голова как свинцом налита. От постоянной темноты стали болеть глаза.

Не было спасенья и от другого врага — миллионов вшей. Особенно тяжело страдали от них тяжелораненые. Там, где имелись раны, где запеклись кровь или гной, вши ползали целыми полчищами, копошились сплошной живой массой.

Клокочущий кашель простуженных людей, мучительные выкрики тяжелораненых, хриплые, тяжелые вздохи, бред и стенания усугубляли и без того скверное настроение, угнетающе действовали даже на здоровых.

Смерти никто не боялся. Боялись получить ранение и целыми днями лежать в темном хотоне, где физические страдания удесятерялись кошмарной обстановкой, невыносимым положением раненых.

В темном, насквозь пронизанном пулями хотоне черные крылья смерти закрыли солнце, воздух, свет. Но они не убили в бойцах оптимизма, навеянного революцией, не погасили жгучего стремления к борьбе с врагами, неугасимой веры в неизбежную победу. Вот почему не слышно жалоб и упреков, нет малодушия и отчаяния. Но в каждом углу этой черной ямы клокочет классовая ненависть, несутся проклятия врагам трудящихся, последним отщепенцам сибирской контрреволюции, прибывшим из Харбина.

Шумит вековая тайга. От одного к другому таежному жителю несутся вести. Они доходят до самого Якутска. А вести эти о том, что крепко держатся красные, не взять их Пепеляеву. Разве только голод одолеет упорство и сломит железную волю бойцов.

Мы знаем, что о нас уже известно всей республике, потому что якуты сохранили таежный обычай «кэпсе». Всякое важное событие или интересное известие первым узнавший о нем житель спешит передать соседу, хотя бы тот жил от него за пятьдесят, даже за сто верст. Узнает якут новость и тут же садится на коня, скачет чаще всего без дороги, напрямик. Время года, суток, состояние погоды — ничто не может служить ему препятствием.

Через два — три часа усиленной гонки он подъезжает к юрте соседа. Обитатели ее, услышав лай собак, а затем лошадиный топот, высыпают из жилища встречать гостя. Они заранее знают, что у того имеется новость, иначе зачем ему так гнать своего коня.

А добровольный гонец не спеша слезает с взмыленной лошади, привязывает ее к столбу. Поздоровавшись, заходит в юрту, не торопясь начинает раздеваться. Хозяйка услужливо берет у него верхнюю одежду, шапку, шарф, рукавицы, развешивает все это, чтобы просохло.

Гость садится поближе к камельку, потирая озябшие руки, говорит:

— Ычча¹.

¹ Ычча — холодно.

В камельке ярко горит огонь, трещат только что подложенные смолистые сухие дрова, стреляя горячими угольками.

Тут же у камелька, на колоде, хозяин ловкими ударами топора рубит куски мяса, кладет их на сковороду. Хозяйка, пододвинув ближе к огню пустой котел, деловито накладывает в него лед, то и дело глубоко затягиваясь табачным дымом из самодельной трубки. Малыш лет семи — восьми вертится около матери, протягивает к ней грязную ручонку и просит оставить покурить.

Народ в жилище прибывает. Из ближайших юрт послушать новости пришли и стар и млад. Они подходят к приезжему, здороваются и тоже молчат.

Чтобы поскорей узнать новости, гонца окружают особым вниманием и почетом. Его угощают листовым табаком, подают в трубку огонь из камелька. Хозяйка приглашает к шипящему самовару, на сковороде уже доспевает жареное мясо.

Таежный обычай выдержан. Выпив кружку чая и отведав дымящегося мяса, гость приступает к главной части своего визита — начинает рассказ о последних новостях.

Его внимательно слушают, попыхивают трубками, сплевывают на пол, покачивают головами и по ходу рассказа повторяют единственную фразу:

— Сеп-сеп¹.

Но вот все новости переданы. Теперь кто-нибудь из слушателей торопливо одевается, седлает коня и мчится дальше, чтобы все услышанное передать следующему соседу. Если же все лошади отпущены в тайгу, то, чтобы не терять времени на их поиски, нарочный отправляется пешком за тридцать — сорок и более верст.

Среди якутов и тунгусов есть замечательные ходоки. Были случаи, когда командир отряда посылал пакет из Нелькана в порт Аян. Тропа между этими пунктами плохая, болотистая, к тому же в пути предстояло перевалить Джугджурский хребет. Для того чтобы нарочный быстрее доставил пакет, на одной его стороне сургучной печатью приклеивали птичье перо. Это означало: «Лети, как птица, не задерживайся!» И действительно, пакет доставлялся с изумительной скоростью, хотя и не на крыльях, а пешком — при помощи так называемой «торбазной связи». Тот же нарочный доставлял из Аяна от-

¹ Сеп-сеп — так-так.

вет на пятье сутки. А ведь от Нелькана до Аяна целых 240 верст!

Благодаря «кэпсе», этому старинному способу связи, обо всем, что происходит в тайге и имеет тот или иной интерес, очень быстро становится известно даже Якутску. Здесь новости поступают прежде всего на базар, а оттуда уже они становятся достоянием городского населения и жителей других районов.

Понятно, что в гражданскую войну новостей было особенно много. Иногда они имели военный характер и через базарную площадь проникали в наш штаб (я тогда служил в Якутске), доходили до командующего.

— Утка, базарное радио, — пренебрежительно говорили мы.

А потом диву давались. Получали срочное донесение, читали и видели, что добрая половина написанного уже передана «по базарному радио». Оказывается, связь «кэпсе» опередила нашего гонца.

Сегодня исполнилась неделя с момента прибытия отряда в Сасыл-сысы. Стрелка часов показывает девять. В окопах происходит смена цепи. Отдыхавшие в юрте красноармейцы по одному, по два выползают во двор, поэтому дверь открыта и мы видим, что на улице темно, значит, сейчас вечер.

В одном углу хотона слабо мерцает светильник дежурного фельдшера, испуская струйку копоти. В потухающих дрожащих отсветах камелька иногда зарождаются тени. Они то стоят на месте, то, вздрагивая, перебегают по полу, прыгают по лежащим раненым, сливаются в одну бесформенную массу. Из насквозь промерзших углов хотона выглядывает белая борода деда-мороза. Из углов особенно несет холодом, но из-за тесноты кому-то приходится волей-неволей занимать и углы хотона. Туда ложатся только такие раненые, которые могут передвигаться сами, без посторонней помощи. Долго оставаться в углу нельзя.

На дворе ясная лунная ночь. В морозном воздухе повисла легкая, прозрачная дымка. Длинные тени-мосты перекинулись через лощину. Природа, скованная стужей, укутанная в снежную мантию, погрузилась в глубокую, задумчивую спячку. Тихо у нас. Тихо и у белых. Изредка

где-то треснет, точно выстрелит, промерзшее насквозь дерево, и опять тишина. И вдруг от черной стены тайги к окопам прилетел голос:

— Эй-е-ей! Слу-у-шай... Кра-а-сные... Бра-а-тья, а бра-а-тья! Дава-а-йте поговорим!

— Го-во-ри... Слу-у-шаем. Что петь будете?

Эхо далеко вокруг разносит агитацию пепеляевцев:

— Слушай, братья! Из-за чего воюете? Кого защищаете? За что так упорно деретесь? Ведь все мы русские люди и одному богу молимся. У нас есть рабочие Ижевского, Воткинского заводов. Есть крестьяне Пензенской, Самарской и других губерний. Зачем нам убивать друг друга? Мы бьем только коммунистов и жидов. Идем освобождать русский народ. Сдавайтесь... Вам ничего не будет. Вместе пойдем спасать Россию...

Замолчали. Ждут ответа.

Из наших окопов кричат в тайгу:

— Мы воюем за Советскую власть, за власть трудящихся всего мира. Мы защищаем рабочих и крестьян от помещиков, буржуазии и генералов. С вами деремся потому, что вы, дураки, целуете руки своим хозяевам-буржуям, которые покупают вас за несколько золотых рублей и посылают против Советской власти спасать не Россию, а их фабрики, заводы, имения. Бросьте вы спасать помещиков, спасайте лучше свою шкуру, бросайте оружие и сдавайтесь. Советская власть простит вам ваши преступления...

Пепеляевцы недовольны таким исходом агитации. В воздухе повисла цветистая брань и угроза:

— Через два дня мы с вами разделаемся! Все вы там коммунисты, сволочи...

Переговоры прерваны. Начинают разговаривать винтовки и пулеметы.

Прошло еще два дня. Никаких перемен. В переговоры больше не вступали. За это время белые продвинули свои окопы ближе к нашим.

В хотоне бессменная ночь, а на дворе надвинулись сумерки. Короткие ружейные выстрелы, отрывистые, резкие постукивания пулеметов глухими отзвуками проникают сквозь стены в хотон и юрту. Чтобы хоть чем-нибудь заполнить время, начинаешь думать, но мысли обрываются, путаются и не могут ни на чем остановиться. В голове образуется какой-то хаос.

Со двора заполз в юрту Дмитрий Иванович Жолнин. просит, чтобы я разрешил красноармейцам поговорить с белыми.

— Ладно, валяйте! Небось и вам скучно, надо же чем-нибудь время убить.

Теперь вызывают наши:

— Гей! Гей! Белые, а белые, не стреляйте. Давайте разговаривать...

— Говорите, стрелять не будем.

— На Москву скоро пойдете?

— Скоро, на днях. Вот только вас пришьем, а там Якутск возьмем и дальше двинем, не задержимся.

— Го-го-го! Пустяки, за малым задержка у вас... Басню мы хотим рассказать!

— Ладно, давай. Реже говорите, а то непонятно.

— Одна синица взялась море зажечь и везде стала хвалиться. Звери и птицы собрались посмотреть, как она это делает. Рыбы испугались и не знали, куда деваться. Но синица моря не зажгла и от стыда улетела за тридевять земель... Вот вы, беляки, в лесу еще сидите, как курица на яйцах, а что высидите — знаете?

— Вас из юрты высидим...

— Насчет нас — дело темное. А вот что все вы тюрьму себе наживете — это ясно, верное дело, обеспеченное. В корыте моря не переплывете. Сдавайтесь, приходите к нам — лучше будет: повоевали и хватит!..

Началась перебранка, а потом перестрелка. Больше не разговаривали.

К этому времени генерал Пепеляев издал второй приказ, который впоследствии стал нам известен. В нем предписывалось:

«Генерал-майору Вишневному, полковнику Рейнгарду или Александрову и полковнику Драгомирецкому.

№ 123, 23 февраля, 12 часов.

Противник, держась пассивно в занимаемых укрепленных домах, продолжает упорно обороняться, имея, по видимому, надежды на выручку.

Только упорной работой, активностью мы можем сломить волю противника и, подавив его психику, принудить его к сдаче или уничтожить его.

Приказываю: с сегодняшней же ночи приступить к самой энергичной методической работе по сближению с противником ходами сообщений и выдвиганием вперед окопов.

Руководство работами возлагаю на полковника Александрова, в распоряжение которого от батальона и дивизиона высылать ежедневно к 20 часам на южный конец деревни по 15 человек рабочих.

Полковнику Драгомирецкому днем и ночью подвозить кизяк по указанию полковника Александрова.

Работы должны вестись быстро, неумоимо, дабы в два — три дня сблизиться с противником на 100 шагов.

Особое наблюдение за работами возлагаю на полковника Рейнгарда, которому ежедневно доносить мне о результатах работ.

Начальникам частей внушить добровольцам, что нам во что бы то ни стало необходимо разбить противника в кратчайший срок, от этого зависит все наше движение, и я жду от каждого добровольца неумоимой энергии».

НОВЫЕ ОПАСНОСТИ

Бесконечно долго тянутся дни. Противник все время, с небольшими перерывами, ведет ружейный и пулеметный огонь. Посвистывают пули. Нет-нет да и вползет в юрту еще один раненый боец. Отдыхающие в юрте красноармейцы лежат, только некоторые, махнув на все рукой, не обращая внимания на пощелкивание пуль, сидят.

— Э-эх, покурить бы. Ну и дела. Хоть бы окурок найти, разок затянуться.

— Поищи получше, может, и найдешь. Пятый раз все в одном кармане шарил, а про левый карман забыл, что ли?

— Дыра там вместо кармана. Я его вырвал со злости.

Два дня подряд пепеляевцы ведут по окопам концентрированный пулеметный огонь. К вечеру третьего дня наши окопы разрушены в нескольких местах, в особенности около пулеметов. Разрушены и сами пулеметные гнезда.

Начальник обороны Жолнин доложил штабу, что в наших окопах образовались разрывы. Часть бойцов уже не имеет прикрытий, и если завтра белые продолжат такой же огонь, то наше дело будет совсем плохо.

Нужно было как-то восстановить укрытие. Но чем? Никакого материала у нас нет.

Спрашиваю у Жолнина:

— Сколько во дворе имеется убитых?

— Наших человек пятьдесят. А с белыми больше ста будет.

Выручили мертвые. Мы решили из трупов убитых построить баррикады. Но для этого пришлось ждать ночи.

Вечером пепеляевцы злорадно кричат:

— Скоро вы останетесь без окопов. Скоро вам конец. Лучше сдавайтесь, пока целы!

Из глубины хотона доносятся стоны. Раненые все время просят пить. Им не хватает двух кружек воды на сутки.

— Нет снегу, весь вышел. Подождите до вечера.

— Пожалуйста, товарищ, хоть глоток, хоть немного снегу.

Санитар не выдержал, выполз из юрты и через полчаса притащил мешок снега. Десятки рук жадно потянулись к нему.

— Нет, подождите. Вскипячу самовар.

— Скорее, скорее пить...

Наконец самовар готов. Разливают по кружкам. Принесли и мне с полчашки. Отхлебнул глоток, почему-то кажется, что вода пахнет трупом. Спрашиваю санитара, где он взял этот снег. Оказывается, снег был под убитыми, пропитался кровью. Справляюсь у фельдшера, можно ли такую воду давать раненым.

— Можно. Все бактерии убиты кипячением.

Я пить такой чай не мог. Меня даже чуть не стошнило. А остальные пили, и ничего. Жажда мучит — была бы вода.

Дежурный фельдшер обходит раненых, справляется о самочувствии, спрашивает, не промокла ли повязка. Наклонится над одним, посмотрит другого...

Цокнула в стену хотона и упала где-то у порога одинокая пуля. Фельдшер лег наземь. Но больше не стреляют.

— Повязка свалилась... Здорово болит, перевяжи, — просит раненый.

Фельдшер подошел и при скудном освещении самодельной лампы — «действующего вулкана», как называли ее красноармейцы, — начал разматывать повязку. Санитар держал раненую ногу красноармейца. Ранение было болезненное — разбита кость. Но раненый, стиснув зубы, молчит. Наконец повязку сняли, начали промывать рану водой.

В это время пепеляевцы дали залп по хотону. Отвратительно щелкая, зашлепали о противоположную стену помещения пули. Санитар убит. Уронил ногу раненого и сам упал на нее, придавил. Раненый дико кричит:

— Ой-ой! А-а-а!

Белые обстреливают хотон. Люди в нем прижались к земле. С большим трудом и риском для жизни стащил фельдшер убитого санитаря, освободил ногу раненого. О перевязке нечего и думать. Раненый перестал кричать. Он приподнялся на руках, сел.

— Ложись, укокошат! — кричат ему.

— Не лягу — пусть убьют. Лучше конец сразу, чем такая мука.

Фельдшер уложил его насильно и, не обращая внимания на ругань и просьбы, держал, пока не прекратилась стрельба по хотону. Раненый плакал.

Всю ночь исправляли красноармейцы разрушенные окопы. Подтаскивали замерзшие, обледенелые трупы, примеряли, переворачивали, укладывали рядами, заменяли один труп другим.

— Этот длинный — не подходит. Тащи покороче. Вот бери того — кажется, Федоров...

Небольшие дыры в стенах окопов затыкали конскими головами.

К утру новые окопы были готовы. Напрасно белые открывали сильный пулеметный огонь. Мертвые тела были тверды, как камень. Их можно разбить только из орудий.

Жертвы кровавой пепеляевской авантюры и после смерти продолжали служить делу революционных аванпостов в далекой Якутии. Мертвые явились надежным прикрытием для своих живых товарищей, продолжавших бесценно дежурить около ружейных и пулеметных бойниц.

Холодно и сыро. Затопили камелек. Первые языки пламени стали разгонять вечный сумрак в хотоне.

Вскипятили воду, выпили по кружке кипятку — согрелись, только есть хочется. Порцию мяса пришлось сократить чуть ли не наполовину — часть убитых лошадей была использована для баррикад. Хоть бы табак был, все заморили бы червяка.

Ненасытная смерть костлявой рукой гасит все новые и новые жизни. Сегодня ночью умер еще один раненый товарищ. Его передали в распоряжение Жолнина — на баррикады. На освободившееся место положили другого — ранило, когда таскал снег.

Красноармейцы больше молчат. Но сегодня к раненым зашел военком отряда Кропачев — бойцы просто называют его Мишей. Пробыв всю ночь в окопах, утром он зашел в хотон, улегся между ранеными, начал беседовать. Потом рассказал какой-то эпизод из гражданской войны. Завязался разговор. У каждого было что вспомнить. Каждый не раз побывал в боях, видел смерть, испытал голод, холод. Начались воспоминания.

— В 1918 году я был в Красной гвардии, — заговорил красноармеец Андросов. — Когда пала Советская власть в Сибири, попал в руки белых. Били меня до того, что я терял сознание. Японцы едва не закололи. Все это вытерпел, вынес. Потом мне удалось бежать. Из Читы я пробрался на станцию Оловянную и поступил на работу в депо. Тут же, при станции, был большой поселок, где жило большинство рабочих и служащих. Когда крепчали забайкальские морозы, не помню то ли в ноябре, то ли в декабре, к нам прибыл эшелон казаков-семеновцев.

Вскоре после их приезда начались аресты всех заподозренных в большевизме. Многих арестовали прямо на работе и увели в холодные товарные вагоны, которые стояли на запасном пути. Набрали человек до ста. По какой-то счастливой случайности меня не арестовали. Скоро началась расправа. Некоторых после порки шомполами освобождали, а остальных допрашивали в контрразведке. В депо словно все вымерло. Ходили страшные слухи о пытках и смерти наших товарищей. Не один выстрел слышали мы в холодные ночи. Это белые расстреливали арестованных. На расстрел их выводили по десять — пятнадцать человек сразу.

Последняя самая страшная ночь, которую, кажется, я никогда не забуду, была особенно холодная, ветреная. Состояние было у меня тогда — хоть лезь в петлю... Долго в ту ночь бродил и не помню, как очутился у железнодорожного моста через реку Онон, взорванного белыми еще при отступлении.

Хотел уже повернуть назад в поселок, но меня оставили донесшиеся с порывами ветра ругань и грубые

окрики. Разобрать слов не мог. Подозрение словно иголкой пронизало мозг: «Наших ведут...»

Оторопь взяла. «Ну, думаю, пропал, если увидят». Лег на землю и дышать боюсь. Скоро стал слышен приближающийся дробный, тяжелый топот, а потом из темноты стали вырисовываться неясные очертания идущей толпы.

Недалеко от меня прошли. Я не мог понять, почему сегодня для казни избрали это место. Всегда расстреливали в лесу, за водокачкой. Подошли к самому берегу. Недолго постояли, стали спускаться к реке. Вышли по льду на середину Онона, остановились.

Кто-то скомандовал:

— Раздевайся, снимай сапоги!

Закопошились люди на льду, скинули с себя одежду, постаскивали обувь. Холодный ветер окатил дрожащие нагие тела. Из-за туч выглянула луна — сначала одним краешком, а потом выплыла вся. Тускло заблестела медь на рукоятках казачьих клинков.

Белые что-то приказали. Из кучки голых тел приблизительно в двадцать человек отделились пять или шесть человек. В руках у каждого пешня. Стали прорубать лед.

«Тюк!.. Тюк!.. Тюк!..» — отзывалась река на каждый удар стального остря.

Раздетые, босые люди кричали, замерзая на ветру. А казаки-семеновцы курили и посмеивались.

Наконец прорубь была готова.

— Прыгай! — скомандовал кто-то, видимо, казачий офицер.

Посыпались удары пагаек. Один за другим стали бросаться в черную полынью голые люди. Бултыхали падающие тела, обрывались человеческие вопли...

Скоро все было кончено. Семеновцы покинули реку.

Не знаю, сколько времени я пролежал у взорванного моста. Домой пришел только к утру. В тот день на работу не вышел.

Рабочие рассказывали, что на реке Онон, у проруби, видели кровь и кожу от подошвы ног, примерзшую ко льду. Глухо роптали, проклинали палачей. Многие после этого ушли в сопки. Кто жив остался, наверное, теперь уже вернулся и работает, а я вот все еще воюю. И буду

воевать. Надо добить контрреволюцию без остатка, — решительно закончил Андросов.

Красноармейцы вспоминали о зверствах контрреволюционеров. Их правдивые повествования лишний раз убеждали слушателей в том, что белые являются злейшими врагами трудового народа.

— В прошлом году мы гнались за Коробейниковым, — приподнялся на локте раненый красноармеец. — Я шел в разведке. Заняли Абагу и обнаружили там белогвардейский застенок. Жители с негодованием рассказывали о том, что там творилось.

Арестованные сидели в холодном застенке полураздетые. Кормили их так, чтобы только не умирали. Часто издевались, били. Некоторые сидели там недолго — их после допроса уводили, должно быть убивать. А те, кто возвращался с допроса, не могли говорить и только стонали от побоев. Перед дверями юрты белые посадили замороженный труп одного из убитых. Арестованных заставляли с ним здороваться.

После таких рассказов темный хотон становился еще мрачнее. Не хотелось думать о том, что все это делали люди. Тупая боль щемила сердце.

На нашем фронте без перемен. Ночь. Дремлет растянутая вдоль окопов цепь. Комочками свернулись красноармейцы, в руках зажаты винтовки. Не спят лишь наблюдатели да дежурные у пулеметов.

Налетит, выскочит откуда-то ветерок, пробежит по тайге, заденет, зашумит иглами сосен и пихт. И сразу насторожатся часовые, стукнет несколько винтовочных выстрелов, татакнет пулемет. Стряхнет с себя дремоту красная цепь, штыками, точно еж, ощетинится разбуженный окоп. Десятками гулких огоньков засверкает опушка леса, взвизгнут, пролетят над головами пули. И снова тишина.

Через каждые два часа осторожный шорох заполняет двор: загремит нечаянно оброненная на мерзлую землю винтовка, тихо выругается красноармеец. Происходит смена цепи в окопах. И за окопами, в стороне противника, через равные промежутки времени слышен скрип снега: у белых тоже сменяется находящееся на позиции подразделение.

Около двух часов ночи. В переговоры с пепеляевцами за последнее время мы не вступали. Но сейчас, несмотря на позднее время, противник настойчиво вызывает нас. Наконец мы не выдерживаем. Дежурный по отряду спрашивает у белых:

— Что вам нужно?

— Новость сообщить хотим.

— Говорите. Послушаем, что врать будете.

— Сейчас из Амги пакет от брата Пепеляева привезли. Пишет, что генерал Ракитин вчера в три часа дня взял Чурапчу. Гарнизон сдался. Два орудия захвачено. «Дед» Курашов со штабом успел прорваться к Якутску. Поздравляем вас с Чурапчой. Оттуда к нам выслано одно орудие, скоро здесь будет. Тогда недолго продержитесь. Лучше сдавайтесь, пока целы...

— Ладно. Передадим командиру, тогда ответим.

— Хорошо, будем ждать.

Что и говорить, известие неприятное. Конечно, не исключено, что белые просто провоцируют. Но нет оснований и не верить им. Как быть? Если действительно они получат орудие, то его огонь разнесет нас в два счета.

Всесторонне проанализировали свое положение и решили, что лучше всего приготовить себя к худшему. Мы отлично понимали, что Пепеляеву сейчас не столько важно разгромить наш отряд, сколько овладеть его боеприпасами, вооружиться за наш счет и вообще победой над нами поднять дух своей дружины.

Присутствовал весь отряд, кроме дежурной части, находившейся в окопах. Но и она послала на совещание своих представителей. Чтобы было светлее, зажгли камелек и все светильники.

Много не говорили. Говорить не к чему. Наше положение ясно каждому, а решение написано на лицах красноармейцев и командиров. Выработали такой план. Все запасные патроны и гранаты решили сложить в погреб, что был в юрте, на них насыпать около трех пудов имевшегося у нас охотничьего пороха, сверху набросать сухого сена и щепок. В критическую минуту, когда раздается первый орудийный выстрел, выкинуть белый флаг. А как только пепеляевцы подойдут к нашим окопам, два выбранных нами наиболее решительных товарища зажгут

костер. Взрыв будет колоссальный, и белые вместе с нами взлетят на воздух.

Все притихли, прекратились даже стоны раненых. Казалось, что слышно биеие одного большого сердца отряда. Мы голосовали. В голосовании приняли участие и раненые. Против не было ни одного.

Вместе с сознанием близкого дыхания смерти в нашей груди росли и накапливались новые силы. В каждом из нас жила непоколебимая вера в справедливость общего дела и твердая решимость победить или умереть, но не сдать колчаковскому генералу.

Противник уже два раза справлялся, скоро ли будет дан ответ. Но нам было важно выиграть время, чтобы перетаскать со двора в юрту патроны и гранаты. Поэтому наши отвечали, что все еще идет совещание и ответ дадим утром.

Эту ночь пепеляевцы нас не тревожили. До рассвета оставалось часа четыре. Красноармейцы заносили в юрту ящики с патронами и гранатами, срывали с них крышки и спускали в погреб. Всего туда вошло до семидесяти ящиков. Ящики прикрыли сеном, а на него высыпали порох. Сверху порох тоже накрыли сеном.

Итак, мина готова. Быть может, от всех нас скоро ничего не останется. Мы к этому готовы. Только бы не отдать врагу наше революционное знамя, за которое мы страдали, сражались и гибли, под которым теперь решили умереть. Пусть оно прикроет уничтоженных, но не побежденных защитников Советов.

Отряд решил показать, что он и после этого тяжелого известия не пал духом, не думает о сдаче, готов биться и умереть за революцию. Из нескольких оглобель от саней бойцы сделали длинный шест. Привязали к нему старое боевое знамя, еще в двадцать первом году поднесенное на Амуре «дедушке» Каландарашвили.

Настало утро. Белые кричат:

— Ну что? Решили? Сдаются или нет? К вечеру придет оружие.

— Слушайте и смотрите! Вот вам наш ответ.

Над небольшим клочком земли, среди баррикад из трупов, поднялось красное знамя с портретом Ленина. И нам стало легче. Казалось, в этот трудный час сам Ильич явился к верным своим бойцам.

Все здоровые красноармейцы припали к бойницам. Жолнин присел, прислонясь спиной к балбхам. В руках у него уцелевшая в походах гармошка. Минуту он пробует голоса, потом громко, чтобы слышно было белякам, играет «Интернационал». Простуженными голосами бойцы подхватывают мелодию, и она несется над снежной равниной как гимн мужеству и верности революции.

Эффект был поразительный. Пепеляевцы даже растерялись. Не сразу открыли огонь. А когда пришли в себя, буквально засыпали нас пулями.

Пропели последние слова гимна. Жолнин перевел дух и заиграл «Варшавянку».

Руководивший осадой генерал Вишневский прямо опешил. Он не знал, что делать, и вынужден был обратиться к Пепеляеву за инструкциями.

«Осажденные знают о взятии Чурапчи, знают о том, что сюда выслано орудие,— писал он в донесении.— В ответ выбросили красный флаг и играют на гармошке. Как быть дальше?»

Пепеляев ответил:

«Как видно, к красным кто-нибудь прорвался и доставил важные сведения. Приказываю теснее сомкнуть кольцо окружения противника».

Белые стреляли весь день без перерыва. Старались сбить знамя, но, и изрешеченное пулями, оно весело реяло на ветру. Оно так и развевалось до конца осады, свидетельствуя о непреклонности красных бойцов.

И снова спустилась ночь. Белые обстреливают поставщиков снега — «завснегвод», как окрестили их красноармейцы. Наши окопы молчат.

Через каждые два часа дежурный по отряду производит смену бойцов в окопах. Люди ползают на четвереньках, держатся не далее двух — трех шагов от баррикад — иначе грозит смерть. Особенно большая опасность угрожает с восточной стороны, где пепеляевцы занимают гору и стреляют сверху вниз. Здесь непоражаемой была лишь узенькая дорожка. От постоянного ползания одежда на локтях и коленях протерлась, болели припухшие суставы рук и ног. Никто не раздевался. День и ночь были при патронташах, отчего тупо ныли натертые плечи и грудь.

Я лежу на сене. Разные мысли одна за другой лезут в голову, долго не задерживаются, уходят, как дым на сквозняке. Отяжелевший мозг отказывается работать, соображает плохо. Особенно угнетает постоянная темнота в хотоне. Одинокий огонек у дежурного фельдшера действует на нервы и начинает раздражать.

Какое сегодня число? Память отказывается служить. Давным-давно никто не умывался. От костров, от порохового дыма и грязи лица и руки бойцов потемнели и походили на копченый окорок.

Восемьдесят пять раненых лежат на сыром, грязном сене. Большинство забылось тяжелым, беспокойным сном. Неожиданный залп по хотону разорвал тишину, разбудил спящих, разбередил боль на время забытых ран. Снова понеслись стоны, оханья.

— О-ох, моченьки нету, все одеревенело! Помогите подняться!

— Будет ли конец этому? Уж скорей бы что-нибудь одно: либо выручка подоспела, либо вместе с белыми к черту на рога.

— Товарищи, переверните меня на другой бок. Уберите повязку, вши заели.

Подошел фельдшер, расстегнул на раненом гимнастерку, размотал грязную тряпку, которую с двух сторон живым муравейником облепили вши. Они разъедали рану, вызывали острый болезненный зуд, причиняли огромные страдания.

Фельдшер обмыл рану водой, перевязал ее чистым бинтом. Старую повязку выбросил во двор на мороз. Смена повязки помогала, но не надолго.

Один тяжелораненый не мог говорить. Он впился зубами в плечо соседа... Тот вскрикнул от боли:

— Ты что, с ума сошел? Чего кусаешься?

Разжал челюсти, шепчет:

— Позови санитаря, пусть перевернет меня на бок — спина чужая стала...

Мучила жажда. Те, кто лежал у самой стены, стирали руками выступивший на промерзших бревнах иней, жадно лизали добытую таким путем горькую влагу.

В минуты затишья вера в победу боролась с сомнениями: выдержим ли? Хватит ли у нас сил до любого

конца?.. Но временное затишье нарушалось стрельбой. Возвращалось душевное равновесие. Со всей силой почувствовался смысл борьбы и значение приносимых отрядом жертв. Образовавшаяся было моральная трещина исчезала. Летевшие во двор, бившие по окопам, пронизывавшие стены юрты и хотона вражеские пули действовали на нас, как масло на потухающий огонь.

Открывали стрельбу чаще всего мы, чтобы помешать противнику сооружать и выдвигать вперед новые окопы. А когда белые отвечали, завязывалась перестрелка иногда на несколько часов.

Сменившаяся из окопов красноармейская цепь по одному, по два человека, задевая и стуча винтовками о порог, заполняла опустевшую было юрту. Дверь распахнута настежь, отчего в юрте стало еще холоднее. Наконец вошли все. Последний красноармеец захлопнул за собой дверь.

Каждый хорошо знал свое место, и без особой возни и шума бойцы располагались на полу. Поправляли патронташи, кряхтели, потирали озябшие руки, так как рукавицы у многих пришли в полную негодность. Отогревшись, делились мыслями.

— А знаете, — послышался в темноте густой голос, — по-моему, нам нужно сделать вылазку. Белых, может быть, всего тут два — три десятка, а Пепеляев с остальными силами к Якутску подался.

— Ну, а что дальше? — спросил кто-то.

— Тогда мы оставим здесь раненых с двумя фельдшерами, уничтожим все лишние патроны, гранаты и винтовки, возьмем по куску конины и пойдем к Якутску.

— А он дело говорит, — подхватил командир эскадрона Метлицкий. — Мысль у него дельная, а главное, надо же когда-нибудь положить конец этому проклятому сидению. Довольно жить и ползать скорчившись!

Разговор ширился, участие в нем принимали все новые люди.

— Все это, товарищи, правильно, — подал голос уже окрепший после ранений командир взвода Алексей Волков. — Умереть в бою не страшно. Одного я опасаюсь: как бы у нас пики козыри не получились!

— О каких это козырях ты, гриб соленый, говоришь? — перебил его Тупицын. — Что-то я не пойму твои загадки.

— А вот такие самые. Хорошо, если белые ушли и в окопах их осталось мало. Ну, а вдруг они на месте. Что тогда получится, раскинете своими мозгами. А то, что, если нас постигнет неудача, мы понесем потери и отступим, пепеляевцы воспользуются этим и следом за нами ворвутся в окопы и все заберут. Вот чего я опасаясь.

Все замолчали. Задумались. Мне тоже понравилась высказанная бойцом идея.

— Ничего страшного не будет, если даже вылазка окажется неудачной, — сказал я. — У погреба останутся два выделенных собранием товарища и, когда противник займет двор, подожгут сено.

— Это я упустил из виду. А вообще на вылазку готов хоть сейчас, — решительно заявил Волков.

— Мы тоже согласны! Все пойдем! — вразной заговорили остальные. Каждый готов был пойти в бой, броситься навстречу пуле и штыку, чтобы только разорвать душившее нас огненное кольцо осады.

Начали готовиться к вылазке. Стали записывать желающих. Оказалось, идти желают все. Пришлось нам отбирать более сильных. Всего наметили восемьдесят бойцов. Остальные роптали, просили взять и их с собой. Но оставить окопы пустыми было нельзя. Пулеметы решили не брать, захватить только побольше гранат.

Моя рана еще не зажила, но я мог уже ходить и тоже решил принять участие в вылазке.

Настало утро. Возобновилась утихшая было перестрелка. Некоторые красноармейцы вскакивали из-за баррикад, становились во весь рост, грозили кулаком в сторону белых и кричали:

— Сдавайтесь! Идите к нам, бросьте грязное дело!

Противник в ответ открывал частый огонь. Двоих смельчаков ранило, но это не останавливало других, и они продолжали проявлять свою безрассудную удасть. Накопившаяся ненависть к врагу требовала выхода. Поэтому приказание держаться укрытий иногда нарушалось.

— Пулеметчика Ивана Паргачева ранило, — сообщил вошедший в юрту дежурный по отряду.

— Опять, наверное, вылез и стал ругаться? Ох уж этот Паргачев! Ни бога ни черта не признает, каждый день что-нибудь выкидывает. Удивительно, как только его до сих пор обходило? — проговорил Метлицкий.

— Сегодня Паргачев почище номер выкинул: во время

стрельбы с тесаком в руках выбежал на середину двора, вскочил на убитого коня и давай рубить, а сам во все горло «яблочко» распевает. Ранило его в правую лопатку, так он давай рубить левой рукой; прострелили левую — упал, а сам орет:

Пепеляев генерал,
Куда котишься?
В Якутию попадешь —
Не воротнешься...

Пока дежурный рассказывал, в хотон втащили самого Паргачева. Он не стонет, а только ругается:

— Вот гады! Думал, промажут, а они вон как продырявили. Я ведь только на минутку и выскочил, хотел мяса нарубить...

Сегодня в первый раз после ранения я выполз из хотона во двор. Ко мне присоединился начальник пулеметной команды Хаснутдинов.

Лучи солнца серебрили вершины гор. Тайга, одетая в прекрасный зимний наряд, сверкала бесчисленными голубыми огоньками.

Я ослеп от яркого солнечного дня, опьянел от свежего воздуха. Закружилась голова. Но полежал минут десять, освоился, стал чувствовать себя лучше.

Самое пылкое воображение не могло бы нарисовать того, что представилось моему взору. Жуткий вид являл собой двор нашей «крепости».

Снег весь утопан и залит кровью. А засыпать красную площадку нечем. К тому же, видно, все к этой картине привыкли.

Двор завален грязными тряпками, гнойными бинтами, обглоданными конскими костями, ржавыми обоймами, неразорвавшимися вражескими шомпольными гранатами. Отдельными кучами лежат сломанные и целые винтовки, валяются помятые диски от шоша, порванные пулеметные ленты.

Жуткий вид представляют собой наши окопы-баррикады. Вот рядом лежат два трупа, один — наш пулеметчик, другой — пепеляевский дружинник. Их руки протянуты друг к другу, будто они решили примириться и вместе служить нашему гарнизону.

Немного дальше от них лежит командир взвода Москаленко. Глаза его широко раскрыты, на губах замерзла кровавая пена. Левая рука его протянута вдоль туловища, а правая полусогнута на уровне лба, как бы защищает от солнца глаза.

Еще дальше я вижу Иннокентия Адамского. Глубокие морщины прорезали его лоб. Глаза прищурены и потеряли свою остроту, прежний стальной оттенок. На лице старого партизана застыло выражение серьезности, озабоченности. Пуля, пронзившая сердце, оборвала жизнь одного из замечательных красных командиров.

На окопе у пулемета Кольта лежит огромное неуклюжее тело фельдфебеля. Ветер шевелит, перебирает длинные перепутанные космы его волос. Издали кажется, что фельдфебель спит, что вот сейчас он проснется и пошлет проклятия тому, кто оторвал его от своей семьи, заставил бежать в Маньчжурию, а потом привел из Харбина в Сасыл-сысы и сделал щитом для красных и мишенью для своих.

Больше ста человеческих трупов и до десятка лошадиных туш вперемешку с балбахами ужасным кровавым кругом замыкали хотон и юрту.

Вся эта мрачная, жуткая картина запечатлелась в моей памяти на всю жизнь.

Под каждым пулеметом, а их осталось четыре — три максима и один кольт, горит по маленькому костру. Пять — шесть таких же костров горят в других местах. Это чтобы пепеляевцы думали, что пулеметов у нас больше. Для полного эффекта нам приходится перебрасывать пулеметы с места на место и стрелять из разных бойниц. Этим нам действительно удалось ввести противника в заблуждение: у него на схеме было нанесено девять пулеметов.

Часть красноармейцев, припав к бойницам, время от времени постреливает, остальные расположились группами у костров, ведут тихие разговоры.

— Брехали, видно, белые про орудие. Что-то долго нет его, на черепахах, поди, везут, — рассуждал красноармеец Ушаков, прозванный «барахольщиком». Прозвищем этим он был обязан запасу «разного походного имущества». Понадобится красноармейцу кусок веревки, гвоздь, ремешок, нитка или даже целая заплатка для шта-

нов — идет к Ушакову, и всегда все необходимое у него найдется. Запаслив был, старые подковы, и те собирал и возил с собой «на всякий случай».

— Про пушку белые залили, это как пить дать. Да и про Чурапчу тоже. На бога хотели взять, — поддакнул Ушакову Бусургин.

Перестрелка с обеих сторон усилилась. От удара пуль трупы вздрагивали, некоторые падали наземь. Тогда их клали обратно.

От подошвы горы, между общипанными и источенными свинцовым дождем деревьями, тянулись вверх, переплетаясь между собой, десятки протоптанных пепеляевцами узеньких тропинок. На случай подхода к нам выручки белые изрезали тайгу и гору окопами. Тропинки упирались в замысловатые линии и изломы окопов, перескакивали через них и терялись в чаще.

Со своего «наблюдательного пункта» я не имел возможности определить численность белых. Стреляли человек тридцать. В дальних юртах также было заметно движение пепеляевцев.

Почувствовав усталость и озноб, я вернулся в хотон. Нужно было отдохнуть, набраться сил, так как вылазку мы решили произвести ночью.

Хаснутдинов остался в окопах «побаловаться пулеметом». Но не прошло и двадцати минут, как его тяжело ранила в голову пуля, проскочившая в щель между трупами.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

епеляевцы по всем правилам военного искусства вели каждую ночь «сапное» продвижение к хотону, зарываясь в глубоком снегу и постепенно суживая кольцо осады. До их окопов с юго-востока было теперь не более двухсот шагов, с северо-запада — шагов сто шестьдесят, и только с западной стороны, где было озеро, расстояние оставалось прежним.

Медленно таял наш отряд. Каждый день редели ряды его защитников. Умирили раненые. Их отправляли на баррикады, а в хотон ежедневно поступали новые.

Раненых уже некуда было класть, их насчитывалось девяносто человек. Темно, душно, сыро. Во рту приторный, вызывающий тошноту привкус.

В юрте и хотоне царит постоянная ночь. Как тени, со светильниками в руках ходят от одного раненого к другому фельдшеры, делают перевязки.

Пули цокают снаружи о стену хотона, пробивают насквозь, со звоном лопнувшей струны проносятся над ранеными, ищут новых жертв.

— Товарищ Строд! — зовет раненный в живот красноармеец Попов.

Я подошел к нему. Нагнулся, взял холодную руку.

— Что, товарищ Попов? Я здесь.

— Скоро ли выручка из Якутска придет?

— По моему расчету, дней через пять, самое большее через неделю. Трое нарочных посланы с донесением по

разным дорогам. Хоть один-то должен прорваться! Байкалов выручит, и, конечно, Пепеляев будет разбит наголову!

— Иван Яковлевич, я этой выручки не дождусь. Я скоро умру. Чувствую, как все во мне холодеет, ноги уже как лед стали. Скажи отряду, что я хочу сказать несколько слов.

Я передал слова умирающего. Все затихли. Даже раненые задержали свои стоны.

— Товарищи! Я умираю за Советскую власть... Призываю всех вас бороться до последней возможности. Не сегодня-завтра придут наши и вас выручат. Не сдавайтесь! Если не устоите, сделайте, как решили... Взорвите всех на воздух — пусть наше красное знамя упадет вместе с нами и прикроет нашу могилу. Да здравствует Советская власть и Ленин!

Цокнула пуля. Пробив стену, ударила меня в ногу. Лег рядом с Поповым. Он уже перестал дышать. Сердце красного партизана, горевшее революционным энтузиазмом, жившее горячей верой в победу, затихло...

На этот раз пуля пробила только катанок, и я отделался синяком. Но нога болела, заставляла прихрамывать.

Небо заволакивалось грозными тучами, предвещавшими снегопад. На дворе стало теплее. Потянуло ветерком. Он все усиливался и крепчал.

Тайга затянула свою однообразную, нудную песню. Часов в десять вечера разыгралась настоящая буря, редкая в этом краю. Застонал, загудел ветер в таежных просторах. Закружилась, буйно бросаясь снегом, злая вьюга.

Весь отряд в окопах. Каждую минуту ждем атаки белых. Вряд ли они пропустят такой удобный для штурма случай.

Сегодня, как видно, природа против нас, она заключила союз с пепеляевцами, маскируя их атаку. Мы же от вылазки решили воздержаться, боялись потерять связь в своей цепи, подойти к окопам противника разрозненно. Кроме того, во время метели была опасность пепеляевцев спутать со своими. Вылазку отложили до завтра.

Ожидая наступления белых, все подтянулись, повысили бдительность. Вперед, шагов на шестьдесят от окопов, выдвинули в разные стороны несколько секретов, по три бойца в каждом. Несмотря на скудный запас дров, во дворе развели несколько больших костров. Теперь человека можно было разглядеть шагов за тридцать — сорок перед окопами. На душе стало легче. Каждый почувствовал себя увереннее и бодрее.

— Теперь незаметно не подойдут. Предупредят секреты, осветят костры, — говорили красноармейцы.

Пулеметы готовы к бою. Как только появились первые признаки надвигающейся метели, пулеметы подготовили к стрельбе вслепую на сорок — пятьдесят шагов. Винтовки заряжены, запасы патронов пополнены, гранаты под рукой.

«Динамитная команда», как называли красноармейцы Волкова и Пожидаева, осталась в юрте. Они проверили спички, осмотрели, не отсырело ли сено, и только после этого с каменными лицами уселись у открытого погреба в ожидании сигнала.

Белые не наступали, даже мало стреляли. Молчали и мы. И только через каждые пять — десять минут слышна была переключка наших часовых-наблюдателей. Голоса разрывались и тонули в визге разыгравшейся стихии:

— Бу-удь на-че-ку-у!

— Смо-о-три впе-ре-од!

Наконец забрезжил долгожданный рассвет. Постепенно стихла метель, а вместе с ней улеглась и наша тревога.

Половина отряда оставила окопы и перешла в юрту на отдых. Немного раньше снялись секреты. Возвращаясь, они прихватили с собой несколько трупов убитых перед окопами пепеляевцев и уже успели пристроить их на баррикады.

— К нам прибыло подкрепление, — шутили бойцы.

— Не к нам, а к мертвецам, — поправляли их.

И нужно сказать, «подкрепление» было кстати. Некоторые трупы на баррикадах пострадали от пулеметного огня противника так сильно, что больше уже не являлись надежной защитой от пуль. Теперь их заменили.

А белые использовали ночь для продвижения своих окопов и приблизились к нам еще шагов на тридцать.

Противник остался верен своей тактике измора и не наступал.

Следующий день выдался ясный. Бури как не бывало. Легкий морозец чуть пощипывает щеки. Искрится, нежится и охорашивается в лучах солнца зелено-белая тайга.

В окопах, прижимаясь к укрытию, оборванные, с худи, черными, осунувшимися лицами, с обмороженными руками, с больными, застуженными ногами укрылись красноармейцы. Десятки людей лязгают затворами, вскидывают к плечу винтовки и безостановочно стреляют по опушке леса, по окопам, амбару и дальним юртам, где мелькают и торопливо прячутся белые.

Противник с остервенением бьет из винтовок и двух пулеметов, пули барабанят по хотону, юрте, баррикадам. Сизый пороховой дымок тонкой, прозрачной вуалью стелется в воздухе, поднимается вверх, путается в ветвях деревьев, цепляется за косматые верхушки сосен и, оторвавшись от них, уходит ввысь и тает в бездонной синеве неба.

В тот день в Сасыл-сысы появился отряд Артемьева. Из вражеских окопов отчетливо доносился высокий звонкий голос Артемьева. Мы скоро почувствовали и отметили своей кровью присутствие нового врага.

Среди артемьевцев было немало таежных снайперов. Теперь стоит высунуть из-за укрытия голову, и меткая вражья пуля настигает бойца. Вздрогнет, закачается красноармеец, тяжело осядет на дно окопа, а по лбу его или по виску из круглой дырочки ползет полоска алой крови.

Походило на то, что пепеляевцы готовились к атаке. Насторожились наши пулеметы, нацелились своими стальными глотками на изломы вражьих окопов.

Целый день не утихала стрельба. Измотались бойцы. Обед не варили, голод утоляли сырой кониной.

— Вот сволочи, передышки не дают. Им-то хорошо, пожрали небось, а нам каково, — ругались красноармейцы.

Солнце медленно прятало свой огненный диск за гребнем гор. И вот уже, в последний раз брызнув снопом лучей, скрылось совсем. Короткие сумерки легли на

землю. В небе зажглись первые звезды, незаметно ночь накинута свое черное покрывало. Мы облегченно вздохнули.

По нашему расчету, сегодня должно быть 28 февраля. Часов около десяти вечера пепеляевцы стали вызывать нас на разговоры.

— Эй! Кра-а-сные, а кра-а-сные! Чего молчите? Отзовитесь.

— Что надо? Опять новость какую выдумали? Или пушка прибыла?

— Орудие недалеко. Сегодня было бы здесь, но в дороге опрокинули, что-то погнули, исправляют. Привезут завтра к обеду. Мы хотим переговорить с вами. Вышлите одного человека на середину. От нас тоже один выйдет.

— О чем хотите говорить?

— Есть о чем. Выходите — узнаете.

— Передадим командиру.

— Хорошо.

Было решено в переговоры вступить. Пепеляевцам сообщили, что мы согласны выслать одного красноармейца, но только завтра в девять часов утра.

Белые согласились и ночью не стреляли, благодаря чему наши «снегоносы» натаскали снегу чуть ли не вдвое больше, чем обычно. В ту же ночь при тусклом свете коптилки мы заготовили письмо следующего содержания:

«Генерал Пепеляев, вы думали в феврале взять Якутск, в марте — всю автономную республику, в апреле — Бодайбо и Киренск, а весной наступать на Иркутск, затем форсированным победоносным маршем пройти Сибирь и в двадцать четвертом году быть в Москве.

Но суровое лицо жизни — железная действительность, а не роман, не сказка из «Тысячи и одной ночи». Не приходится говорить о Москве, Иркутске, даже Якутске, если вы не можете всеми своими силами взять небольшой отряд.

Теперь вы могли убедиться, что ваше поражение неизбежно, а ваши мечты о завоевании Советской России остаются только мечтами, пустым, трескучим звуком.

Мы вспоминаем кавказскую басню про барана, который ожирел и стал просить бога, чтобы тот послал ему встречу с волком.

Не будьте же глухи и слепы, не проливайте напрасно

крови. Вторично предлагаем вам сложить оружие и сдаться на милость Советской власти.

Помните, что она сильна и непобедима и добровольно сдавшегося врага почти всегда милует».

Часов в девять утра начальник обороны Жолнин с белой повязкой на рукаве и с письмом в кармане вышел из окопов. На середине между позициями его встретил пепеляевский унтер-офицер. Обменялись рукопожатием.

Шагов за сто по ту сторону, под деревьями и в окопах, группы белых зорко наблюдают за разговаривающими.

По эту сторону прислушиваются с винтовками в руках красноармейцы. У пулеметов наготове наводчики.

— Ведь мы знаем, вам очень плохо, — говорит белый. — В особенности раненым. Хлеба у вас нет, и еще хуже — нет перевязочных средств и медикаментов.

— Ничего, — отвечает Жолнин, — наши раненые не жалуются. Перевязываем каждый день, бинтов достаточно, медикаменты тоже есть. Правда, нет хлеба, но зато мяса много.

— Гм... так вы не думаете сдаваться?

— Нет, не думаем.

— Ожидаете выручки?

— Да, ожидаем.

— А если выручка не придет, а мы возьмем Якутск, тогда сдадитесь?

— Нет, все равно не сдадимся. Мы все решили, что лучше умереть, чем сдать золотопогонникам. А относительно Якутска, то вам не видать его как своих ушей. Разве что пленными туда попадете, не иначе. Если вы только для этого и переговоры затеяли, то незачем было и огород городить. Так и передайте его превосходительству, генералу Пепеляеву.

— Ну что? — кричит из лесу офицер. — Отказываются сдаваться?

— Да. Говорят, будут биться до последнего.

— Ну и черт с ними! Скоро и так возьмем. Проклятые коммунисты! Не разговаривайте больше, идите обратно. Взяв письмо, пепеляевец ушел.

Вернулся в свои окопы и Жолнин.

Минут десять было тихо. По-видимому, белые читали наше письмо. Ничего не ответили, только открыли стрельбу.

Завтра 2 марта. Запаса дров хватит не более чем дня на три. А сено уже кончилось. Два дня не меняем под ранеными подстилку, она превратилась в навоз. Доедаем последних лошадей. Паек еще уменьшили, но и при такой даче мяса хватит лишь на четыре—пять дней. Правда, имеются туши коней на окопах, но брать их нельзя.

Надвигается голод. Медленно, но верно приближается голодная смерть. От вылазки в связи с появлением отряда Артемьева пришлось отказаться. Одна надежда на скорую выручку, иначе гибель неизбежна.

Времени около четырех часов утра. Раненые спят. У давно потухшего камелька мерцает огонь светильника. Фельдшер наклонился над умирающим Хаснутдиновым. После ранения он так и не приходил в себя, все время метался в жару, бредил, кому-то угрожал, кого-то о чем-то просил.

Как раз в это время из кучи тел отдохавшей в юрте смены вскочил красноармеец. С криком: «Товарищи! Белые наступают», выбежал во двор. Проснулись остальные, бросились за ним. Оказалось, что наступление пепеляевцев бойцу приснилось.

Но почти всю эту ночь у противника было слышно движение. О том, что пепеляевцы замыслили, можно было только строить догадки. Возможно, они проводили смену частей, а может быть, к ним прибыло подкрепление и они готовили атаку?

Наступило утро — у противника все замерло. Но вот щелкнул выстрел, другой, третий. Зататорили пулеметы...

Пепеляевцы открыли сильный огонь из винтовок и пулеметов. На этот раз они стреляли разрывными пулями. Падает, рвется тысячами осколков стальной дождь на баррикады из человеческих тел. Будто щелкают сотни бичей.

Красные бойцы ждут, что вот-вот тайга выкинет вражеские цепи. Все готовы. Крепче сжимают винтовки. Насторожились пулеметы.

А наступления все нет и нет.

В тот момент мы не знали, что Байкалов уже наступает на Амгу, а отряд Курашова, прозванного «дедом», с боем идет к нам на выручку.

ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

аши осажденный отряд приковал к Сасылысы значительные силы белогвардейцев. Тем не менее пепеляевцы попытались осуществить и некоторые другие операции.

В середине октября 1922 года генерал-майор Ракитин, сформировав отряд в составе сорока пяти русских и семидесяти пяти солдат-якутов, пешим порядком вышел из Охотска на Якутск. Через десять суток, дойдя до станции Аркинской, задержался и около двух месяцев ожидал оленьего транспорта.

Чтобы создать себе базы на подступах к Якутску и организовать антисоветские отряды вблизи города, 15 ноября Ракитин командировал в Чурапчинский район полковника Хутоярова с восемью офицерами.

Имея хороших проводников, Хутояров обходил наши заставы и гарнизоны, иногда сворачивая для этого с дороги и идя целиной. 4 января он пришел в Крест-Хольджай, где застал прибывший из Оймякона белогвардейский отряд Петра Оросина из шестидесяти якутов.

С таким подкреплением Хутояров вышел на фронт Чурапча — Нижняя Амга. Осуществив неожиданный налет на деревню Татту, он захватил там одного телеграфиста и восемь телефонистов. От них он узнал, что в семидесяти верстах от Татты, в Нижней Амге, стоит красноармейский отряд Самсонова, и решил пойти на провокацию. Полковник вызвал Самсонова, который еще не знал о па-

дени Татты, к прямому проводу. Между ними произошел такой разговор:

— Здравствуйте, товарищ Самсонов. Штабу срочно нужны некоторые сведения. Сообщите, сколько в отряде человек, сколько пулеметов, как обстоит дело со снабжением отряда и каково моральное состояние бойцов.

— Кто со мной говорит? — спросил Самсонов. Не получив ответа, он продолжал: — Во-первых, просимые вами данные о численности и вооружении отряда штабу хорошо известны. Во-вторых, если вы из штаба, то должны знать, что сведений открытым текстом не передают. Сообщите свою фамилию, и я передам вам все необходимое шифром.

На другом конце провода молчали. Самсонов стал догадываться, что разговаривает с чужим человеком. Вряд ли работник штаба мог позволить себе такую вольность.

— Что касается боевого духа красноармейцев, — продолжал он после небольшого раздумья, — то он очень высок, отряд горит желанием скорее встретиться с пепеляевцами. Кстати, скажите-ка, сколько лет вашей бабушке?

— Прошу без шуток. Вам приказано, и немедленно дайте запрошенные сведения. Нечего обезьянничать, не то будете преданы суду.

— Товарищ командир, — обращается к Самсонову телеграфист, — это говорят не из Чурапчи, я свои аппараты по линии знаю и телеграфистов тоже. Тут что-то неладное. Это говорят из Татты, а кто — черт его знает.

— Пожалуй, ты прав. А ну-ка вызови по телефону Татту.

Загудел аппарат:

— Есть!

Самсонов взял трубку:

— Товарищ, кто у вас там дурака валает? Разве не понимаете — обстановка военная, и за это влетит по первое число? Скажите, кто говорил со мной по проводу и кто у телефона?

— Говорит Татта, у телефона сотрудник штаба, только что прибывший из Чурапчи. Фамилию мою вы не знаете, так как несколько человек нас прибыло из Иркутска для укомплектования штабов в Якутске и Чу-

рапче. Меня Байкалов откомандировал в Чурапчу. Вам идет подкрепление. Сейчас же сообщите запрошенные сведения.

Самсонов понял, что в Татте случилось что-то неладное и у него обманным путем хотят выведать данные об отряде.

— В подкреплении я не нуждаюсь, сил у меня достаточно. Пока не ответите на мой вопрос, никаких сведений от меня не получите. Не треплите по-пустому языком.

— Я не треплю. Выеду к вам в гости. Скажите, есть ли у вас спирт и за какое время я сумею до вас добраться?

— Довольно гавкать! Я вижу, что ты просто бандюк.

— Я не бандюк, а полковник Хутояров. Банда — это вы, большевики.

— Ага, так бы сразу и говорил! Здравия желаю, ваше высоко не достанешь благородие. Откуда прибыли? Куда и зачем путь держите? Пожалуйте к нам в гости, угостим хорошо, кухня у нас замечательная. Меню лучше харбинских ресторанов, обед из четырех блюд: на первое — суп из винтовочных пуль, на второе — жаркое из пулеметных, на третье — пудинг «гранат», четвертое по выбору — штык или приклад.

— Насчет угощения увидим — кто кого лучше попотчует. Я не один, нас пришли тысячи русских офицеров и солдат. За нами вся Якутия. Вы сидите и ничего не знаете: Чурапча в наших руках, скоро будем в Якутске. Предлагаю вам сложить оружие, иначе вас постигнет жестокая расправа. Мы умеем драться, у нас все старые фронтовики, участники мировой войны.

— Не напугаешь, не таких видали! Если не хочешь получить паспорт на тот свет, скорее сдавайся и получай пропуск в тюрьму.

После этого разговора Хутояров снял телеграфный и телефонный аппараты, обезоружил телефонистов и ушел в тайгу. Связь по проводу Чурапча — Татта — Нижняя Амга была нарушена.

Узнав месторасположение отряда Хутоярова, штаб восточно-боевого участка решил ликвидировать его. В самой Чурапче свободных сил для этой операции не было: отряды стояли гарнизонами в разных местах. К командирам отрядов Озолю и Моторину полетели

гонцы с приказанием немедленно выступить против Хутоярова. А пока, чтобы не потерять из виду отряд белых, для наблюдения за ним из Чурапчи 10 января выслала конную разведку в тридцать пять сабель под командой Вихорева. Сутки спустя наша разведка вошла в соприкосновение с белыми.

Хутояров установил, что перед ним слабый конный отряд красных, и решил уничтожить его. Собрав все свои силы, он окружил Вихорева в месте ночлега в местности Итык-Кель.

Отчаянно дрались наши разведчики, целый день отбивая атаки белых. У бойцов осталось по пять — десять патронов. Еще одно наступление противника — и поражение неизбежно. Решили пойти на рискованный шаг.

Ночь как раз спускала на землю свой черный покров. Молчит темная тайга. Изредка раздаются выстрелы из цепи противника, расположившейся кольцом вдоль опушки леса. В одном месте тайга расступилась, прорезанная длинной узкой поляной. Вихорев уже на коне. Без шума садятся в седла бойцы отряда.

Отдохнувшие лошади резво рванули вперед, понесли в проход, отмеченный белеющим снегом. Враг не сразу заметил маневр красных. Потом спохватился. Затрещали выстрелы, засвистели пули, но уже поздно. Всадники проскочили через огненное кольцо.

Вихорев отошел на двадцать верст к западу. Там встретил роту Озоля в девяносто девять штыков, шедшую к нему на подкрепление. Вместе двинулись к лагерю Хутоярова. Но, придя на место боя, белых не застали. У жителей узнали, куда они ушли, двинулись следом.

К вечеру наткнулись на сильно укрепленную позицию Хутоярова в Олбе. Пытались наступать, но сильный огонь белых, хорошо защищенных толстым валом из балбах, остановил атаку, потом вторую.

Что делать? Сил для атаки мало. Послали донесение в Чурапчу. Через два дня подошла рота Моторина в пятьдесят штыков, привезла с собой скорострельную малокалиберную пушку.

Наутро снова перешли в наступление, и опять безрезультатно. Пушка не пробивала почти двухаршинные белогвардейские укрытия.

Снова в Чурапчу полетело донесение о результатах вторичного наступления и с просьбой выслать трехдюймовое орудие. Но такого орудия в Чурапче не оказалось.

Начальник восточно-боевого участка приказал Вихореву отойти в Татту. Не станут же белые вечно сидеть в окопах, пусть выйдут в поле.

Красный отряд отступил. Полковник Хутояров торжествовал. Чувство победителя окрылило его. По всему району он разослал агитаторов вербовать добровольцев, но запись шла туго. За все время в отряд вступило всего десять человек.

Чувствуя, что в народе сильно влияние большевиков, Хутояров издал и распространил среди населения такой приказ:

«Принимая во внимание, что государственным и политическим управлениям ЯАССР по Якутской области организована сеть осведомителей (шпионов), и находя такое явление очень вредным в деле освобождения края от Советской власти (коммунистической диктатуры) и установления правовых устоев общественно-государственной жизни, и что шпионами являются люди, потерявшие свою общественную совесть и очень вредные для общества, приказываю:

1. Осведомителям-шпионам (список коих имеется у нас, который будет опубликован в следующем приказе) Советской власти в однодневный срок со дня опубликования настоящего приказа выехать из районов, освобожденных от большевиков, в г. Якутск.

2. За неисполнение настоящего приказа виновные будут арестованы и преданы военно-полевому суду.

3. Всем воинским частям и органам местной народной власти вменяется в обязанность неуклонно наблюдать за точным исполнением.

Начальник якутского летучего отряда полковник Хутояров».

Наверное, полковник рассчитывал, что после такого приказа советские подпольные работники выпучат глаза и с ужасом разбегутся кто куда. А в душе они останутся даже благодарными Хутоярову за предупреждение. Смотрите, какой, мол, добряк этот полковник: знает

всех, имеет на руках список и никого не трогает, разрешает спокойно выехать в Якутск. Не догадался только предоставить перевозочные средства!

Приказ полковника Хутоярова остался взмахом картонного меча. Нашими помощниками в деле ликвидации белых авантюристов являлось все трудовое население Якутии. Оно никуда не уехало, оно не имело никакого желания бросать свое хозяйство на разграбление, зная, что все полковники и генералы скоро сами будут улепетывать восвояси.

Нерадостная обстановка сложилась и у генерала Ракитина. Его отряд в двести пятьдесят человек во второй половине февраля прибыл в Баягантайский наслег, в двадцати верстах восточнее Чурапчи.

Якутское советское правительство предложило генералу прекратить борьбу и гарантировало всем добровольно сдавшимся неприкосновенность личности. Обращение Якутского советского правительства было передано Ракитину товарищами Жарных и Байкаловым (первый являлся братом, а второй — сыном командующего. — *И. С.*).

Генерал Ракитин сложить оружие отказался, а парламентариев арестовал. Но потом, отобрав у них оружие и документы, отпустил в Якутск. Таким образом, и на эту попытку Советской власти мирным путем разрешить авантюру Пепеляева белогвардейцы не реагировали.

Больше того, вскоре генерал Ракитин открыл военные действия, решив занять селение Мягинская управа и тем самым прервать связь красных отрядов, находящихся в Чурапче, с Якутском. Незаметно подобравшись к самой околице селения, отряд генерала бросился в атаку. Но гарнизон селения не растерялся и встретил атакующих убийственным огнем. При первых же выстрелах красных якуты-отрядники залегли на открытом месте, стали нести большие потери. Никакие приказания и личный пример офицеров не могли поднять их на продолжение атаки.

Потеряв до сорока человек убитыми и ранеными, Ракитин вынужден был снова возвратиться к Чурапче.

После этой неудачи среди якутов стало наблюдаться недоверчивое отношение к русским командирам. Привыкшие действовать только из засад, они считали мя-

гинскую атаку бессмысленной затеей русских офицеров, которым, дескать, не жалко якутов.

Скоро генерал Ракитин совершил нападение на Чурапчу. Но и этот налет оказался неудачным. Здесь белогвардейцы потеряли около тридцати человек убитыми и ранеными.

А вскоре чурапчинский отряд, которым командовал опытный боевой красный командир Е. И. Курашов, получил от командующего Байкалова приказ выступить на выручку осажденного в Сасыл-сысы нашего отряда.

Одновременно туда же должен был выступить из Якутска и сам Байкалов.

Чтобы ввести Ракитина в заблуждение, «дед» сделал хитрый ход. Он подготовил два приказа по гарнизону. Первый был фиктивным и предлагал гарнизону отойти на Якутск. Второй же, настоящий, ставил чурапчинскому гарнизону задачу выступить на Амгу и соединиться с осажденным в Сасыл-сысы отрядом.

Курашов сделал так, что нарочный, посланный из Чурапчи в Якутск с донесением и ложным приказом, был захвачен белыми. Радуюсь возможности одним ударом уничтожить подразделение красных и поднять уверенность якутов и свой престиж, Ракитин, долго не раздумывая, в ту же ночь обошел Чурапчу с запада, вышел на якутский тракт и верстах в тридцати пяти сделал засаду.

Таким образом, Курашов избавился от генерала Ракитина и, оставив в хорошо укрепленной Чурапче небольшой гарнизон, выступил на Амгу. Теперь на его пути был только отряд белых полковника Варгасова.

История этого отряда невелика. Еще после занятия Пепеляевым Амги к нему явились три представителя тойонства — Д. И. Слепцов, Протасов и А. И. Слепцов. Они уверяли, что в северных областях имеется до девяносто повстанцев, но нет руководителей.

Пепеляев внял заявлению «представителей» и отправил с ними в район Чурапчи полковника Варгасова. Но вместо ожидаемых девяносто, полковник набрал там всего восемьдесят два человека и с этим отрядом перехватил дорогу Чурапча — Амга, чтобы отрезать Курашова от Сасыл-сысы. Сейчас при подходе «деда» отряд белых разбежался и открыл ему путь.

Варгасов тут же послал Пепеляеву донесение. Оно характерно, так как показывает настроение в белогвардейских отрядах, и я приведу его.

«По моем приезде численность всех партизанских¹ отрядов оказалась в 82 человека, — писал полковник.

На следующий день я занял тракт Чурапча — Амга. Два часа с Д. И. Слецовым уговаривали Протасова, который ни за что не хотел перебросить отряд из своего наслег. Тогда я собрал весь отряд, сказал, кто я, кем и для чего сюда послан, что под Амгой идут бои и что нам надо готовиться к выступлению.

Обвешанные патронами, молодежавшего вида партизаны дали мне полную уверенность в том, что с ними можно дело сделать. Но как только они узнали о переброске отряда, то сразу начали ходить с кислыми лицами и совершенно неожиданно для меня начали просить уволить их, мотивируя усталостью и домашними обстоятельствами. Егор Аммосов заявил, что поступал в отряд как наследный милиционер, и воевать не желает.

Только после моего категорического заявления, что увольнение генералом запрещены, я смог отправиться на фронт. Отряд уже не имел никакой силы, а по внешнему виду представлял толпу.

В это время везде и всюду якуты только и говорили о событиях в Сасыл-сысы и что из Якутска движутся на Амгу крупные силы противника. Кем-то распространялся слух, что красных около тысячи человек.

Принятые мною меры к опровержению этих слухов цели не достигали, так как Д. И. и А. И. Слецовы заблаговременно убрались — первый еще 16 февраля к Ракитину, а второй 20 февраля удрал к красным. Остался один Протасов.

22 февраля, на рассвете, красные — 250 человек при одном оружии — выступили из Чурапчи на Амгу. Моя застава очистила дорогу, и только пять человек дрались до последнего, и все погибли.

Я послал с донесением генералу Ракитину поручика Токарева, который был захвачен красными.

¹ Партизанскими белогвардейцы называли отставшие при бегстве колчаковских войск небольшие отряды, оставшиеся в тылу наших частей и превращавшиеся, по существу, в бандитские шайки.

После этого заявления об увольнении стали более настойчивыми. Тот же Егор Аммосов в присутствии партизан и Протасова бросил мне винтовку и патроны и заявил, что больше служить не будет.

Я его арестовал, но пример его оказался заразительным, на другой день из 2-й роты ушли около 25 человек.

23 февраля, около 10 часов утра, мне сообщили, что показалась колонна всадников около 50 человек, которые спешиваются.

Обливаясь потом, таща каждого буквально за рукав, я разместил партизан на позиции и с пятисот шагов открыл огонь по наступавшему противнику, который в свою очередь открыл огонь из кольта и шоша.

Чтобы ликвидировать угрозу с правого фланга, я решил отвести вправо, на очень хорошую позицию имевшийся у меня резерв в 14 человек. Скомандовал: «За мной, бегом!» — и под пулеметным огнем мы перебрались и залегли за балбахами.

Только тогда я увидел, что со мной только один переводчик, а все остальные якуты садятся на коней.

Мне с переводчиком путь отступления уже был отрезан уничтожающим огнем, а лошади мне мои подчиненные не сообразовали оставить. Однако красные дальше не пошли, и я пролежал до вечера в снегу, потом пришел в юрту и хотел догнать свой отряд, но не знал, где он, да и якуты стали совсем другими; нарочным никто ехать не желает, лошадей, говорят, нет и о положении на фронте никто ничего не знает».

Так рассыпался отряд полковника Варгасова. Сам он только случайно узнал о близости отряда генерала Ракитина и примкнул к нему.

А генерал Ракитин, прождав безрезультатно более суток в засаде, понял, что красные его надули. Сгоряча он хотел броситься вдогонку за Курашовым, но среди бойцов его отряда тоже началось брожение. Стали ползти слухи, что якуты вообще не желают воевать с красными и что они намереваются при первом удобном случае обезоружить белых и передать их советским властям.

Ввиду этого генерал Ракитин, намеревавшийся было пойти на соединение с Пепеляевым, предпочел распустить всех якутов и с двадцатью шестью русскими спешно направиться в Охотск.

Итак, Пепеляев получил спешное донесение о том, что в Сасыл-сысы движется сильный отряд красных войск Курашова с орудием.

Оставив с Вишневым отряд Артемьева и человек тридцать русских добровольцев, Пепеляев с дружиной бросился навстречу Курашову, торопясь занять выгодную позицию. 26 февраля отряд «деда» в местности Элесин вступил в бой с пепеляевцами и нанес им значительный урон. Потери белых составляли около шестидесяти человек ранеными и убитыми.

Во время боя пулеметчику Ренкусу удалось испортить один пулемет и с восемнадцатью бойцами перебежать к Курашову.

28 февраля произошел второй бой, также неудачный для дружины, которая потеряла убитыми и ранеными около тридцати человек. К «деду» перебежали еще двенадцать бойцов.

А потери в отряде Курашова за оба боя не превышали сорока человек.

Тогда Пепеляев укрепился в селении Арылах и хотел дать «деду» еще один бой. Но Курашов обошел селение. Старый, опытный командир, он поставил себе целью возможно скорее выйти в Сасыл-сысы.

Пока генерал нерешительно маневрировал в районе деревни Элесин, отряд Курашова успешно продвигался к Сасыл-сысы, где перед нашими окопами сидел генерал Вишневецкий.

Такова была обстановка к тому моменту, когда командующий красными войсками в Якутии Байкалов, собрав весь гарнизон Якутска численностью около шестисот бойцов, при двух орудиях и восьми пулеметах, выступил по направлению к Амге. Здесь к этому времени оставалось около 150 белогвардейцев, много раненых и продовольственные запасы пепеляевцев.

О подходе к Амге якутского экспедиционного отряда Пепеляев не знал. Это во многом объяснялось тем, что население сочувствовало Советской власти, и, хорошо зная о движении отряда Байкалова, молчало об этом или сообщало ложные сведения.

Правда, Пепеляев на всякий случай выбросил на амгинский тракт для разведки отряд полковника Хуто-

ярова. В ста верстах от Якутска тот столкнулся с красными, но был отогнан. Вступить в бой полковник не рискнул, а без боя сведений о красных получить не мог.

Так отряд Байкалова и не был опознан белыми до подхода к Амге. Лишь первые орудийные выстрелы дали знать противнику, что он имеет дело с крупными силами красных из Якутска.

До Амги оставалось не более двух верст, когда отряд принял боевой порядок для наступления. Постепенно исчез мрак ночи. Густым туманом, точно завесой, укуталась Амга. Слышна тихая, вполголоса, команда.

Отряд быстро подготовился к бою. Дивизион ГПУ рассыпался в цепь вправо от дороги, левее его расположились чоновцы; пулеметы прямо на санях находились между цепями; артиллерийская батарея подготовилась для стрельбы прямой наводкой.

Отряд Якнарревдота по распоряжению командующего выбрасывается на двадцать пять верст западнее Амги в сторону Чурапчи, чтобы вести непрерывное наблюдение за передвижениями главных сил Пепеляева.

Неожиданно для всех ударил первый выстрел из орудия. В воздухе просвистел снаряд, с треском разорвался где-то в селе.

Выстрел трехдюймовки нарушил мирный сон обитателей слободы и предупредил пепеляевцев об опасности. В Амге завыли собаки, замычал скот, беспокойно заматались дремавшие в загородках кони. Караулы белых открыли ружейный огонь в направлении стрелявшей пушки.

Нашему командованию не следовало производить преждевременный выстрел. Он помешал использовать решающий элемент боя — внезапность.

Из-за глубокого снега цепь наступающих двигалась медленно. Туман начал рассеиваться, и вскоре наши бойцы оказались на виду у белых.

Противник открыл огонь. Большинство амгинского гарнизона состояло из офицеров и стреляло метко. В цепи появились раненые, убитые. Первыми пали лихие пулеметчики и комиссар отряда ЧОН Ляжнин. Пуля угодила ему в голову.

Бой разгорался.

В цепи наступающих никто не ложится. Стиснув зубы, на ходу стреляя, бойцы в полный рост продвигаются все вперед и вперед. Цепь чоновцев изогнулась острыми изломами. Давала себя зная разница в возрасте. Старнки партийцы и бородачи рабочие отстали от молодых. Многие на ходу поскидали дохи и полушубки, усеяв ими все поле.

Позже пленные белогвардейцы рассказывали:

— Бьем вас, люди валятся, а цепь вроде не уменьшается, все идет и идет вперед. Жуть нас взяла от такой храбрости.

Оказывается, белые приняли разбросанные дохи и полушубки за трупы убитых.

Наступило ясное морозное утро. Стало совсем светло. До окопов противника осталось шагов четвереста. Хорошо видны цепи наступающих. В них теперь легче целиться. Огонь со стороны белых усилился, стал метче. Все чаще пули поражают людей.

Красные залегли передохнуть, подтянуть отставших, набить опустевшие пулеметные ленты, поднести патроны.

Санитары принялись за работу, выносят раненых в безопасное место. Санитар Арефьев, саженого роста детина, берет сразу по два человека и несет их, ровно кули, под мышками.

На дороге в упряжи стоит пара лошадей. С саней пулемет Кольта звонко строчит по окопам. Летят встречные пули белых, ищут смелых пулеметчиков.

Их осталось только двое: начальник пулемета Горчаков и пулеметчик Егоров. Нервно дрожат кони, пугливо поводят ушами, но не двигаются с места, точно вросли в землю. Но вот пуля попала пристяжной в шею. Вздыбилась раненая лошадь, потом вместе с коренной дернула и понесла вперед, прямо по направлению к белым. Пулеметчики вылетели из саней, остались на дороге. Кольт на санях покачивается, подпрыгивает, но не вываливается.

Белые в этом направлении прекратили огонь, надеясь получить пулемет. На сто шагов унеслись кони от нашей цепи. Горчаков и Егоров открыли огонь по скачущим лошадям. На полном ходу споткнулся подстреленный коренник, следом грохнула пристяжная.

На дороге, между нашей цепью и пепеляевскими окопами, против правого фланга 1-й роты, появился человек в белой папахе. Командир роты Андреев понять не может: кто между двух цепей — наш или белый?.. Затем еще один человек подбегает к опрокинутым саням. Да это Горчаков с пулеметчиком! Оба залегли у саней. Через минуту снова раздался дробный стук знакомого пулемета.

Все ближе и ближе подходят к селению красноармейские цепи, теперь до окопов не больше ста пятидесяти шагов. А бой принимает все более решительный характер.

Не раз уже красные поднимались в атаку, но меткий огонь пепеляевцев и глубокий снег задерживали. Снова ложились и медленно проталкивались вперед. Два выдвинутых вперед окопа белых мешают, держат наступающих под перекрестным огнем. А теперь, в непосредственной близости, они стали особенно опасны. Вот когда нужна бы помощь артиллерии, но связи с нею нет — телефонов наши не имеют.

Командир ЧОНА Карпель посылает на батарею двух красноармейцев с приказом обстрелять эти огневые точки. Вскоре раздаются орудийные выстрелы. Снаряды рвутся в окопах белых.

Подъехавший верхом брат командующего Жарных передает приказ: «В атаку!». Сам спешивается и идет на правый фланг к дивизиону.

Карпель ловит лошадь, брошенную Жарных, вскакивает в седло, взмахивает наганом и громко кричит:

— За мной, вперед!

С группой человек в двадцать чоновцев и одним пулеметом он врывается в деревню. Под ураганным огнем белых почти все смельчаки погибают. Пули шадят самого Карпеля, командира отделения Черных и бойца Гоголя. Они залегли в окопах, очищенных от белых. Гоголь бросает гранаты. Карпель оборачивается к своим и кричит:

— Чоновцы, вперед! Еще немного вперед!

Пепеляевцы бешено отстреливаются. Вражеская пуля настигает Гоголя с занесенной в руке гранатой. Ранена лошадь Карпеля. Три пули одна за другой обжигают его самого, но ни одна не ранит. Огонь противника так

силен, что нельзя поднять головы. Атака красных отбита.

Первый взвод во главе с Андреевым далеко выдвинулся вперед, вплотную подошел к окопам, залег, ожидая роту. До противника рукой подать, и от пуль врага ежеминутно из строя выбывают бойцы. Положение стало невыносимым. Остается одно — ринуться вперед. Андреев командует:

— Приготовиться к атаке!

В это время из ворот больничной ограды ударил пулемет белых. Бойцы взвода еще глубже втиснулись в снег. Но, выпустив ленту, пулемет вдруг замолчал, с ним что-то случилось. Андреев хорошо видит, как нервничает человек у пулемета. Надо использовать благоприятный момент. Командир вскакивает, за ним весь взвод:

— Ура-а, ура-а-а!..

Окопы белых заняты. Выстрелом в упор из нагана Андреев убивает высокого капитана, поворачивает вражеский пулемет и бьет по бегущим пепелявцам. Из окон больницы стреляют раненые офицеры. В ответ летит несколько гранат. В больнице раздается треск, ломаются рамы, звенят разбитые стекла.

Взвод прорвал линию обороны белых, занял больничную ограду, рассыпался поперек широкой улицы, открыл огонь вдоль окопов по правому флангу противника. Горчаков на руках несет кольт, ставит у угла больницы и открывает стрельбу вдоль улицы по мечущимся белым. В то же время в деревню врывается национальная рота. Поднялся в атаку и дивизион. На самой околице выстрелом из-за угла убит Жарных.

Первым не выдержал правый фланг белых, побежал за речку, в кусты. Но левый фланг пепелявцев упорно обороняется.

Андреев, вышедший со взводом в тыл белогвардейцев, видит, как рослый офицер спокойно, точно на охоте, не спеша целится и стреляет в наступающих. Смотри, какой выдержанный. Но что это? Оказывается, спокойствие сразу покидает его, как только сзади раздаются выстрелы красных. Теперь и на левом фланге пепелявцы стали в панике покидать свои укрепления.

«Спокойный» стрелок, оказавшийся капитаном Медведевым, перепугался так, что забыл даже убежать. Оз-

лобленные красноармейцы хотели было поднять его на штыки. Андреев вовремя подоспел и не допустил расправы:

— Товарищи! Вам известно распоряжение командующего — пленным не трогать.

А капитан совсем потерял голову и только истерично кричит:

— Братья, пожалейте, не убивайте!..

Красноармейцы опустили винтовки. Кто-то с презрением сказал:

— До чего ты дошел, господин капитан, дрался храбро, а кончил позорно!

Привели целую группу пленных офицеров и всех отравили в штаб к Байкалову.

Окопы были уже очищены, но в слободе пепеляевцы с упорством обреченных цеплялись за каждый дом, сарай и, только расстреляв все патроны, сдавались, поднимая винтовки прикладами кверху.

В Амге было захвачено более двухсот пепеляевцев. В числе пленных оказались Куликовский и полковник Суров. Взята была вся продовольственная база дружины и более двадцати тысяч патронов.

Вдохновитель контрреволюционного движения Куликовский в момент пленения успел отравиться морфием, и, как только его привели в наш полевой штаб, он умер. В походной его канцелярии были обнаружены всевозможные штампы и печати для будущего «Якутского управления» и визитные карточки с текстом на французском языке: «Губернатор Якутской провинции». Здесь же хранились псалтырь, порнографические открытки и морфий.

Полковник Андерс, убежав к устью р. Мили, послал донесение о сокрушительном разгроме белых и падении Амги. Это известие надломило волю незадачливого завоевателя Якутии. Видя свой неминуемый разгром, Пепеляев поспешил прекратить военные действия. Он отдал приказание всем частям дружины срочно сосредоточиться в районе Сасыл-сысы. Здесь, собрав старших начальников, он объявил им свое решение о прекращении борьбы с Советской властью и об отводе дружины в порт Аян, чтобы остатки набранных им добровольцев смогли уехать за границу. О своем решении

Пепеляев послал сообщение в Охотск Ракитину и Михайловскому.

Уцелевшим добровольцам генерал заявил:

— Я ошибся в расчетах. Борьба с регулярной Красной Армией невозможна. Наше дело проиграно. Кто может — пусть идет со мной, кто желает сдаваться — пусть сдается.

Третьего марта Пепеляев начал отход на Охотское побережье.

БЛОКАДА СНЯТА

Наступил восемнадцатый день «ледовой осады». С утра противник вел слабый огонь. Когда стемнело, пепеляевцы дали несколько винтовочных залпов, выпустили ленту из пулемета, бросили десятка три шомпольных гранат, а после этого замолкли.

Подозрительная тишина. Все наши бойцы начеку. Пулеметчики проверяют свое оружие, выпускают очередь, другую, третью — ничего, пулеметы действуют исправно.

Но почему белые не отвечают? Никогда этого не было.

Вдруг с западной стороны из лесу выходят два человека. Идут прямо к нам. Кто бы это мог быть?

Подходят ближе, кричат:

— Не стреляйте, товарищи! Мы — перебежчики.

— Идите, не бойтесь.

Минут через пять неизвестные перешагнули окоп, зашли во двор, положили наземь винтовки, сняли патронташи, отвязали по одной гранате.

Спрашиваем:

— Кто такие?

— Пепеляевцы, хорунжие конного дивизиона Сергей Михайлов и Ювеналий Ровнягин.

Они сообщают нам, что Амга вчера занята Байка-

ловым. Пепеляев после неудачных боев с Курашовым бежит на д. Петропавловское. В Абаге уже, наверно, красные отряды. Осаждавший нас генерал Вишневецкий по приказанию Пепеляева задержался до вечера и с наступлением темноты ушел.

Вести, переданные перебежчиками, слишком радостны и слишком для нас неожиданны. Но не ловушка ли это?

Приказываю всему отряду быть наготове и занять места у баррикад. Метлицкий с двадцатью бойцами оставил юрту и отправился на разведку. Четыре красноармейца взяли под охрану хорунжих.

Тревожно, напряженно ждем.

Метлицкий с цепью подходит к опушке леса. Оттуда ни звука, ни шороха. Через несколько минут связные сообщают:

— Окопы белых пусты, никого нет.

Но все как-то не верится. Выставили сторожевое охранение. Чересчур большая радость. Она распирает грудь, захватывает дыхание. От нее трясутся руки, дрожит голос.

Часть людей отряда начала таскать воду из озера, носить из вражьих окопов сено для раненых, разбирать на дрова пустой амбар. Во дворе развели огромные костры, в юрте и хотоне затопили давно остывшие камелки.

Раненые, кто мог ходить, высыпали во двор.

Имевшийся у перебежчиков табак раскурили мигом — не хватило даже по папироске на каждого. Разрубили на куски остатки лошадиных туш, ведра набили мясом, поставили варить.

Хорунжий Михайлов попросил отправить его в Абагу для связи с красными. Я согласился, снабдив его письмом следующего содержания:

«Командиру первого встречного красного отряда.

Вечером 3 марта к нам перебежали два белых офицера, которые сообщили о занятии Амги Байкаловым и о близости «деда» Курашова. Пепеляев бежит в Петропавловское. Окружавший нас противник снял осаду вечером 3 марта и ушел вслед за Пепеляевым.

Вышлите связь. Пошлите медикаменты, бинты, хлеба и табаку. Находимся в местности Сасыл-сысы, в шести верстах восточнее Абаги».

Перед выходом Михайлов просит винтовку. Спрашиваю у него:

— Зачем вам оружие?

— Часть наших оторвались от дружины, идут группами по пять—шесть человек. Встретят без оружия—могут убить: сдаваться, скажут, идешь. А с винтовкой не будет подозрения. Я буду прихрамывать и отстану, так и доберусь до самой Абаги.

Мы вернули Михайлову винтовку, дали один патронташ, и он отправился.

В последнюю ночь никто из нас не спал. Все были слишком возбуждены. Со двора доносился оживленный говор красноармейцев и даже задорный смех. В хотоне и юрте, потрескивая, ярко горели дрова в камельках.

Я беседую с перебежчиком хорунжим Ровнягиным.

— Почему вы ушли из Владивостока и двинулись на Якутск? — спрашиваю у него.

— Мы знали, что Владивосток красные заберут, так как японцы заявили, что они уходят, и нам поневоле пришлось бы уходить в Японию или Китай. Мы были уверены, что Якутию займем и пойдем дальше на Сибирь.

— Значит, вы в Якутии мимоходом?

— Да. Мы рассчитывали из Якутска двинуться на Иркутск, поскольку нам говорили, что в Сибири повсюду восстания и что нас там ждут.

— А что лично вас заставило идти в Якутию?

— Мне хотелось попасть домой, повидаться с родными. К тому же я предрасположен к туберкулезу, а во Владивостоке климат сырой, вредный для легочных больных. В Якутии же, я слышал, климат сухой, сильные морозы, вот я и поехал с дружиной Пепеляева.

— Где ваша родина?

— В Семиреченской области, село Большой Токмак.

— А Михайлов откуда?

— Тоже Семиреченской области, из станицы Большой. Это недалеко от города Алма-Аты.

— Как же вы думали пройти этот путь от Якутска до Семиречья? Неужели с оружием в руках?

— Да. Мы надеялись, что свергнем Советскую власть.

— Почему вы шли против Советской власти?

— Я был против всех крайних партий и крайней левой и крайней правой. Я не хотел, чтобы властвовала какая-нибудь одна партия.

С удивлением смотрю я на перебежчика. Неужели и другие белогвардейцы всерьез были уверены, что Якутскую автономную республику они заберут голыми руками, а Красную Армию закидают шапками и пойдут на Сибирь?!

Светает. И по мере того как рассеивается тьма, виднее становится нам осажденный лагерь, все меньше верится в избавление.

Вдруг за озером на опушку леса выехали четыре всадника. Они что-то кричат, машут винтовками. Потом, заметив наше красное знамя, карьером пускаются к окопам. Следом за ними из лесу показалась новая группа. Впереди ее «дед» Курашов на своем неизменном гнедом коне Ваське и командир дивизиона Мизин.

Всадники вихрем врываются во двор. Бурная радость охватывает нас. Беспрерывно гремит «ура». Заключаем друг друга в объятия, целуемся.

Раненые, оставшиеся в хотоне, запели «Интернационал», и тогда все мы, как один, подхватили могучий гимн борьбы. Многие не выдерживают и плачут.

Но вот постепенно бурная радость улеглась. Пришло несколько подвод с продовольствием, табаком, медикаментами. Их быстро разгрузили. На освободившихся подводах стали перевозить раненых в дальние юрты. Фельдшеры ушли туда же и приступили к перевязке. Тела убитых снимали с баррикад и складывали рядами во дворе.

Прибыло несколько десятков подвод с заячьими одеялами, оленьими и собачьими дохами, с тулупами.

«Дед» Курашов со своим штабом вошел в юрту. Только теперь почувствовалось отсутствие в ней стола и скамеек, которые были сожжены в камельке во время осады. Но все нужное быстро притащили из других юрт. Сели. А слова все еще не идут с языка.

Один из прибывших вынул из кармана кисет, осторожно высыпал все содержимое на стол:

— Закуривай!

Мы потянулись к табаку. Зашуршала газетная бу-

мага. Каждый сворачивал сигарку побольше, чуть ли не с настоящей козью ногу.

«Дед», никогда не расстававшийся со своей трубкой, взглянул на табак, встал, медленными, спокойными движениями начал ощупывать себя, потом уже беспокойно стал рыться в своей полевой сумке. Выражение лица его становилось все озабоченнее. Он заглянул под стол.

Все начали осматривать пол юрты.

— Что, деда, потерял?

Курашов машинально вынул изо рта потухшую трубку, плюнул с досадой и проговорил:

— Да вот трубку потерял! Покурить бы надо, а она куда-то запропастилась.

Кто-то усмехнулся:

— А что у тебя в руке?

Раздался дружный взрыв хохота. Засмеялся и сам «дед», а затем промолвил:

— Вот так штука! Никогда со мной этого не было. Разволновался, видно. Много воевал, но такое, как у вас в Сасыл-сысы, первый раз вижу. От такой картины не только трубку, а и голову потеряешь.

Ефиму Ивановичу Курашову не больше тридцати пяти лет. Он среднего роста, с темной бородой и с такими глазами, под взглядом которых нельзя лгать.

Красноармейцы прозвали его «дедом» за медлительность, основательность, простодушное обращение. Даже провинившегося бойца он урезонивал, не повышая голоса:

— Друг любезный, ты подрываешь авторитет Красной Армии, бросаешь пятно на весь отряд. Надо беречь честь нашу, красное знамя — оно залито нашей кровью.

И надо сказать, такая манера разговора с провинившимся всегда достигала цели. Красноармейцы любили «деда» и сами поддерживали в отряде высокую дисциплину.

Скоро раненых начали эвакуировать в Амгу. Солнце пошло на закат, когда в лесу, за озером, скрылась последняя повозка.

Уходили и мы. Отряд выстроился во дворе. Люди помрачнели, фигуры стали мешковато-сутулыми, заросшие бородатые лица сосредоточены. Мы прощались с

погибшими товарищами, прощались с хотоном и юртой, волей судьбы ставшими крепостью Октября на глухом, далеком Советском Севере.

Кто-то запел «Вы жертвою пали в борьбе роковой», остальные подхватили хриплыми, простуженными головами. Двести винтовок и четыре пулемета трижды разрядились залпами прощального салюта. Сухим раскатистым эхом отозвалась тайга, глухим рокотом ответили ей угрюмые великаны горы.

Таежный скиталец ветер колыхнул знамя. Все изрешеченное пулями, оно гордо реяло над бойцами, которые сдержали свою клятву во имя революции...

Отряд оставил Сасыл-сысы. Здесь, на этой Лисьей Поляне, было положено начало конца «наполеоновским замыслам» колчаковского генерала, полководца без армии.

Избавление Якутии от белобандитов стоило нам очень дорого. В осаде наш отряд потерял больше половины своего состава: девяносто шесть раненых были эвакуированы в Амгу, шестьдесят три убитых товарища приняла братская могила в Сасыл-сысы. И только сто двадцать три уцелевших бойца переходили озеро, втягивались в опушку леса, готовые, если потребуется, пойти в новый бой с врагами Советов и, не задумываясь, отдать за народное дело свои жизни.

11 марта пепеляевская дружина пришла в д. Петропавловское. А на следующий день, очистив у жителей все амбары, забрав хлебные запасы, белогвардейцы направились вверх по реке Мае к устью Аима. Теперь в дружине насчитывалось всего лишь около двухсот пятидесяти человек, из них тридцать раненых.

Для преследования бегущего противника было выделено два отряда. Один, под командой Мизина, должен был выйти на реку Маю и занять станцию Аимская, до которой было около трехсот сорока верст. Пепеляеву же до Аима предстояло пройти около трехсот пятидесяти верст. Обойти или миновать эту станцию он не мог — других дорог не было.

Второй отряд — Курашова — должен был двигаться по следам пепеляевской дружины и также выйти к Аиму, где и соединиться с Мизиным.

Когда отряд «деда» вошел в Петропавловское, население встретило его со слезами радости. Председатель сельсовета сообщил, что в деревне добровольно остались 47 пепеляевцев, пожелавших сдать в плен на милость Советской власти.

Не задерживаясь в селе, Курашов 14 марта выступил в погоню. Через неделю, пройдя двести тридцать три версты, отряд «деда» догнал пепеляевцев в устье реки Юдомы. К тому времени в отряде Курашова появилось много босых, обувь пришла в негодность. Красноармейцы вынуждены были сами делать подобие обуви из сырых кож. Кормить лошадей было нечем. Приходилось рубить тальник и давать его животным вместо сена. А белые своих коней кормили зерном, отобранным у крестьян в Петропавловском.

На другой день, следуя по пятам пепеляевцев, отряд обнаружил сильную заставу противника. Наступать здесь было нельзя: мешали ледяные торосы. Курашов решил обойти заставу по скалам и глубокому снегу, на что потребовалось четыре часа.

За это время пепеляевцы снялись и ушли. Красноармейцы даже слышали, как Пепеляев здоровался с выстроившейся колонной:

— Здравствуйте, братцы добровольцы!

— Здравия желаем, брат генерал!

Отряд спустился на реку и продолжал преследование. Противник торопился, бросал обессиленных коней, сжигал имущество и увеличивал переходы. А лошади красноармейцев совсем выбились из сил. Тогда «дед» выбрал тридцать пять лучших из них, сформировал легкий отряд с пятью пулеметами и продолжал преследование. Всех остальных бойцов отправил обратно на Юдому.

Три раза маленький отряд Курашова завязывал перестрелку с арьергардом противника. В последний раз скоротечная схватка произошла в двадцати пяти верстах от Аима. Белые, подобрав семь легкораненых и оставив одного тяжело раненного прапорщика, бежали дальше. С нашей стороны потерь не было. Здесь пепеляевцы бросили также пятьдесят винтовок и два ящика патронов.

26 марта вечером маленький отряд «деда» прибыл в Аимскую. Она оказалась пустой. Мизина там не

было — он остался в устье реки Мили, в ста сорока верстах от Аима, мотивируя свое бездействие отсутствием фуража и усталостью бойцов.

Таким образом, единственная для белых «дверь» на Нелькан осталась открытой. Продолжать преследование не имело смысла — лошади совсем стали, людей было мало, да и они окончательно обессилели. 27 марта Курашов выступил обратно на Петропавловское.

А дружина Пепеляева 8 апреля снова очутилась в столь памятном для нее поселке Нелькан. Пепеляев созвал здесь тунгусский «съезд», на котором присутствовало около двадцати кулаков. На этом сборище генерал произнес речь.

В ней, пытаясь оправдать свое поражение, он высказал недовольство отношением населения. Он, видите ли, ожидал, что его примут с распростертыми объятиями, а народ в лучшем случае давал продовольствие и фураж. Желавших пойти в его отряд было очень мало. В то же время часть якутской интеллигенции перешла на сторону коммунистов и работала с ними рука об руку, а бывшие повстанцы из армии Коробейникова не только симпатизировали большевикам, но часть из них даже пошла добровольцами в Якнарревдот.

В заключение генерал заявил, что прошлогоднего энтузиазма, желания сражаться с большевиками у населения он не заметил. Ведь в прошлом году многие жители угоняли скот от красных в тайгу, прятались сами, а теперь, очевидно под влиянием политики Байкалова и работы якутской интеллигенции, население заняло другую позицию. Пепеляев попросил оказать ему последнюю помощь в эвакуации людей в порт Аян.

Тунгусы одобрили решение генерала уйти и согласились помочь остаткам дружины добраться до побережья. Пепеляевцы выступили в конце апреля, и к 20 мая вся дружина сосредоточилась в Аяне. Пепеляев мечтал зафрахтовать первый пришедший пароход для перевозки людей в ближайший заграничный порт.

Вишневого и начальника штаба дружины полковника Леонова с несколькими офицерами он командировал в г. Охотск на тот случай, если туда пароход придет раньше, чем в Аян. Но по дороге Вишневецкий узнал, что Охотск уже занят красными. Тогда он остановился и стал отсиживаться на берегу моря вместе с полков-

ником Леоновым, поджидая японскую шхуну, которая в то время развозила рабочих и соль японским рыбакам, разбросанным по всему побережью Охотского моря. Шхуну они дождались, перебрались на ней в Японию, а оттуда уехали в Харбин. Полковник Леонов служил потом у Чжан Цзо-лина и был убит в белогвардейском нечаевском отряде.

Со смертью Куликовского гражданское управление самоликвидировалось, а вместе с этим тунгусы прекратили доставку дружке мяса. Среди белых стало нарастать недовольство, начался ропот. Они организовали охоту на белуг и стали собственными силами готовить морские кунгасы, чтобы, если пароход вовремя не подойдет, на них переправиться на Сахалин.

На берегу бухты начали вырастать белые остовы судов, около них, как муравьи, копошились люди. Пепеляевцы торопились...

А в это время в местах, где власть еще принадлежала белым, началась смута.

Охотск, расположенный примерно на 600 верст севернее порта Аяна, находится на берегу моря у слияния рек Охота и Кухтуй. Здесь — большой рыбопромышленный пункт Охотско-Камчатского побережья и центр торговли пушниной с северо-восточной Сибирью. В прилегающих к городу районах — богатые золотые прииски.

В этот край бешеной наживы и спекуляции за время революции наехало много «рискового» люда.

Еще в 1921 году меркуловское приморское правительство командировало в Охотск есаула Бочкарева — сподвижника атаманов Калмыкова и Семенова — с отрядом белогвардейцев «для наведения порядков» и выкачивания материальных ресурсов. Но Бочкарев, отъявленный авантюрист и бандит, занялся здесь мародерством и грабежом. Он пополнил свой отряд местными бандитами, закупил у фирмы «Олаф Свенсон» 200 винтовок и значительное количество патронов.

В конце концов в отряде Бочкарева на почве недоверия при дележе награбленного произошел раскол. Часть банды осталась в Охотске, а сам Бочкарев ушел

в Гижигинский район, где и зажил на правах Соловья-разбойника.

Другое село — Булгино, находящееся в ста пятидесяти верстах северо-западнее Охотска по оймяконскому тракту, избрал своей резиденцией бандит Яныгин.

В начале пепеляевской авантюры в Охотск из Владивостока прибыло так называемое «районное гражданское управление» во главе с действительным статским советником Н. С. Соколовым. Представители владивостокской власти создавали видимость занятости, выдумывали и выискивали никому не нужные дела и проблемы.

Но в действительности никто в районе не признавал соколовского «управления». Да и самого Охотского района, как административного целого, фактически не существовало, так как все населенные пункты побережья жили совершенно автономно.

Так, например, жители большого селения Иня, расположенного в ста верстах северо-восточнее Охотска, определенно заявили: «Тому, кто сунется к нам свои порядки устанавливать, голову отвернем!»

Бочкаревцы попробовали раз усмирить инцев, но те действительно чуть не оторвали им головы, и белобандитам пришлось вернуться ни с чем.

Таким образом, Соколову оставалось управлять только городом Охотском, где и местной городской управе нечего было делать. Главное внимание Соколов обратил на изыскание средств для содержания своих служащих, из коих ни один не получал менее 100 рублей золотом в месяц. В связи с этим подвергались обложению торговые фирмы, золотые прииски, стали учреждаться всевозможные налоги и поборы, тяжесть которых в конечном счете ложилась на бедное камчадалское население. Обуза, которую представляло собой «районное управление», была настолько велика, а деятельность его так нагла, что ею возмутились даже пепеляевцы, которые в конце концов ликвидировали «охотский филиал» приморского правительства.

Неразберихой, царившей в Охотске, решил воспользоваться бандит Яныгин. Не довольствуясь хозяйничаньем в Булгино, с благословения Соколова и при участии корабельниковцев и бочкаревцев, однажды ночью он

разоружил охотский гарнизон пепеляевцев и захватил власть в городе.

В предместье Охотска — Новом Устье — находилась еще одна «власть», именовавшая себя «Якутским областным управлением». В это «управление» входили купцы Антипов и Неустроев, учителя Сивцев, Афанасьев и Рязанский. Они были озабочены только одним — переброской никифоровских товаров через Оймяконский район на север для обмена их на пушнину. Оказанию же помощи пепеляевцам, ведущим борьбу в области против Советской власти, управленцы уделяли мало внимания.

Такой была та паутина, которой оплеталось местное население Охотского района. Безотрадная и беспокойная обстановка заставила камчадальскую бедноту открыто роптать против существующих порядков.

— Проваливали бы они все куда-нибудь поскорее, а то еще передерутся в городе... Пуля не разбирает ни своих, ни чужих.

— Нам лучше быть под Советской властью!

— Под ней сейчас вся Россия, да и худого от нее мы ничего не видели.

КОНЕЦ ПЕПЕЛЯЕВЩИНЫ

Вскоре после «яныгинского переворота» до Охотска дошли слухи, что пепеляевская дружина возвращается из-под Якутска в Охотск. Эти слухи помешали Яныгину разграбить город. Опасаясь генеральского гнева, он начал занскивать перед пепеляевцами, возвратил им оружие, а сам поспешил убраться в Булгино.

В начале апреля в Охотск прибыл с жалкими остатками своего отряда генерал-майор Ракитин. Его деморализованные «братья» еще больше способствовали начавшемуся разложению охотского гарнизона. Скоро пепеляевцы перессорились. У них образовались три непримиримых лагеря: капитана Михайловского, полковника Хутоярова и третий — Ракитина, который соблюдал «вооруженный нейтралитет».

«Якутское народное областное управление», получив первые вести о неудачах дружины под Якутском, начало отрещиваться от пепеляевцев, заявляя, что в Якутию никто их не звал. Оно поторопилось наладить связи с якутской общественностью, сотрудничавшей с Советской властью, рассчитывая, что это в будущем поможет оправдаться за свои контрреволюционные делишки.

Некоторые члены «областного управления» спешно выехали из Нового Устья в тайгу, опасаясь за свои ценности и намереваясь пробраться на север, в Нижне-Калымское, а оттуда за границу. Глава управленцев Сивцев в тайге встретился с Яныгиным и полковником

Хутояровым и был ими убит. Но вскоре и сами белобандиты Яныгин и Хутояров погибли в перестрелке с преследовавшим их отрядом красных.

Пепеляев с нетерпением ожидал прибытия в Охотск парохода или шхуны, чтобы убраться восвояси. А весна уже входила в свои права. Почерневшая тайга как будто ближе спустилась с гор и плотнее обступила город. Снег сделался ноздреватым и рушился с тихим звенящим шумом.

Ослепительное северное солнце постепенно прогрело глубоко промерзшую землю. Реки Охота и Кухтуй наполнялись мутной водой и готовились стряхнуть с себя ледяной покров. Наконец в одну из ночей реки загрохотали — лед тронулся. От берегов моря оторвалось ледяное поле и медленно отошло вдаль. С приливом лед возвратился обратно, но уже весь поломанный, нагроможденный причудливыми ледяными горами.

Теперь прибытия пароходов можно было ожидать самое большее через месяц. Но никто не предполагал, что с первыми двумя пароходами из Владивостока направятся войска 5-й краснознаменной армии.

Ранним утром 5 июня красные под прикрытием морского тумана высадились в двадцати верстах от города и форсированным маршем двинулись к Охотску. Начальник красного экспедиционного отряда С. С. Вострецов с небольшой группой бойцов направился прямо в город и без шума занял штаб гарнизона. Остальные войска начали охватывать Охотск со всех сторон.

Вначале пепеляевцы приняли красных за яныгинцев, а когда опомнились, было уже поздно. Организованного сопротивления они оказать не могли, лишь небольшие группы засели в домах, отстреливались из-за углов.

Вострецов послал к обороняющимся захваченного в штабе гарнизона офицера-пепеляевца с сообщением, что в Охотск прибыла крупная часть регулярной Красной Армии, и предложил белым сдаться в плен. Вскоре после этого перестрелка прекратилась. Весь охотский гарнизон сдался, кроме генерала Ракитина, который предпочел застрелиться.

Вострецов поинтересовался у пленных, сдастся ли Пепеляев в плен добровольно. По общему мнению вы-

ходило, что сдастся. Все же белогвардейцы предложили взять в Аян письмо от них, а также прихватить полковника Варгасова, лично знакомого Пепеляеву. С этим Вострецов согласился.

Через несколько дней пароход «Индибирка» с красным отрядом отправился в порт Аян. На берегу толпились смуглые камчадалы, приветливо махая шапками отъезжающим красноармейцам.

Из Аянской бухты исчезли остатки потемневшего льда, и у берегов снова загуляли игривые волны. Кончилась весна. Наступало северное лето с прозрачными белыми ночами. Удивительно красивы эти ночи! Своим волшебным, бледно-дрожащим светом они причудливо преображают природу и необыкновенно волнуют человека.

На исходе ночи 17 июня, когда на землю лег предрассветный густой туман, Аян был разбужен тревожными криками. Не успели пепеляевцы опомниться, как оказались захваченными отрядом Вострецова.

Красные высадились в шестидесяти верстах севернее Алдомской бухты. По пути они ликвидировали на реке Нячи банду Рязанского, а через три дня уже вошли в Аян.

Одним из первых был захвачен сам Пепеляев. Разбуженный криками, он намеревался выскочить из дому и поднять в ружье комендантскую команду, но у дверей его задержал Вострецов. Красный командир предложил генералу сдаться в плен, сообщив, что сопротивляться все равно бессмысленно.

Вместе с Вострецовым находился и полковник Варгасов. Он подтвердил, что весь охотский гарнизон уже сдался. Немного подумав, Пепеляев сдался.

Почти вся дружина последовала примеру своего командующего. Не сдались только десятка три белогвардейцев с полковником Андерсом во главе. Они ушли в тайгу, намереваясь пробраться в Приморье, а оттуда за границу, но в пути были уничтожены местным населением. Самого Андерса захватили живым и передали советским властям.

...Мерно раскачиваясь на волнах и оставляя за собой клубы черного дыма, «Индибирка» спешила во Вла-

дивосток с пленной «сибирской добровольческой дружиной». Светило яркое летнее солнце, грелись и нежились в его ласковых лучах зеленовато-изумрудные воды Охотского моря. Медленно накатывались гладкие волны, с шумом разбиваясь о скалистые берега...

Вот и Владивосток. У гранитных берегов бухты Золотого рога напеваает свою извечную песню морской прибой.

Большие толпы людей встречают пароходы, прибывающие с далекого севера. Сурово смотрят жители на пепеляевцев, длинной вереницей спускающихся по трапу на берег. Летят и как шрапнель рвутся над ними ядовитые словечки, шутки, от которых передергивает белых вояк.

— «Русские»?! Какие же вы русские люди? Русские все давно дома работают, а вас эвона куда занесло — насили добрались!..

Владивосток, словно умытый, посвежевший, уже не напоминал того загрязненного города с противным запахом духов и пота, каким он выглядел во время разгула белогвардейщины, усиленно культивировавшей проституцию.

Все примечают пепеляевцы и здесь, и на пути в Читу, куда их направили под вооруженной охраной. Они видят хорошо возделанные, засеянные поля, толпы довольных, опрятно одетых крестьян, бойко торгующие кооперативные магазины. Дивятся белогвардейцы на все, как прозревшие слепцы. Где же страшное «большевистское засилье», «всепожирающее варварство» совдепов?..

— Брехали за границей о России! Верное слово, брехали, сволочи! — неслошь из солдатских рядов.

Суд над бывшим генералом Пепеляевым состоялся в г. Чите в январе 1924 года. Слушал дело революционный трибунал 5-й красной армии. Всего суду было предано семьдесят восемь человек командного состава. Байкалов и я были вызваны на суд в качестве свидетелей.

Процесс над пепеляевцами шел около двадцати дней. Незадолго до вынесения приговора в газете «Дальневосточный путь» было опубликовано письмо за под-

письмо подсудимых. Обращаясь к тем, кто находился в эмиграции, пепеляевцы писали:

«Из зала суда, в тот день, когда должно закончиться судебное следствие по нашему делу, мы хотим сказать свое последнее слово тем, кто еще до сих пор по доброй воле остается за пределами Советской России, в стане загнанной туда контрреволюции.

Мы все были упорными и последовательными врагами соввласти и боролись с нею до последней возможности. Оторванные в свое время от народа, выросшие и воспитавшиеся в неподвижном болоте мещанской среды дореволюционного безвременья, сбитые с правильного пути искусственно подогретым шовинизмом германской войны, мы испугались разрушительных волн революции, не поняли значения ее очищающей грозы и бури, которая ломала вековые устои народного рабства, и разрушение этих устоев приняли за насилие над своим народом, в страшных муках рождавшим свою революцию.

...Питаемые вздорными слухами о соввласти и систематической ложью продажной зарубежной печати, мы упорно держали в своих руках это орудие до тех пор, пока последний удар Красной Армии не выбил его у нас из рук и не заставил нас вернуться в Россию в качестве пленников соввласти.

И только здесь, в Советской России, только тогда, когда мы начали невольно присматриваться к ней и тем людям, которые ею управляют сейчас, мы поняли, как жестоко мы ошиблись...

Мы обращаемся к тем, кто искренне и глубоко любил свою родину и кто заблуждается до сих пор, как заблуждались мы. И мы говорим им: вдумайтесь в это наше последнее обращение, вернитесь к Советской России, отдайте себя на ее суд, идите сюда работать и выковывать именно здесь, рука об руку с соввластью, то благополучие и счастье нашего народа, за которое мы так долго и так неумело боролись.

Оторвавшись от Советской России, ничего не зная о ней, вы, быть может, готовитесь так же, как это сделали и мы, к борьбе с бандами разрушителей, думая, что вашей борьбой с соввластью вы возродите Россию, и вы не замечаете, как не замечали и мы, что вы сами уже превратились в банды, а великая и сильная Россия

уже возродилась без нашей помощи и даже вопреки нашей борьбе с нею создала свою могучую, организованную и непобедимую Красную Армию...

Идите в Россию и служите соввласти.

Помогите ей укреплять хозяйственное благополучие и военную мощь новой, рабоче-крестьянской России.

Преступниками будут те, кто на радость врагам русского народа поднимет руки свои на Советскую Россию, ибо они поднимут их на новую свободную Россию».

Среди 78 подписавших это письмо были, разумеется, искренне раскаявшиеся в своих преступлениях, а некоторые, возможно, поставили свои подписи в надежде, что это может смягчить приговор.

В своих последних словах суду каждый подсудимый признал вину перед трудящимися и Советской властью и просил смягчения наказания.

Пепеляев в последнем слове сказал:

— Физическая смерть мне не страшна, мне тяжела смерть идейная. Я долго и упорно боролся против Советской власти. Я глубоко верил, что борюсь за родину, за народ, а не иду против него.

Теперь, к сожалению, слишком поздно. Сквозь тюремную решетку я увидел и понял, что я жестоко ошибался и что за нашей спиной и на нашей крови другие наживали деньги, а нас толкали в пропасть, куда и я докатился.

Какой бы приговор мне ни был вынесен, я буду считать его вполне заслуженным.

Приговором пролетарского суда 26 человек подсудимых, в том числе и Пепеляев, были приговорены к высшей мере социальной защиты — расстрелу. Остальные подсудимые были лишены свободы на разные сроки.

По ходатайству Дальневосточного ревкома, представителей защиты и по просьбе самих приговоренных постановлением ВЦИК высшая мера социальной защиты была всем им заменена десятью годами лишения свободы.

Так закончился этот бесславный последний поход белогвардейщины против Октябрьской революции, против Советов.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
В черном гнезде харбинской белоэмиграции	5
Начало авантюры	16
Якутск готовится к отпору	23
Нельканская неудача Пепеляева	39
Откажется ли генерал от похода?	45
Две ошибки Дмитриева	61
Поход к Петропавловскому	67
Сводный отряд действует	74
Бой с отрядом Вишневого	86
Предсмертные исповеди	99
Наступление главных сил Пепеляева	113
Осада	120
Новые опасности	132
Борьба продолжается	147
Поражения белогвардейцев	154
Блокада снята	170
Конец пепеляевщины	181

Строд Иван Яковлевич
В якутской тайге

М., Воениздат, 1961. 188 с.

Редактор *Аристов В. И.*
Художник *Васильев В. В.*
Технический редактор *Соломочик Р. Л.*
Корректор *Кащева Р. А.*

Сдано в набор 19.12.60 г. Подписано к печати 20.5.61 г.
Формат бумаги $84 \times 108 \frac{1}{32}$ — $5 \frac{7}{8}$ печ. л. =
= 9,63 усл. печ. л. + 1 вкл. — $\frac{1}{16}$ п. л. =
= 0,10 усл. п. л. 9,24 уч.-изд. л. Тираж 30.000
Г-72842.

Изд. № 3/3183.

Зак. 736.

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны
Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.
Цена 44 коп